

ВОКРУГ СВЕТА

7 1970
ИЮЛЬ

Утро. Розоватое октябрьское солнце лежит над самым горизонтом, скупо освещая лагерь дрейфующей станции «Северный полюс-18».

Сегодня нам предстоит последнее погружение под лед в полукилометре от лагеря станции. Сборы привычные и недолгие. Выносим из домика и складываем на дюралюминиевую с брезентовыми бортами волокушу акваланги, гидроком-

бинезоны, ласты, грузим и другие водолазные принадлежности и приборы. Все крепко обвязываем линем. Берем с собой на случай встречи с медведями карабин и ракетницу. По телефону из домика связываюсь с дежурным по станции и получаю «добро» на работы вне лагеря. Трогаемся в путь. Двое тащат волокушу за веревку спереди, один сзади подталкивает длинной пешней. Четвертый идет

впереди, выбирая дорогу. Собака Белка, как всегда, с нами.

Дорога нам хорошо знакома. Вот уже почти пять месяцев наша четверка — Николай Шестаков, Вадим Евгеньев, Олег Михеев и я — проводит исследования подледного рельефа.

Наша льдина не так уж велика, и за эти месяцы мы успели изучить на ней каждый бугорок. Мириадами разноцветных искорок, белоснежным полем пред-

1970

ВОКРУГ ГЛОБУСА СВЕТА

№ 7

Журнал основан в 1861 году **июль**

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

На страницах номера:

«ЦК ВЛКСМ ОБЪЯВИЛ ВСЕ-СОЮЗНЫМИ УДАРНЫМИ СТРОЙКАМИ 13 ВАЖНЕЙШИХ ВОДОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ», — говорилось в отчетном докладе на XVI съезде ВЛКСМ. Об одной из них — мелиорации земель белорусского Полесья — рассказывает наш корреспондент в репортаже **«Зыбкое царство туманов».**

«Над нами — Ледовитый океан» — впервые в мире четверо советских исследователей-аквалангистов на протяжении длительного времени изучали подледный рельеф океана.

«Долгий путь иноземных идолов» — о древнем искусстве народов Африки ведет рассказ искусствовед В. Мириманов.

«Еще раз попытаем счастья» — документальный рассказ молодого эквадорского писателя Фаусто Андраде.

«Камикадзе — «божественный ветер» — очерк журналистов С. Милина и В. Цветова о японских фанатиках-смертниках и попытках возродить дух милитаризма в современной Японии.

«Я вас первым обнаружил!» — фантастический рассказ Кир. Булычева.

стала перед нами льдина вес-
ной. Темные очки были единст-
венным спасением в этом ослеп-
ляющем белизной и блеском
мире. Пришедшее лето прегра-
дило дорогу многочисленными
озерцами и речками талой во-
ды. Это доставляло нам много
хлопот. Приходилось водолазное
снаряжение носить на себе —
акваланги и свинцовые грузы
охлаждались как нелегко! Да еще, по-
скользнувшись, случалось выку-

паться в весело журчащей, но
ледяной воде.

Сейчас уже осень, и снова
все замерзло. Глубокий снег
мягко хрустит под унтами.
Вскоре показался зеленый верх
нашей палатки. За несколько
дней ветер занес ее наполовину
снегом, намел сугробы и внут-
ри — сквозь щели. Быстро
выгребаем снег из палатки и
начинаем готовиться к погруже-
нию... на стр. 2 •

НАД НАМИ - ЛЕДОВИТЫЙ

▼ со стр. 1

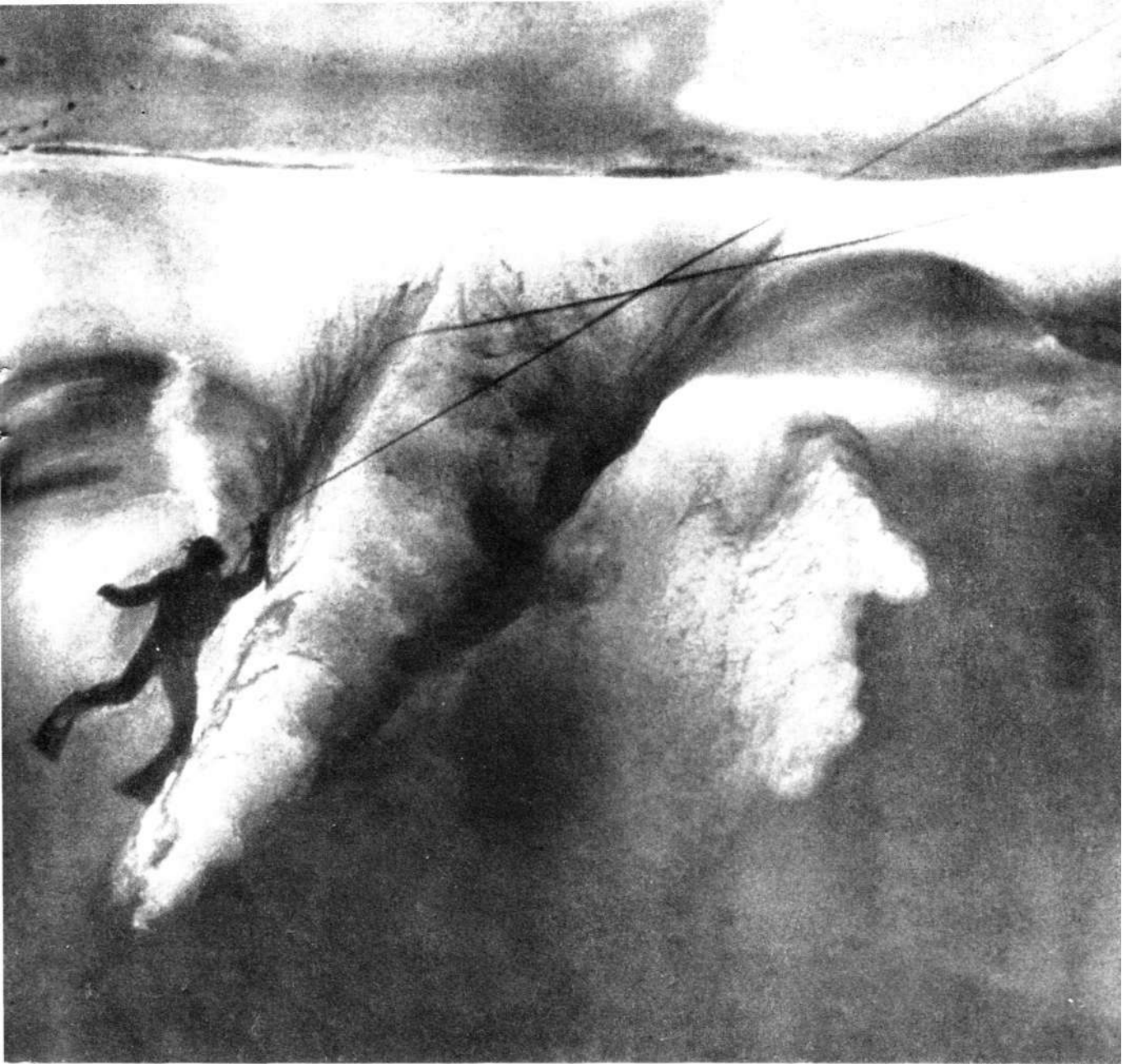
Решаю, что под воду пойдет Николай Шестаков и я. Обычно выбор: кому идти — зависит от характера предстоящей работы, от общей очередности погружений и, конечно, от самочувствия ребят. Олег отправился прочищать лунки, а мы с Николаем при помощи Вадима на-

чинаем менять арктические доспехи на не менее громоздкие водолазные. От зажженной внутри палатки паяльной лампы почти тепло, и мы, сидя на полу на кусках пенопласта, надеваем на себя по два комплекта шерстяного белья, меховые носки и поролоновые подшлемники. Поочередно на нас натягивают гидрокombineзоны, вооружают каждого ножом, компасом, глуби-

номером и, наконец, надевают акваланг. Сигнальный конец крепится на поясе Шестакова.

Наконец все готово, и мы в сопровождении Белки, неловко ступая лапами по рыхлому снегу, идем к лунке. Договариваемся, что во вторую лунку, находящуюся в другом конце исследуемого профиля, Вадим опустит на кабеле подводный электромаяк, свет которого хорошо виден на расстоянии нескольких

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

ОКЕАН

В. ГРИЩЕНКО, руководитель группы подводных исследований,
научный сотрудник Арктического и Антарктического института

десятков метров. Это облегчит нам поиск второй лунки и выход через нее на поверхность.

Первым погружается Николай. Вода в лунке кипит от выдыхаемого им воздуха. Через несколько секунд Николай всплывает, жестом показывает, что у него все в порядке, и просит подать аппаратуру. Сквозь запотевшее на морозе стекло маски я наблюдаю, как змейкой убегает под воду сиг-

нальный конец Шестакова. Вот конец замер, дернулся раз. Это условный сигнал, означающий, что Николай вышел под лед и ждет меня. Я переключаю рычаг клапанной коробки на дыхание воздухом из акваланга, цепляюсь карабином своей страховки за сигнальный фал и со скальзываю в лунку. Погрузившись, проверяю работу легочного автомата. Все в порядке. Обжимающая тело вода с ха-

рактерным дребезжанием вытесняет воздух через клапаны гидрокостюма. Беру с поверхности фотобокс и ухожу под лед сквозь просторную лунку.

Погружаясь, перебираю в памяти все те лунки, щели и трещины, через которые нам приходилось пролезать под лед, буквально оставляя «кожу» на острых ледяных выступках. Хуже всего было погружаться в пробуренные тракторным бу-

ром лунки диаметром всего около 600 миллиметров. С вытянутыми вдоль туловища руками, извиваясь как червь, аквалангист с трудом пролезал в эту трубу пятиметровой длины.

Сам момент выхода из колодца лунки на простор подледного пространства был для нас всегда волнующим, ибо каждый раз открывалась новая, не похожая ни на что увиденное до сих пор картина подледного рельефа. Мы видели лабиринт ледяных выступов, хранящих следы сжатий и напряжений, вызванные когда-то столкновениями льдин, или смытые течением выступы, похожие на паруса, свисающие в бездну океана на десятки метров...

Погружаюсь глубже, чтобы иметь возможно больший обзор. Смотрю вверх. Прямо над мной видна круглая луна нашей майны, светятся размытые пятна снежинок, где лед тоньше и пропускает больше света. Напротив под многометровыми ледяными выступами света почти нет. Взгляд, обращенный вниз, встречает абсолютную темноту. Об этой черной бездне, которая всегда под нами, мы не говорим и почти не думаем, но именно ее присутствие заставляет аквалангиста перед погружением привычным движением проверить, легко ли расстегивается более чем десятикилограммовый грузовой пояс, чтобы быть готовым сбросить его в любой момент.

Вижу Николая, ожидающего меня на широкой горизонтальной площадке большого выступа, рядом с ним лежат приборы. Готовлюсь фотографировать этот выступ. Подплываю к Николаю, подаю ему масштабную рейку (чтобы после, по снимку, можно было получить размеры выступа) и показываю знаками, какое место, необходимое для съемки, он должен занять. Отплываю метров на пятнадцать, выбираю точку съемки и делаю два снимка. Вспышка подводной лампы на мгновение оживляет безмолвные ледяные глыбы, после чего все снова погружается в прозрачный полумрак. Затем мы забираем приборы и, определив направление по компасу, начинаем измерения и наблюдения на выбранной трассе, удаляясь все далее под лед в сторону второй лунки и изредка отвечая на сигналы с поверхности.

Основное содержание наших

исследований — изучение многообразия форм подледного рельефа, их сезонной изменчивости, а также гидрофизических условий, которые влияют на формирование и разрушение ледовых образований. После, наверху или даже на Большой земле, обработанные и проанализированные материалы позволяют сделать важные выводы об основных закономерностях строения подводной части ледяного покрова, существенно дополняют выводы о дрейфе льдов, сделанные по надледным наблюдениям. Но это потом...

А сейчас мы начали мерзнуть. Холодно рукам, ногам, мерзнет от свинцовых грузов поясница. Прерываем работу и всплываем под ледяной потолок. Поднимая поочередно вверх руки и ноги и делая выдох внутрь комбинезона, удается пошевелить пальцами, усилить немного кровообращение. Согревшись таким образом, продолжаем работу. Пройдено уже больше половины трассы. Вдруг чувствуем, что сигнальный конец зацепился за что-то и не пускает вперед. Возвращаюсь. Карабин моего страховочного конца легко скользит по капроновому сигнальному фалу. До места зацепа всего метров сорок. Быстро распутываю фал. Даю на поверхность сигнал, что у нас все в порядке, и плыву обратно к ожидающему меня Шестакову. Мерзнем все сильнее. Пальцы рук двигаются медленно и с трудом. По манометрам аквалангов проверяем количество воздуха в баллонах. Надо потопрапливаться. Осматриваем пространство впереди себя и отыскиваем белую точку лампочки маяка, опущенной из второй лунки на глубину около пятнадцати метров. До лампы метров сорок-пятьдесят, и с каждым движением ластов мы приближаемся к выходу на поверхность.

Снова где-то сзади зацепился наш сигнальный фал. Дергаю его осторожно, держась ножом за ледяной потолок над головой, пробую сильно потянуть сигнал... Тонкий капроновый линь лишь амортизирует, но не отцепляется. У нас остается воздуха всего на несколько минут — возвращаться и распутывать сигнальный конец некогда. Что делать? Карабин моей короткой страховки зацепляю за акваланг Николая и обрезаю держащий нас сигнальный ко-

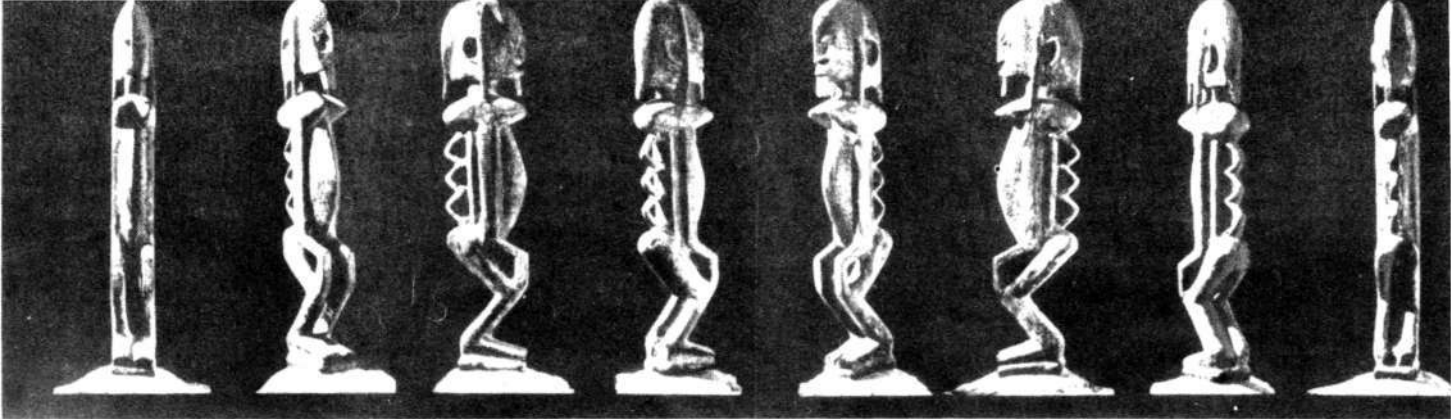
нец. Плывем прямо на хорошо видную лампу. Мешают немного встречное течение, приборы и аппарат в руках. Вот и долгожданная лунка. Дергаем трижды за кабель светильника — водолазный сигнал подъема на поверхность. Вадим отвечает повторением сигнала и выбирает лампу наверх. Показываю Николаю большим пальцем наверх, и он всплывает в лунку. Я иду вслед за ним, и его ласты иногда задевают мою голову. Вадим Евгеньев принимает из наших рук аппаратуру и помогает нам по очереди выбраться на лед. Чтобы выбраться, нужно лечь на край лунки грудью и животом, затем повернуться на бок и только после этого встать на ноги. Даем сигнал стоящему вдалеке Олегу, да он и сам видит, что все в порядке. Гидрокомбинезоны и прочее снаряжение быстро покрываются тонким слоем беловато-прозрачного льда, который шуршит и ломается на сгибах резины. С нас снимают ласты и акваланги, и мы торопимся в палатку, так как промерзли уже по-настоящему. Ребята помогают нам снять гидрокостюмы. Вчетвером в палатке тесно. Да еще Белка, пятясь от горячей паяльной лампы, путается под ногами. Наконец мы снова в теплом меховом одеянии и в унтах. Пьем из термоса крепкий горячий чай с вареньем и окончательно приходим в себя.

Итак, выполнено последнее из нескольких сотен погружение под лед, так похожее на предыдущие, но вместе с тем неповторимое. Получены интересные данные о распределении толщин льда, о характере рельефа нижней ледовой поверхности, которые влияют на скорость и направление дрейфа ледяных полей.

Трогаемся в обратный путь. Поднимаемся на ледяной бугор, с которого видна почти вся льдина, окруженная по краям грядами торосов. Служившая нам долгие месяцы добрым и надежным домом, она превращалась для погружающегося под нее аквалангиста в коварного врага, не прощающего ни малейшей ошибки. Искошенная сверху и раскрывшая теперь кое-какие тайны своей доселе неизвестной подводной жизни, эта льдина стала для нас первой ступенькой в длинной лестнице изучения подледного мира Арктики, и нам было жаль расставаться с ней...

Маска для танца
(Сьерра-Леоне — Либерия).

Деревянная статуэтка женщины (Мали).

Глиняная скульптура
(Берег Слоновой Кости)

Деревянная маска
(Сьерра-Леоне).

Бронзовая маска
(культура Ифе).

Деревянная маска
(Конго).

ДОЛГИЙ ПУТЬ ИНОЗЕМНЫХ ИДОЛОВ

В прошлом году закончился Всеафриканский фестиваль культуры, в котором приняли участие сотни исследователей и художников всего мира.

Тысячелетия и столетия назад создававшиеся безвестными мастерами Черного континента деревянные, бронзовые, глиняные

фигуры воинов и богов, кубки и вазы, высеченные на скалах силуэты танцовщиц и охотников ныне признаны достоянием мирового искусства.

...И трудно поверить: то, что в наши дни стало гордостью крупнейших художественных коллекций, еще в начале XX века рассматривалось лишь

как этнографические экспонаты культур, едва перешагнувших порог каменного века...

Мы попросили кандидата искусствоведения В. МИРИМАНОВА, присутствовавшего на фестивале в составе советской делегации, рассказать об истории открытия африканского искусства.

Бронзовая скульптура
(Камерун).

Глиняные статуэтки
(Эфиопия).

Деревянная скульптура
(Камерун).

Скульптурная деревянная
чаша (Конго).

Деревянная маска
(Конго).

Портрет европейца
(бронза Бенина).

Альбрехт Дюрер был слишком стар и мудр, чтобы доверять дневнику слова, рожденные лишь случайными эмоциями. Один из крупнейших художников своего времени, ученик и продолжатель Тициана и Джорджоне, Пальма Веккии Джiovанни Беллини, он долго и потрясенно созерцал заморские художественные изделия, кажущиеся такими причудливыми в атмосфере европейского города, — созерцал как откровение, до конца осмыслить которое даже он был бессилён... «Никогда в жизни, — писал он апрельским вечером 1520 года, — я не видел ничего, что так радовало бы мое сердце, как эти предметы. Глядя на столь поразительные творения, я был изумлен утонченным гением людей чужих стран».

В то время когда Дюрер делал свою запись, «этих предметов» в частных музеях и «кабинетах курьезов» было еще совсем мало, и они казались столь же таинственными и непонятными, как и страны, откуда их привозили. Статуэтки, вазы и браслеты были для европейцев такой же экзотикой, как имбирь и попугаи, смуглокожие рабы и рассказы моряков о тропических лесах. И, как на всякую экзотику, на них возникла мода. Они даже превратились постепенно в предмет импорта: португальские торговцы заказывали капитанам судов, идущих в Африку, всевозможные изделия из слоновой кости. И, как всякая экзотика, они вызывали изумление и восторги. Им посвящали стихи.

Но восторгались европейцы экзотикой — не искусством. Мало кому было тогда дано увидеть в изделиях чужеземных мастеров «утонченный гений» — Дюрер писал эти слова за семнадцать лет до того, как папа Навел III в своей булле милостиво «даровал» обитателям новооткрытых земель «свойство настоящих людей»...

Этот «дар» был предложен Африке Ватиканом в 1537 году. Смысл его был, конечно же, не в том, чтобы «уравнять» в правах перед всевышним христиан и язычников. Отнюдь. Булла папы явилась сигналом к миссионерской деятельности, которая для африканцев оказалась не менее губительной, чем работорговля, — миссионеры сделали все, что могли, чтобы разрушить структуру африканского общества, его культурные и общественные традиции. И когда в XIX веке начался новый этап колонизации Африки (считая за начальный период ее «открытие» в XV—XVI веках), европейцы находят здесь лишь остатки государств, — пишет французский африканист Жан Лод, — морально и материально разрушенных — итог четырехвековой безжалостной эксплуатации континента, оправдывавшейся «дикостью» Африки и ее «неспособностью к цивилизации».

Освет такого варварского отношения к иным культурам лег и на практику научного исследования Африки в «просвещенном» девятнадцатом. Классификацией и изучением произведений искусства африканских мастеров занимаются только этнографы. Основатель Берлинского музея народоведения Адольф Бастиан обращается с призывом «приобретать все, что можно, чтобы спасти от уничтожения произведения примитивных культур и сосредоточить их в наших музеях». По сути дела, это был призыв к грабежу национальных культурных ценностей Африки, хоть он и прикрывался словами о «спасении».

Но это было не худшее из того, что угрожало произведениям африканских мастеров.

Со второй половины XIX века в странах Африки в результате деятельности миссионеров начинается массовое уничтожение народной скульптуры. Маски, культовые статуэтки и фетиши сваливаются в кучи и сжигаются. В таких аутодафе гибнут тысячи и тысячи уникальных памятников, исчезает великое искусство, а с ним и тысячелетние традиции, питавшие творчество народных художников. В Северной Анголе, например, к 1872 году древнейшие памятники искусства были уничтожены полностью.

Этнографы в этом участия не принимали, но зачастую после них на местах не оставалось ничего более или менее ценного из того, что было создано древней самобытной культурой. Многих этнографов того времени можно сравнить с клондайкскими золотоискателями, которые не успокаивались до тех пор, пока в земле оставалась хоть крупинка золота.

Ко всему прочему этнографов интересовало в тот период чаще всего лишь то, что помогало бы «практикам» колонизаторской деятельности в Африке. Этнографические материалы, в том числе предметы искусства, рассматривались отнюдь не как художественные ценности, они просто должны были облегчить изучение африканского быта: африканские маски и статуэтки, составляющие сейчас гордость крупнейших художественных музеев мира, оценивались большинством исследователей как грубые поделки «дикарей», «приблизительные неумелые изображения людей и богов», как своего рода наглядные пособия для будущих колонистов.

Да и слишком чужды были канонам европейского искусства того времени произведения африканских мастеров. Трудно было ожидать от кого-нибудь из европейских «законодателей вкуса» признания того, что элегантно изваяние из мрамора и вырезанный из дерева «примитивный» идол в равной степени могут являться произведениями искусства.

И поэтому спустя четыре века с того дня, когда потрясенный Дюрер открыл для себя «утонченный гений людей чужих стран», в одной из энциклопедий четко и бесстрастно утверждалось: «У негров, которые, как все расы Центральной Африки, сильно отстают в области искусства, находят идолов, изображающих людей и воспроизводящих с гротесковой верностью характерные черты африканской расы».

Но буквально через год после выхода упомянутой энциклопедии перед Европой предстали произведения великолепной бронзы Бенина.

II

Это было одно из самых могущественных государств тропической Африки, а столица его город Бенин своей величиной, благоустройством, размерами зданий и дворцов поражала европейских путешественников... «Город, — писал в XVII веке голландский врач и историк Олферт Даппер, — вместе с царским дворцом имеет в окружности 5 или 6 миль. По одной его стороне тянется высокая стена 10 футов вышиной... Дворец имеет четырехугольную форму. Он занимает такую же террито-

рию, как город Гаарлем¹, и окружен особой стеной. Он разделен на многочисленные роскошные помещения, к нему ведут красивые длинные четырехугольные галереи по размерам такие же, как Амстердамская биржа. В городе тридцать совершенно прямых улиц, содержащихся в большой чистоте...»

В конце XIX века Англия решила прибрать к рукам Бенин, с которым еще в XV веке наладили торговые отношения португальцы. В 1897 году несколько англичан во время религиозного праздника вопреки наложенному запрету явились в священный город. Двое из них были убиты. И тогда карательная экспедиция Ее Величества подошла к стенам Бенина. Ядра и фугасы уничтожили тысячелетний город.

И, разгребая в поисках добычи еще дымящиеся руины бенинского дворца, английские солдаты нашли около двух тысяч бронзовых фигур...

Вскоре эти скульптуры появились в антикварных лавках. Исследователей этнографических музеев Европы поразило совершенство изделий африканских металлургов, которые, как признали ученые, не уступают образцам эпохи Возрождения и... в чем-то походят на них. Это казалось невероятным.

И тогда возникло предположение, что истоки бенинского искусства обработки бронзы надо искать не в тропической Африке, а в районе Средиземного моря, где началась античная цивилизация. Считалось даже, что когда-то бенинские мастера учились своему искусству у этрусков. Более осторожные исследователи приходили к выводу, что бенинская бронза имеет португальское происхождение. Были и предположения, что на ней лежит отблеск индийской цивилизации.

Европейская наука и искусствоведение были просто не подготовлены к этому открытию, которое разрушало столетиями складывающееся представление об Африке.

Между тем открытие африканской скульптуры только начиналось. Когда исследователи начали изучать историю Бенина, выяснилось: еще в XVI веке португальские мореплаватели и путешественники, побывавшие в этом городе, записали легенды о том, что некогда Бенином управляли цари более могущественного города — Ифе, столицы народа йоруба, и что именно оттуда пришло в Бенин искусство бронзового литья. Легенды называли даже имя первого металлурга, пришедшего из Ифе: Игве Игха.

И вот в 1910 году немецкий этнограф и археолог Лео Фробениус, основываясь только на этих легендах, начал раскопки в Ифе (Нигерия). Всего два месяца провела экспедиция Фробениуса в Ифе, но то, что было открыто за это время, превзошло все ожидания. Буквально в первые же дни раскопок вблизи полуразвалившегося дворца одного из правителей археологи нашли куски terra-cottовой скульптуры, изображающей человека. «Это были следы очень древнего и прекрасного искусства», — писал Фробениус в дневнике. — Эти разрозненные остатки были воплощением симметрии, живости, утонченности формы, которая непосредственно напоминает Древнюю Грецию... Ценность находки не оставляет никаких сомнений:

она указывает на что-то, безусловно, экзотическое, на существование необычайно древней цивилизации... Еще немного, и я с уверенностью смогу утверждать, что мы находимся сейчас там, где некогда стояла священная обитель Посейдона...»

Дело в том, что Фробениус был уверен в существовании Атлантиды — а совершенство найденных скульптур в Ифе казалось ему неоспоримым доказательством того, что именно «страна йоруба с ее пышной растительностью, с ее цепью озер на побережье является Атлантидой, родиной наследников Посейдона, бога моря, названного йоруба Олокуном, страной людей, о которой Солон сказал: «они распространили свою власть вплоть до Египта и Тирренского моря». И когда Фробениус в священной роще йоруба, где, по преданию, пребывал дух бога моря Олокун, нашел бронзовую, покрытую многовековым налетом патины прекрасную скульптуру, отличную по манере исполнения от бенинских фигур и превосходившую их по техническому мастерству, последние сомнения у исследователя отпали: «Перед нами лежала голова изумительной красоты, чудесно отлитая из античной бронзы, правдивая в своей жизненности... Это был в самом деле Олокун, Посейдон Атлантической Африки».

Надо сказать, что уже тогда мало кто серьезно относился к теоретическим построениям Фробениуса об Атлантиде в Африке. Но найденные им произведения искусства, отличные от бенинских изделий и от «традиционных» деревянных африканских скульптур, искусства классически ясного стиля, напоминающего лучшие времена античности, явились сенсацией.

Кем они были сделаны? Когда? Каков смысл их? И самое главное: где истоки мастерства их создателей? Ведь скульптуры Ифе по своим качествам и отточенности художественных приемов столь совершенны, что не могло быть сомнений в существовании еще более древней художественной школы, воспитавшей своими традициями мастеров Ифе.

В 1938 году там же в Нигерии были случайно обнаружены восемнадцать бронзовых голов — опять-таки очень близких античному искусству. Однако на этот раз поражала еще и несомненная портретность скульптур. И снова начались споры. И снова многие выводили истоки открытой культуры от берегов Средиземноморья.

Однако проходит несколько лет, и неподалеку от Ифе археологи обнаруживают множество керамических изделий той же культуры, а также погребение с пятью terra-cottовыми головами, причем две из них выполнены в стилистической манере, типичной для африканской скульптуры, какой она представлялась до открытий в Бенине и Ифе, а три другие — в стиле, характерном для этих открытых памятников. Эти находки уже не оставили сомнения в том, что искусство Ифе своим возникновением обязано местным африканским традициям, а кажущаяся необычность его для Африки говорит лишь о том, что науке, по сути дела, еще очень мало известно об африканском искусстве.

В 1943 году в одном из оловянных рудников Северной Нигерии, вблизи селения Нок, под восьмиметровым слоем породы были неожиданно найдены фрагменты керамики. Английский археолог

¹ Город в Голландии.

Б. Фэгг, тщательно исследовав рудничные отвалы, откопал огромное количество ранее просто незамеченных фрагментов глиняных изделий: терракотовые головы, статуэтки... А радиоуглеродный анализ показал — эти скульптуры были изготовлены еще в начале I тысячелетия до нашей эры. Иначе говоря, искусство Нок оказалось более чем на тысячелетие старше бронзовых и глиняных скульптур Ифе.

Вскоре выяснился еще один важный факт: эта культура не сосредоточивалась лишь вблизи селения Нок. Общая площадь распространения ее оказалась равной примерно 180 000 квадратных километров!

Открытие культуры Нок резко раздвинуло хронологические рамки африканского искусства. И позволило, хотя бы в общих чертах, проследить перспективу исторического и художественного развития африканской скульптуры.

Казалось, непреодолимая пропасть отделяет давно известные произведения так называемой традиционной африканской скульптуры от древнейших образцов африканской пластики, которые можно сравнить по стилю с образцами высокой античности.

Но именно открытие древнейших памятников африканского искусства позволило с несомненностью сделать окончательный вывод: по своим пропорциям, отдельным приемам обработки лица, глаз, даже традиции обработки поверхностей, и скульптура Нок, и более поздняя бронза Ифе, и несколько особняком стоящее искусство Бенина, и народная деревянная скульптура — все это звенья одной цепи, начало которой уходит в глубину тысячелетий.

Сейчас исследователи считают, что многие современные племена побережья Гвинейского залива сохранили ту же религию, которую исповедовали племена, создавшие культуру Нок. Эта религия — культ мифических предков племени, носителей «жизненной силы», которая распространяется на ныне живущих. Можно предположить, что статуэтки Нок исполняли ту же функцию связи между миром потусторонним и реальным, что и современные деревянные ритуальные фигурки, изображающие предков.

III

«Если амфора отказывается ходить к источнику, она заслуживает быть осмеянной кувшином», — писал Виктор Гюго.

Многие европейские художники второй половины XIX века понимали, что современное им так называемое академическое искусство перерождается в фабрику фальшивых красот, изящных декораций, отгораживающих человека от реального мира.

Поиск выхода из такого положения осуществлялся по разным направлениям. Некоторые художники, например, пытались противопоставить устоявшимся академическим канонам мимолетную неуравновешенность состояния изображаемых предметов, как бы растворенных в воздухе и свете. Но это направление, открыв новые возможности художественного отображения мира, вело к утрате ясности и законченности стиля, делало невозможным создание полновесных художественных

образов. Все больше и больше художников начинает понимать, что главное — это не мимолетное состояние, с каким бы совершенством оно ни было отображено, а глубинная сущность вещей, не отраженное мерцание света, а «весомость, грубость, зримость» реального мира, внутреннего и внешнего. И поэтому нельзя считать случайностью, что именно в годы напряженных поисков новых возможностей изобразительного искусства был услышан язык народной скульптуры, в том числе африканской, до сих пор молчаливо покоившейся на полках этнографических музеев, — язык, которым африканский мастер чисто пластическими средствами передавал близкие ему конкретные идеи и понятия, те, что не могли быть выражены простым копированием внешних черт натуры.

Вот, например, маска, изображающая на первый взгляд лицо человека. Но если приглядеться, можно различить здесь явные черты зверя, птицы и рыбы. Оказывается, эта маска изображает фантастическое существо, символизирующее одновременно землю, воду и небо — основные составляющие мира, окружающего художника, и, следовательно, несет конкретную информацию о космогонических представлениях ее автора.

В этом одна из поразительных особенностей народного — и не только африканского — искусства, обусловленная всем ходом его истории от древнейших наскальных изображений, насчитывающих тысячелетия, до современных изделий из дерева, глины, металла, обусловленная той утилитарной функцией, которую выполняло оно, — передавать информацию, хранить конкретные знания, легенды, предания.

Эту функцию в той или иной степени исполняет всякое искусство, однако с той разницей, что искусство народов, не имевших письменности, несет повышенную информационную нагрузку.

То, что стремился выразить пластическими средствами африканский скульптор, не могло быть передано простым натуралистическим отображением.

Складывавшиеся столетиями стили, изобразительные формы африканской скульптуры обладают необычайной емкостью: сочетая несколько пластических форм в одной, африканский скульптор создает такую пластическую идеограмму, которая схватывается зрителем непосредственно, интуитивно — так, как мы воспринимаем содержание танца или музыкальное произведение.

IV

Сейчас трудно охватить все, чем обязана современная мировая культура африканскому искусству. Значение его не только в том, что мировой науке открылись тысячелетние традиции самобытного искусства, без которого ныне невозможно представить историю мировой культуры.

Может быть, одно из основных значений африканского искусства в том, что оно еще раз доказало: нет народов одаренных и «погрязших в дикости», нет и не может быть несовместимых культур — культуры «белых» и культуры «черных». Есть великая цепь развития человеческой культуры, отдельные звенья которой — «утонченный гений людей чужих стран» и давних времен.

Скульптура царя
(бронза Бенина).

ВСАДНИКИ СПЕШАТ В БАЛМАЗУЙВАРОШ

Пуста начиналась сразу за Дебреценом по обе стороны старой пештской дороги. Она началась, верно, в тот момент, когда в голубовато-желтоватой дымке растаяли башни старинного собора и высокие крыши университета, — Дебрецен остался в котловине. Преодолен подъем. Дорога идет напрямик через бурую равнину. Редко-редко мелькнет белый домик с некрутой черепичной крышей, замаячит на горизонте черный колодезный журавль. Кружат птицы над невысоким камышом — озерко. Пуста называется Хортобадь, по имени старого высохшего рукава Тисы. Я знала раньше, что пуста — это венгерская степь, но никогда мне не прихо-

дила мысль о сходстве между русским «пусто» и венгерским «пуста».

Когда-то эти места были густо населены. Но турки, вторгшись в XV веке на Венгерскую равнину, смели с лица земли деревни и маленькие городки. Спасаясь от резни, люди бежали в Дебрецен. Так стала Хортобадь безлюдной. Разливы Тисы смыли плодородный слой, и Хортобадь стала непригодной для земледелия. Превратилась в солончак почва, и степными травами поросли поля.

После того как иноземцев изгнали из Венгрии, люди не вернулись в Хортобадь. Хортобадь стала землей незаселенной, пустой.

Балмазуйварошские всадники приезжают на состязание в автобусе, а их кони в грузовике. Но этот пожилой пастух весь путь проделал верхом. Судя по одобрительным возгласам, которыми его встретили, этот ревностный хранитель традиций очень популярен среди хортобадских пастухов.

Венгерский пастух в пестре владеет бичом не хуже, чем гаучо — лассо, и в Балмазуйвароше соревнования по бичу привлекают к себе больше всего зрителей. Что только не ухитряются делать в Хортобади бичом: стреноживают лошадей, арканят быков, отрубают кончик сигареты, не задев носа курильщика, и в несколько ударов рисуют розу на песке.

Отныне тут паслись табуны лошадей, стада коров и овец. Со временем хортобадские пастухи стали достопримечательностью Венгрии — как ковбои или гаучо — со своим своеобразным костюмом, своим фольклором, своими обычаями. И со своим рубиновым вином «Бикавер» — «Бычья кровь». Справедливость требует заметить, что вино это — дар эгерских виноградников, в пестру его привозят в бочках. Но патриоты пестры уверяют, что нигде оно так не пьется, как в Хортобади. И именно здесь родилась легенда о нем.

Завоеватели потребовали уплатить дань быками. А быков уже почти не было у крестьян — те же турки угнали скот. Не платить дань было невозможно, у турецкого паши разговор короткий — голову долой. И тогда крестьяне прикатали паше бочку с красным эгерским вином.

— Это бычья кровь, — сказали они.

Паша, видно, понимал, несмотря на Магометов запрет, толк в хорошем вине. Отпробовав «Бикавер», он повелел впредь платить дань только «Бычьей кровью», а заодно запретил кому бы то ни было пить ее...

По сравнению с остальной Венгрией Хортобадь и сегодня еще мало заселена. Но после освобождения, после 1945 года, у венгерской пестры началась иная

Конный футбол — новый вид состязаний в Хортобади. Может быть, поэтому игра шла несколько неуверенно. «Не привыкли еще кони, — объяснил нам директор госхоза Имре Сейферт, — да и всадники тоже. Зато когда освоятся, мы тут в степи такие матчи устраивать будем!..»

жизнь. Венгры принялись за укрощение капризного характера Тисы. Дамбы и плотины перекрыли реку, и вода побежала по каналам в иссушенную степь. И выяснилось, что не обрабатывавшаяся веками засоленная земля, если подойти к ней по-хозяйски, может служить человеку. Оказалось, что здесь можно выращивать рис — культуру для Центральной Европы, согласитесь, экзотическую.

Четыре с половиной тысячи человек работают в Хортобадских госхозах — возделывают рис, разводят птицу и рыбу. Бывшая пустыня поставляет на всю страну зеркального карпа, обитателя хортобадских прудов.

И по-прежнему пасутся на ее просторах стада овец и коров, табуны знаменитых венгерских скакунов.

Каждый год в августе в селение Балмазуйварош съезжаются со всех концов Хортобади всадники в черных шляпах, черных жилетах и ослепительно белых рубашках, украшенных по рукаву вышивкой. Это пастухи. Три дня длится в Балмазуйвароше их праздник. Три дня соревнуются хортобадские пастухи в древнем благородном искусстве пестры — искусстве всадника.

Е. ФРОЛОВА, наш спец. корр.

Лошадь должна слушаться хозяина, подчиняясь его голосу, движению его рук, еле заметному прикосновению колен. Истинный наездник никогда не оскорбит своего коня ударом плетки. Лошади пестры творят чудеса: на полном скаку поворачиваются, берут любые препятствия, осторожно ложатся на землю. При всем этом всадник сидит как влитой в седле.

жерасси не спится по утрам. В шесть, на рассвете, он включает внутреннюю связь и громко спрашивает Марту: — Ты проснулась?

Мы все слышим его пронзительный голос, от которого не спрячешься под одеяло, не закроешься ладошкой. Голос неотвратим, как судьба.

— Марта, — продолжает Джерасси, — сегодня мы что-то очень интересное найдем в фундаменте. Нечто крайне любопытное. Ты как думаешь, Марта?

Марте тоже хочется спать. Марта тоже ненавидит Джерасси. Она говорит ему об этом. Джерасси хохочет, и динамик усиливает его хохот. Капитан подключается к сети и говорит укоризненно:

— Джерасси, до подъема еще полчаса. Кстати, я только что сменился с вахты.

— Прости, капитан, — отвечает Джерасси. — Сейчас мы потихоньку соберемся, уйдем на объект, и ты выспишься. Утренние часы вдвое продуктивнее дневных. Всего два дня осталось. Не так ли?

Капитан не отвечает. Я сбрасываю одеяло и сажусь. Ноги касаются пола. Коврик в этом месте чуть протерся. Тысячу раз я наступал на него по утрам. Приходится вставать. Джерасси прав: утренние часы лучшие.

После завтрака мы выходим из «Спартака» через грузовой люк. По пандусу, исцарапанному грузовыми тележками. За ночь на пандус намело бурого песка, щебня, сухих веток. Мы без скафандров. До полудня, пока не разгуляется жара, достаточно маски и баллона за спиной.

Безнадежная, бурая, чуть холмистая равнина тянется до самого горизонта. Пыль висит над ней. Пыль забирается повсюду — в складки одежды, в башмаки, даже под маску. Но пыль все-таки лучше грязи. Если налетает сизая туча, выплескивается на долину коротким ливнем, то приходится бросать работу и добираться по слизи до корабля, пережить, пока просохнет. В эти минуты бессильны даже вездеходы.

Вездеход ждет нас у пандуса. Можно идти до раскопа пешком, за десять минут, но лучше эти минуты потратить на работу. Нам послезавтра улетать — запасов осталось в обрез на обратный путь. Мы и так задержались. Мы и так уже шесть лет в полете. И пять займет обратный путь.

Рано с Захиром возьматься у второго вездехода. Геологи собираются в последнюю экспедицию. Мы прощаемся с ними и занимаем места в машине. Места в ней привычны, как места за столом, как места в кают-компании. Я (вешаю аппаратуру на крючок слева. Месяц назад мы попали в яму, и я разбил об этот крючок плечо. Я об-

КИР. БУЛЫЧЕВ

Я ВАС ПЕРВЫМ ОБНАРУЖИЛ!

мotal его тогда мягкой лентой. Не оборачиваясь, вешаю на крюк сумку с аппаратурой.

Джерасси протягивает длинные ноги через проход и закрывает глаза. Удивительно, что человек, который так любит спать, может просыпаться раньше всех и будить нас отвратительным голосом.

— Джерасси, — говорю я. — У тебя отвратительный голос.

— Знаю, — отвечает он, не открывая глаз. — У меня с детства пронзительный голос. Но Веронике он нравился.

Вероника, его жена, умерла в прошлом году. Исследовала культуру вируса, найденного нами на заблудившемся астероиде. Тогда умер и Калниньш.

Вездеход съезжает в ложбину, огороженную большими щитами, чтобы раскоп не так заносило пылью. Я прыгиваю на землю третьим, вслед за Мартой и Долинским. Щиты мало помогают — пыли за ночь намело по колено. Джерасси уже тащит хобот пылесоса, забрасывает его в раскоп, и тот, будто живой, принимается ползать по земле, пожирая пыль.

Вести здесь археологические работы — безумие. Пылевые бури способны за три дня засыпать небоскреб, следа не останется. А за следующие три дня они могут вырыть вокруг него стометровую яму. Бури приносят также сажу и частицы древесного угля от бесконечных лесных пожаров, что бушуют за болотами. Мы не смогли пока датировать ни единого камня. Мы так и не знаем, кто и когда построил это поселение, кто жил в нем. Мы не знаем, что случилось

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

с обитателями этой планеты, куда они делись, отчего вымерли. И мы ждем, пока пылесос очистит раскоп, потом спустимся туда, вооружимся скребками и кисточками и будем паять глаза в поисках кости, обломка горшка, шестеренки или, на худой конец, какой-нибудь органики.

— Они основательно строили, — говорит Джерасси. — Видно, бури и тогда им мешали жить.

В раскопе вчера обнажилась скальная порода — фундамент здания или зданий, которые мы копали, врезался в скалу.

— Они очень давно ушли отсюда, — сказала Марта. — Если переворочить пустыню, мы отыщем и другие строения. Или их следы.

— Надо было бы получить проверить горы за болотом, — говорю я. — Здесь мы ничего так и не найдем.

— Но мачта, — сказал Джерасси.

— И пирамида, — сказала Марта.

Мачту мы увидели еще при первом облете. Но ее унесло очередной бурей раньше, чем мы сюда добрались. И скоронило в недрах пустыни. Пирамидку мы откопали. Если бы не было пирамидки, мы не стали бы третью неделю подряд барахтаться в раскопе. Метровая пирамидка стоит перед нами, шероховатая, влившаяся в скалу и будто выросшая из нее. Пирамидку мы обязательно возьмем с собой. Остальные находки — обломки обтесанного камня и рубцы на скалах. Ни надписей, ни металла...

— В горах жить было нельзя. Скалы как терка, воды нет и не было.

Джерасси опять прав. Не проживешь ни в болотах, по которым плавают, сплетая корни, куши колючих кустов, ни в горах, таких, что к ним не подобрешься. И океан. В нем лишь самые примитивные формы жизни. Жизнь ушла куда-то отсюда. Может, погибла.

Мы спускаемся в раскоп. Рядом со мной Долинский.

— Пора домой, — говорит он, отслаивая ножом породу. — Тебе хочется?

— Хочется, — говорю я.

— А я не знаю. Я стал летучим голландцем. Кто нас ждет?

— Ты знал, на что идешь, — отвечаю я.

— Я знал. Когда мы улетали, то были первыми, были героями. А что может быть печальнее, чем образ забытого героя? Все заняты своими делами, а он ходит по улицам и пристает к прохожим: «Вы меня случайно не помните?» — «Нет, не помним». Представляешь, насколько изменится мир за двести лет? Третьяковские и моторельсы... Рип Ван Винкль и атомный котел...

— Смотри, по-моему, металл, — говорю я.

Долинский сдал. Мы все сдали. Мы все жили эти годы целью, что была в конце пути. Планетной системой, которую никто до нас не видел, звездными течениями, тайнами великих открытий. Мы достигли планетной системы. За это время на Земле прошло сто лет. Шесть лет наши открития и находки откладывались миллионами символов, цифр и формул в ячейках Мозга, на складах и в лабораторных шкафах. Весь последний год мы метались по планетной системе, спешили, спешили, спешили, высаживались на мертвых астероидах и приближались к ядовитым планетам, тормозили, набирали скорость, понимали, что неотвратимо приближается время повернуть домой, ждали и боялись этого момента, потому что елка была уже убрана игрушками, праздник был в самом разгаре, подарки розданы, — оставалось проводить гостей и заняться мытьем посуды, уборкой, пора было снимать с елки стеклянные шары и прятать их в шкаф. И мы понимали, что праздник не оправдал ожиданий. Все было как положено, но Дед Мороз не пришел. Сенсаций не было.

К последней планете мы подлетели, когда до возвращения оставался месяц. Большого она, казалось бы, и не заслуживала. Почти мертвая планета. И здесь мы нашли следы разумных существ. Мы были первыми людьми Земли, кто обнаружил наконец реальные следы разумных существ. И в промежутках между ливнями и пыльными бурями мы вгрызались в песок и ска-

лы, рылись в пыли, чтобы узнать все, что можно, об этой разумной жизни. И вот послезавтра старт. И пять лет обратного пути.

Тяжелый матовый шарик размером с лесной орех лежал у меня на ладони. Он не окислился. Он был очевиден, как песок, как скалы, как туча, нависшая над нами.

— Джерасси! — крикнул я. — Шарик.

— Что?

Поднимающийся ветер относил слова в сторону.

— Какой шарик?

Заряд пыли обрушился на нас сверху.

— Переждем? — спросила Марта, подхватив шарик. — Тяжелый...

— К вездеходу, — сказал по радиации капитан. — Большая буря.

— Может, мы ее переждем здесь? — спросил Долинский. — Мы только что нашли шарик. Металлический.

— Возвращайтесь к вездеходу. Большая буря.

— Погоди, — сказал Джерасси. — Если в самом деле большая буря, то лучше нам забрать пирамидку. Ее может так засыпать, что завтрашний день не раскопаем. И придется улетать с пустыми руками.

— Не раскопаем — оставим здесь, — сказал капитан. — Она снята нами, обмерена... А то вас самих засыплет. Раскапывай тогда...

Долинский засмеялся.

— Мы будем держаться за находки. Нас не унесет.

Новый заряд пыли обрушился на нас.

Джерасси сказал:

— Взялись за пирамидку?

Мы согласились.

— Долинский, подгони сюда вездеход. Там все готово.

Вездеход был снабжен подъемником.

— Приказываю немедленно вернуться на корабль, — сказал капитан.

— А где геологи? — спросил Джерасси.

— Уже возвращаются.

— Но мы не можем оставить здесь эту пирамидку.

— Завтра вернетесь.

— Буря обычно продолжается два-три дня.

Говоря так, Джерасси накинуд на пирамидку петлю троса. Я взялся за резак, чтобы отпилить лучом основание пирамидки. Резак зажужжал, и камень покраснел, затрещал, борясь с лучом, сопротивляясь ему.

Туча — такой черной я еще не видал — нависла прямо над нами, и стало темно, пыль взлетала облаками, ветер норовил утянуть вверх, закрутить в смерче. Я оттолкнул Марту, которая принялась было помогать мне, крикнул ей, чтобы пряталась в вездеходе. Ветер налетел сзади, чуть не повалил меня, резак дернулся в руке и прочертил по боку пирамидки алую царапину.

— Держись! — крикнул Джерасси. — Немного осталось!

Пирамидка не поддавалась. Успела ли Марта спрятаться в вездеходе? Там, наверху, скорость ветра несусветная. Трос натянулся. По радиации что-то сердитое кричал капитан.

— Может, оставим, в самом деле?

Джерасси стоял рядом, прижавшись спиной к стенке раскопа. Глаза у него были отчаянные.

— Дай резак!

— Сам!

Пирамидка неожиданно вскрикнула, как вскрикивает срубленное дерево, отрываясь от пня, и маятником взвилась в воздух. Маятник метнулся к противоположной стенке раскопа, разметал пластиковые щиты и полетел к нам, чтобы разломить нас в лепешку. Мы еле успели отпрыгнуть. Пирамидка врезалась в стену, взвилось облако пыли, и я потерял из виду Джерасси. Любой ценой выскочить из ловушки, из ямы, в которой бесчинствовал, метался маятник, круша все, стараясь вырваться из объятий троса.

Ветер подхватил меня и понес, словно сухой лист, по песку, я старался уцепиться за песок, и песок ускользал между пальцев, я даже успел подумать, что чем-то похож на корабль, несущийся на скалы, якоря которого лишь чиркают по дну и никак не могут вонзиться в грунт. Я боялся потерять сознание от толчков и ударов, мне казалось, что тогда я стану еще беззащитнее, тогда меня будет нести до самых болот и никто никогда меня не отыщет.

Меня спасла скала, обломком зуба вылезавшая из песка. Ветер приподнял меня, оторвал от земли, словно хотел забросить в облака, и тут эта скала встала на пути, подставила острый край, и я потерял сознание.

Я пришел в себя. Было темно и тихо. Песок, скоронивший меня, сдавливал грудь, сжимал ноги, и стало страшно. Смерть в этой могиле предстала мне настолько ясно, что меня охватила судорога, тело без приказаний мозга рванулось вверх... и ничего не случилось. Я был живо погребен.

«Теперь спокойно, — сказал я себе. — Теперь спокойно».

— «Спартак», — сказал я вслух. — «Спартак».

Рация молчала. Рация была разбита. Что ж, мне повезло, сказал я. Могло разбить маску, и я бы задохся. Пошевелил пальцами. Прошла минута, две, вечность, и я убедился, что могу двинуть правой рукой. Еще вечность — и я нащупал рукой край скалы.

И когда я понял, что все-таки выбрался на поверхность, когда ушла, пропала паника первых мгновений, вернулось все остальное.

Сначала боль. Меня основательно избил в бурю, в довершение ударило о скалу так, что не только больно дотронуться до бока, но и дышать больно. Наверно, сломало ребро. Или два ребра.

Что с воздухом? Я взглянул на указатель. Воздуха оставалось на час. Значит, с начала бури прошло три часа. И почему я не взял из вездехода запасной баллон? Их там штук пятьдесят, резервные. И каждый — на шесть часов. Положено иметь при себе как минимум два. Но лишний баллончик мешает работать в раскопе, и мы оставляли их в вездеходе. А как далеко я от корабля? И добрались ли до корабля остальные? И если добрались, догадались ли, в какую сторону унесло меня, где искать?

Я присел под скалу, переводя дыхание. Скала была единственным надежным местом в этом аду. Корабля не было видно. Даже если он и стоял совсем близко. В пыли ничего не разглядишь даже за пять метров. Ветер был не так яростен, как в начале бури. Хотя, может быть, я себя обманывал. Я ждал, пока очередной по-

рыв ветра разгонит пыль, прижмет ее к земле. Тогда я осмотрюсь. Мне очень хотелось верить в то, что ветер прижмет пыль и тогда я увижу «Спартак».

В какую сторону смотреть? В какую сторону идти? Очевидно, так, чтобы скала оставалась за спиной. Ведь именно она остановила мой беспорядочный полет.

Я не дождался, пока ветер прижмет пыль. Я пошел навстречу буре. Воздуха оставалось на сорок четыре минуты (плюс-минус минута).

Потом его оставалось на тридцать минут. Потом я упал, и меня откатило ветром назад, и я потерял на этом еще пять минут. Потом оставалось пятнадцать минут. И потом я перестал смотреть на указатель.

Неожиданный штиль, передышка, случился уже тогда, когда, по моим расчетам, воздуха не оставалось вовсе. Я брел сквозь медленно опускающуюся пыль и старался не обращать внимания на боль в боку, потому что это уже не играло ровным счетом никакой роли. Я старался дышать ровно, но дыхание срывалось, и мне все время чудилось, что воздух уже кончился.

Он кончился, когда в оседающей пыли, далеко, на краю света, я увидел корабль. Я побежал к нему. И воздух кончился. Задыхаясь, я сорвал маску, хоть это не могло спасти меня, легкие обожгло горькой пылью и аммиаком...

Локатор увидел меня за несколько минут до этого.

Я очнулся в госпитале, маленьком белом госпитале на две койки, в котором каждый из нас побывал не раз эти годы. Залечивая раны, простуды или отлеживаясь в карантине. Я пришел в себя и сразу понял, что корабль готовится к старту.

— Молодец, — сказал мне доктор Грот. — Молодец. Ты отлично с этим справился.

— Мы стартуем? — спросил я.

— Да, — сказал доктор. — Тебе придется лечь в амортизатор. Твоим костям противопоказаны перегрузки. Три ребра сломал, и порвана плевра.

— Как остальные? — спросил я. — Как Марта? Джерасси? Долинский?

— Марта в порядке. Она успела забраться в вездеход. Тебя послушались.

— Ты хочешь сказать...

— Джерасси погиб. Его нашли после бури. И представляешь, как грустно — в тридцати шагах от раскопа. Его швырнуло о вездеход и разбило маску. Мы думали, что ты тоже погиб.

— А Долинский?

— Он здесь...

И больше я ни о чем не спрашивал. Доктор ушел готовить мне амортизатор. А я лежал и снова по секундам переживал свои действия там, в раскопе, и думал: вот в этот момент я еще мог спасти Джерасси... и в этот момент тоже... и тут я должен был сказать: к черту пирамидку, капитан сказал: возвращаться, и мы возвращаемся... Наверное, наша беда в том, что мы очень много пережили за эти годы и видели, как гибли наши товарищи, и решили, что сам черт нам не брат. И все из-за этой пирамидки...

На третий день после старта «Спартак» набрал крейсерскую скорость и пошел к Земле. Перегрузки уменьшились, и я, выпущенный из амортизатора, доковылял до кают-компании.

— Я поменялся с тобой очередью на сон, —

сказал Долинский. — Доктор говорит, тебе лучше с месяц пободрствовать.

— Знаю, — сказал я.

— Ты не возражаешь?

— Чего возражать? Через год увидимся.

— Я вам кричал, — сказал Долинский. — Чтобы вы бросали эту пирамидку и бежали к вездеходу.

— Мы не слышали. Впрочем, это не играло роли. Мы думали, что успеем.

— Я отдал шарик на анализ.

— Какой шарик?

— Ты его нашел. И передал мне, когда я пошел к вездеходу.

— А... Я совсем забыл. А где пирамидка?

— В грузовом отсеке. Она треснула. Ею Марта с Рано занимаются.

— Значит, моя вахта с капитаном?

— С капитаном, Мартой и Гротом. Нас теперь мало осталось.

— Лишняя вахта.

— Да, лишний год для каждого.

Вошел Грот. Он держал в руках листок.

— Чепуха получается, — сказал Грот. — Шарик совсем молодой. Добрый день, Долинский. Так я говорю, шарик слишком молод. Ему только пятнадцать лет.

— Нет, — сказал Долинский. — Мы же сколько дней просидели в том раскопе. Он древний как мир. И шарик тоже.

— Вы шарик обследовали?

— Да. Сплав мне неизвестен. Тверд невероятно. Элементы знакомые, а сплав неизвестен.

Капитан стоял в дверях кают-компании, слушал наш разговор.

— Вы не могли ошибиться, Грот? — спросил он.

— Мне бы сейчас самое время обидеться, — сказал доктор. — Мы с Мозгом четыре раза повторили анализ. Я сам сначала не поверил.

— Может, его Джерасси обронил? — спросил капитан, обернувшись ко мне.

— Долинский видел — я его выскоблил из породы.

— Тогда еще один вариант остается.

— Он маловероятен.

— Почему?

— Не могло же за пятнадцать лет все так разрушиться.

— На этой планете могло. Вспомни, как тебя несло бурей. И ядовитые пары в атмосфере.

— Значит, вы считаете, что нас кто-то опередил?

— Да. Я так думаю.

Капитан оказался прав. На следующий день, распилив пирамидку, Марта нашла в ней капсулу. Когда она положила ее на стол в лаборатории и мы столпились за ее спиной, Грот сказал:

— Жаль, что мы опоздали. Всего на пятнадцать лет. Сколько поколений на Земле мечтало о контакте. А мы опоздали.

— Несерьезно, Грот, — сказал капитан. — Контакт есть. Вот он, здесь, перед нами. Мы все равно встретились с ними.

— Многое зависит от того, что в этом цилиндре.

— Надеюсь, не вирусы? — сказал Долинский.

— Мы его вскроем в камере. Манипуляторами.

— А может, оставим до Земли?

— Терпеть пять лет? Нет уж, — сказал Рано.

И мы все знали, что любопытство сильнее нас — мы не будем ждать до Земли. Мы раскроем капсулу сейчас.

— Все-таки Джерасси не зря погиб, — сказала тихо Марта. Так, чтобы только я услышал.

И я кивнул. Я взял ее за руку. У Марты были холодные пальцы...

Щупальца манипулятора положили на стол половинки цилиндра и вытащили свернутый листок. Листок упруго развернулся. Через стекло всем нам было видно, что на нем написано.

«Галактический корабль «Сатурн». Позывные 36/14.

Вылет с Земли-14 — 12 марта 2167 г.

Посадка на планете — 6 мая 2167 г.»

Дальше шел текст — и никто из нас не прочел текста. Мы не смогли прочесть текста. Мы снова и снова перечитывали первые строчки: «Вылет с Земли 14—12 марта 2167 г.» — пятнадцать лет назад. «Посадка на планете — 6 мая 2167 г.» — тоже пятнадцать лет назад.

Сто лет назад по темному исчислению наш корабль ушел в Глубокий космос. Сто лет назад мы покинули Землю, уверенные в том, что никогда не увидим никого из наших друзей и родных. Мы уходили в добровольную ссылку, длиннее которой еще не было на Земле. Мы знали, что Земля отлично обойдется и без нас, но мы знали, что жертвы наши нужны ей, потому что кто-то должен был уйти в Глубокий космос, к мирам, которые можно было достигнуть, только пойдя на эти жертвы. Космический вихрь унес нас с курса, год за годом мы стремились к цели, мы теряли наши годы и отсчитывали годы, идущие на Земле.

«Вылет с Земли... посадка...» В тот же год.

И каждый из нас, как бы крепки ни были у него нервы, как бы рассудителен и разумен он ни был, пережил в этот момент свою неповторимую трагедию. Трагедию ненужности дела, которому посвящена жизнь, нелепости жертвы, которая никому не потребовалась.

«Знал бы Джерасси», — подумал я почему-то.

— Значит, они научились прыгать через пространство, — сказал, наконец, капитан.

И я заметил, что он сказал «они», а не «мы», хотя всегда, говоря о Земле, мы употребляли слово «мы».

— Это хорошо, — сказал капитан. — Это просто отлично. И они побывали здесь. До нас.

Остальное он не сказал. Остальное мы договорили каждый про себя. Они побывали здесь до нас. И отлично обошлись без нас. И через пять лет мы опустимся на земной космодром (если не погибнем в пути) и удивленный диспетчер будет говорить своему напарнику: «Погляди, откуда взялся этот бронтозавр? Он не знает, как положено садиться! Он нам разобьет оранжереи во-

круг Земли и погнет зеркало космической обсерватории! Пускай роботы подхватят этих дикарей и до выяснения, кто такие, зачем прилетели на Землю, поместят в самый строгий изолятор...»

Мы должны были радоваться! Невероятного прогресса достигла наша планета. Космос стал обыденным, и многие дальние точки его доступны. И этого добились наши потомки. Но...

— Знаешь, — сказала Марта, зайдя вечером ко мне в каюту. — Может, лучше бы мы послушались капитана и вернулись без пирамидки. И Джерасси был бы жив...

— Ничего не поделаешь, — ответил я. — Это банально, но это истина: люди никогда не могут отказаться от возможности овладеть знанием. Чего бы это ни стоило. Нас послали, чтобы открыть, исследовать этот мир. И мы это делали.

— Зачем?

— А разве те, кто посылал нас, знали, что научатся летать куда быстрее? Что же, надо было отложить полет до тех пор, пока он не станет обыденным? Да и добились бы чего-нибудь люди, если бы они откладывали свои попытки?

— Ты успокаиваешь себя. Тебе тоже грустно.

— Конечно, грустно. Мы — осечка. Все, или почти все, добытое, найденное нами уже добыто еще раз. Вернее, раньше, чем мы это сделали. И проще. И без жертв.

— Лучше бы мы не находили эту пирамидку, — повторила Марта. — Меня пугает обратный путь. Пять лет возвращения в мир, где наши открытия не нужны. Это будут очень печальные годы.

— Мы будем работать, — не очень убедительно сказал я. Мне самому не хотелось представлять себе бесконечность этих лет. Для Земли мы станем живыми памятниками истории. Кажется, в этом будет наша главная ценность.

Щелкнул динамик внутренней связи. Капитан сказал:

— Внимание всех членов экипажа. Слушайте рацию дальнего приема.

Потрескивание и шорохи космоса... Фраза, начавшаяся с середины:

— ...с точностью до тысячи километров. Повторяю: «Спартак»! «Спартак»! Вы меня слышите? Ложусь на встречный курс!

Голос был молодым. Говоривший старался говорить сухо и деловито, но голос дрожал и срывался:

— Я — патрульный корабль «Олимпия»! Наконец-то мы вас обнаружили! Семнадцать лет мы идем по вашим следам! Мы уже отчаялись найти вас! Меня зовут Артур Шено! Я вас первым обнаружил! Перехожу на прием. Через три дня встретимся... Вы себе представить не можете, сколько у меня новостей! И еще на борту «Олимпии» мешок лесных орехов. Это для Долинского. Он же любит лесные орехи. И банка варенья из крыжовника. Для Рано. А для Джерасси с Вероникой настоящий торт из «Лакомки». Вы слышите меня, Джерасси? Черт возьми, я вас первым обнаружил...

Потом была пауза. И я успел вспомнить, как тосковал Джерасси по настоящему торту из «Лакомки». И капитан сказал:

— Патрульный корабль «Олимпия»! Я — «Спартак». Выхожу на связь...

О ТОМ, КОГО ГОНЯЮТ И БЬЮТ

Этим соболезняющим заголовком мы открываем рассказ о мяче. Именно с ним обращаются столь бесцеремонно на радость игрокам, а пуще того — зрителям. Феноменальные страсти, вызываемые в публике уда-

рами по мячу ногами¹ и клюшками², не нас первых побудили взглянуть на это явление несколько шире.

В самом деле, может, настало

¹ Так называемый «футбол».

² Вы уже, конечно, поняли — «хоккей». — Прим. авт.

Индейцы были убеждены, что их игра в мяч — баггатавей — благотворно действует на личность, при том условии, разумеется, если игрок сумеет отделаться незначительными физическими травмами. Об этом условии приходится помнить и игрокам лакросса (фото вверху) — родного брата баггатавея.

время вспомнить, что существуют и другие способы лупцевания мяча? Словарь В. Даля дает следующее определение предмету нашего разговора:

«МЯЧ, мячик, мячишка, мячище — упругий небольшой шар, смотанный клубком или набитый шерстью, для игры; круглым мячом играют: в одиночку или в подкидку, с товарищами — в перекидку; в выслугу, выделявая поочередно разные приемы (**козла, свечу, постриги**). Большим мячом играют в **лупки, в касло**». Как видите, многие способы обращения с мячом благополучно забыты.

Историки говорят, что чаучуковый мяч для игры появился в Америке. Первый репортаж об этой «индейской затее» привез в Европу Х. Колумб, путешественник, известный своими неудачными поисками Индии. Кое-что из давних игр досталось по наследству и нынешним обитателям Нового Света.

Вот, скажем, современная американская игра **лакросс**, или, как называли ее индейцы племени чероки, жившие на территории Среднего Запада США, баггатавей. В нестрогом переводе это означает «младший брат войны». В том, что это именно так, нетрудно убедиться, взглянув хотя бы на амуницию лакроссной дружины — шлемы, захватывающие добрую часть лица, налокотники, наколенники, набрюшники и даже наспинники. А ракетки на длинных рукоятках — ни дать ни взять алебарды или бердыши.

Старейшины индейских племен считали, что баггатавей выковывает сильные, бескомпромиссные характеры. Более того — он весьма полезен для здоровья... тех, кто остается жив-здоров после матча. Состязание во время оно длилось до двух суток кряду, и на кон ставилось порой все богатство племени — скот, пастбища, водопои. Что и говорить, подобная игра «на интерес» вызывала некоторый ажиотаж. Игроков (их число, кстати, не лимитировалось) к тому же подбадривало то обстоятельство, что болельщики, стоя у края поля с томагавками в руках, готовы были в случае необъективного судейства или мало каких еще осложнений подключиться к делу.

В отличие от современного лакросса игроки в баггатавей соревновались лишь в набедренных повязках. Чемпионов награждали особым головным убором из

перьев, и они были в не меньшем почете, чем нынешние центры нападения национальных сборных.

Какие правила действуют в лакроссе? Двое ворот, удаленных друг от друга на 110 ярдов, две команды по десять человек. Цель игры — забросить как можно больше мячей с помощью особой ракетки на длинной рукоятки. Рукоятка должна быть по возможности крепкой. Руками хватать мяч не разрешается. В былые времена были известны трюкачи, ловившие мяч ртом и доставлявшие его таким способом к линии штрафной площадки противника, где выплевывали его в свою ракетку и пуляли в ворота. Вот тут-то и нужны были крепкие рукоятки: мерно ударяя ими по голове, противники убеждали похитителя выпустить мяч изо рта и вновь ввести в игру.

Сейчас во избежание таких фокусов мячи увеличены в диаметре так, что просто на зуб их не возьмешь.

Интересные эпизоды сохранились в летописи баггатавей. 4 июня 1763 года два индейских племени предложили англичанам, ставшим гарнизоном на отнятых у индейцев землях в Форт-Мичилимакинак, штат Мичиган, устроить показательный матч в честь короля Георга III. Англичане, как истые спортсмены, с удовольствием согласились. В самый разгар игры мяч случайно перелетел через стену форта. Командант, войдя в азарт, приказал открыть ворота и достать мяч. Но едва стража отчинила ворота, индейцы похватили вместо ракеток боевые топоры и перебили весь гарнизон.

Это заставило англичан относиться к спортивным увлечениям индейцев с настороженностью. Вскоре баггатавей был запрещен. Лишь недавно видоизмененный баггатавей под именем лакросса вошел в реестр спортивных игр американского студенчества. В прошлом году в розыгрыше кубка по лакроссу участвовали команды 112 колледжей. В лакроссе используются элементы из других видов спорта — пасы из баскетбола, защита из регби. Но техника, откровенно говоря, здесь не так уж важна. «Куда важнее, — считает тренер Пек Ауэр, — желание схлестнуться с соперником». А его хватает у многих.

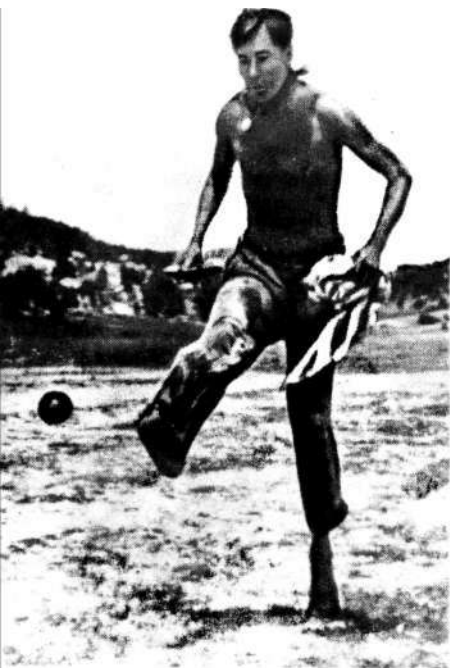
Вот другое индейское состязание — **каррера** — остается уде-

Любители тенниса всегда огорчались, что зимой им приходится перебираться в закрытое помещение. По счастью, был изобретен теннис на льду.

В автополо самый подвижный игрок — вратарь: он может ездить назад и вперед по своей площадке и даже выпрыгивать из машины, при условии, что не коснется ногой земли при перехвате мяча.

Казалось бы, чего проще — беги и подбрасывай ногой дубовый шарик. В этом, собственно, и заключаются соревнования у тараумара. Но почему не находятся желающие потягаться с ними?

лом только индейцев тараумара. Ни у кого больше оно не привилось. Да и не могло привиться. И не (потому, что оно представляет очень уж большие сложности. Нет, /как раз сложностей никаких. Судите сами — в карьере надо просто бежать, подбрасывая на бегу большим пальцем ноги деревянный шарик. Ни ворот, ни строгих правил. Просто беги себе.

Только вот бежать надо не менее двух суток. Народ тараумара, живущий в мексиканских горах Сьерра-Мадре, славится неутомимостью в беге. В переводе их имя означает «летающие ноги». И достижения их здесь поистине феноменальны. Вот, например, данные, приведенные в «Спорт-

бюлетене», выходящем в Штутгарте: индеец тараумара по имени Хуан Масейра пробежал без остановки дистанцию в 265 километров. Согласитесь, что при такой прыти трудно найти соперников, желающих соревноваться в подкидывании деревянного шарика на бегу...

Там же, в Мексике, играют еще в одну игру с мячом, доставшуюся по наследству от ацтеков. Речь идет о **хуламе**. Играющий в хуламу поставлен в сложные условия — он не должен бить по мячу ни рукой, ни ногой, ни головой, нет у него ни палки, ни клюшки, ни ракетки. Бить он имеет право только одним местом — бедром. И в этом есть свой смысл.

Ацтекам был ведом каучук, но делать из него надувные мячи они не умели. Поэтому они перебрасывались большими литыми шарами. Подставить под такой летящий монолит руку, ногу или, не дай бог, голову означало вывести себя из игры надолго.

Итак, обернув вокруг бедер толстый кожаный пояс, участники выходят на поле. Ацтеки построили для этой игры, считавшейся у них «игрой богов», великолепные стадионы, частично сохранившиеся и поныне. Мяч надо было забить в кольцо, вделанное в каменную стену. Современный вариант хуламы — облегченный: игроку надо положить мяч за линию обороны противника. Но не надо думать, что это легко дается первому встречному: корреспондент журнала «Нэшнл джيو-график», принявший мяч на бедро, вынужден был два последую-

щих дня провести в номере гостиницы, прикладывая к игравшей ноге свинцовые примочки.

Весьма вероятно, что если бы неподготовленный корреспондент принял участие в матче **поло** в Пакистане, он бы не отделался так просто. Что такое поло? Коротко игру можно резюмировать как «конный хоккей». Вооружившись клюшкой, всадник гонит мяч в сторону ворот противника. Но тот не дремлет и стремится мяч отобрать. А при случае и стащить игрока с лошади на ходу. Без лошади он далеко не уедет, так рассуждает противник...

Идея конного хоккея, помноженная на возможность современной техники, породила **автополо**. Как явствует уже из названия, седоки здесь передвигаются по полю не верхом, а в автомобилях. Игра эта особенно привилась во Франции и Италии, где в чести юркие малолитражки.

В автополо в отличие от конного хоккея действуют довольно строгие правила. Больше всего свободы у вратаря: он может включить задний ход, ловить мяч руками и даже выпрыгивать из автомобиля, но только при условии, что не коснется земли ногами. Остальные игроки — а они ездят по двое, водитель и игрок, — не имеют права пятиться задом: хочешь поехать назад — разворачивайся. Игрок гонит мяч металлической битой до штрафной

Перекочевая в Японию, гольф получил наименование горуфу. О его популярности свидетельствует эта забитая публикой трехэтажная площадка в токийском парке Сибя.

В Абиссинии игроков в травяной хоккей издавна приглашали ко двору императора.

площадки, заезжать за которую не имеет права, и оттуда бьет по воротам.

Автомобильям запрещается сталкиваться. За это виновника наказывают штрафным ударом. Эти штрафные, кстати, служат основным источником крупного счета.

Интересная деталь: желающих участвовать в соревнованиях довольно много. Куда меньше претендующих на роль судьи. Нелегкое это дело — быть судьей в автополо. Взять хотя бы такую, казалось бы, несложную процедуру, как вбрасывание. Введя мяч в игру — то есть попросту бросив его в центр поля, судья должен развить солидную прыть и постараться не попасть под бешено кинувшиеся к мячу автомобильчики... Они хоть и маленькие, но железные.

В этом смысле куда безопасней травяной хоккей. Игра, кстати сказать, очень древняя, о чем свидетельствуют эфиопские миниатюры. Правда, в различных странах он принял свои оригинальные

формы. Понадобился олимпийский статут, чтобы упорядочить все варианты травяного хоккея.

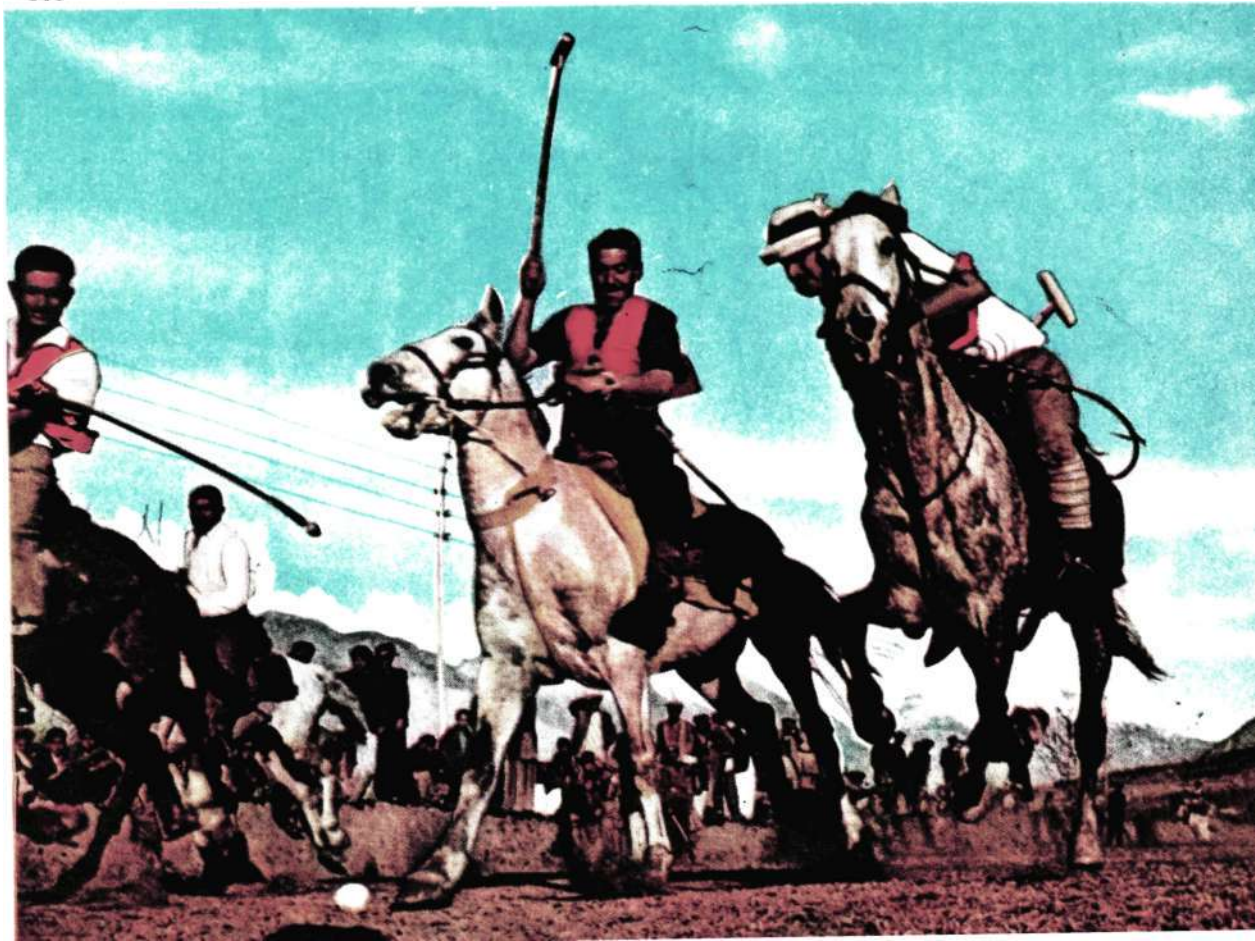
Не меньшим трансформациям подвергся и гольф. Когда он попал в Японию, где получил наименование горуфу, то местные любители столкнулись с трудностями. И главная из них — площадь. Как ни крути, для гольфа нужна площадка. А в Японии желающих играть оказалось куда больше, чем площадок для этой же цели. Поэтому в токийском парке Сиба построили трехэтажный помост, где в обеденный перерыв можно поразмяться в ударах... без площадки.

Вот те несколько малоизвестных видов общения с мячом, о которых нам хотелось рассказать в этот раз. Впрочем, мы уверены, что читатели смогут внести в этот перечень и свои собственные дополнения. Как говорится, мяч круглый, и каждый может в нем отыскать свою сторону...

М.БЕЛЕНЬКИЙ

Ацтеки называли хуламу игрой богов и строили для нее величественные стадионы. Ныне правила упростились, для игры подходит любая площадка.

Когда во время состязания в поло мяч гонит противник, бывает, что темпераментный зритель, не выдержав, кидается на помощь своей команде.

ХУАН БАТИСТА РИВАРОЛА,
парагвайский писатель

„ТРЫН-ТРАВА“

Рассказ

Трын-трава считался в нашем квартале дурачком. Ведь в каждом квартале города должен быть собственный дурачок. Это уже как закон! Вообще-то Трын-трава вел себя смирно. Никому он не мешал и лишь бормотал себе под нос одни и те же слова:

— Эх, трын-трава, мой капитан! Я не боюсь, мой капитан!

Трын-трава был высокого роста. Ходил он всегда без шапки, покорно подставлял солнцу красное задубелое лицо и вихры. Через всю его голову проходил глубокий шрам, напоминающий рваную борозду на пашне.

— Эх, трын-трава, мой капитан! Я не боюсь, мой капитан!

Жил Трын-трава в соломенном ранчо, которое он соорудил себе на городском пустыре, где испокон веку происходили самые яркие драки нашей ребятни. Если страсти накалялись сверх меры, Трын-трава запирал на задвижку дверь, обитую дерматином, и отсиживался дома, дожидаясь того счастливого часа, когда одной из мальчишских банд

удавалось «выбить противника» с пустыря. Или ночной темноты, которая откладывала исход сражения до следующего дня.

Была у Трын-травы и еще одна странность. Ему во что бы то ни стало хотелось найти «арамати» — ствол небосвода.

Трын-трава говорил, что у бедняков есть лишь один выход — навсегда уехать из города. Но не за границу, как думают некоторые простачки, а прямо на небо.. Только не на то небо, о котором толкуют священники, а на самое настоящее небо, где горят звезды и коврами стелются закат и рассвет.

— Звезды, — говорил он, — это огни небесного города...

Трын-трава мог часами рассказывать про этот город.

— Там крутом такое богатство, что людям не из-за чего спорить. Там все храбрецы и никто не знает, что такое злоба...

Чтобы попасть туда, нужно дойти до подножья небесного свода и подняться по нему, как поднимаются на вершину горы.

Одно плохо — пешком до небесного города не добраться. Он однажды пытался, и ему не удалось. Была бы какая-нибудь чудо-машина, которой под силу обогнать день! Ведь к вечеру небо становится выше, а утро может придавить человека...

Люди смеялись над Трын-травой, ребята совсем не давали ему никакого житья, но он упорно звал всех на небо.

Однажды на пустырь пришли рабочие, снесли его лачугу и принялись копать землю под фундамент большого отеля. Трын-трава не сказал ни слова и покорно собрал свои пожитки в старый картонный ящик. Едва рассвело, он уселся на этот ящик и, натянув воображаемые поводья, закричал:

— А ну... топорись, торопись...

Ребята кидали в него камнями. Взрослые молча смотрели на скачущего Трын-траву. А он... он не замечал никого — ему бы только обогнать день. И только когда загорелся закат и на горизонте длинной лентой легла черная тень, он слез со своего ящика и тихо побрел от людей.

У него не было больше крова, и спал он, где приходилось: то на чужой кухне, то под навесом сарая. Бедняки, хоть и посмеивались над своим дурачком, всегда находили ему место в доме: ведь он мечтал увести их на небо.

«Все мы хотим попасть в небесный город, как Трын-трава, — любил говорить мой дядя, когда бывал под хмельком, — но каждого настигает ночь!»

Перевела с испанского
Э. БРАГИНСКАЯ

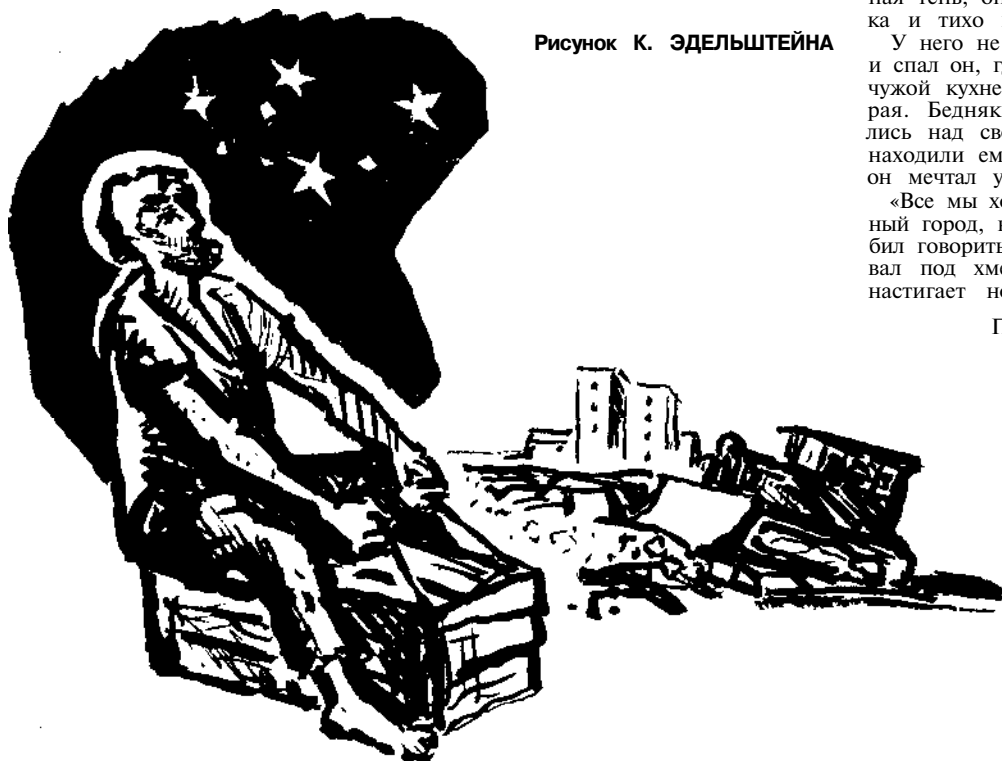

Рисунок К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

ИНДИЯ — ПРАРОДИНА АВСТРАЛИЙЦЕВ?

Известно, что человек пришел в Австралию из Азии. Точнее, из Южной Азии. А в последнее время прародиной австралийских аборигенов все чаще называют Индию.

Уже давно было замечено, что некоторые народы Индии по своему облику очень близки к австралийским аборигенам. Можно даже сказать, что они принадлежат к одному и тому же антропологическому типу. Еще важнее то, что это древнейшие обитатели Индии, автохтоны (так называют народ, возникший и продолжающий жить на определенной территории).

И вот недавно в зарубежной печати появились сообщения о новых работах индийских этнографов. Изучая малоизвестные племена в Раджастхане (Центральная Индия), исследователи обнаружили большое этническое сходство между ними и австралийскими аборигенами: похожими оказались утварь, бытовой уклад, способы охоты...

Проанализировав археологические и этнографические данные последних лет, советский ученый В. Р. Кабо пришел к выводу, что они весьма подкрепляют теорию об индийском происхождении австралийцев.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС В САХАРЕ?

В Сахаре найдены следы ледника. Он покрывал пустыню четыре-пять миллионов лет назад. Сделали такой вывод ученые международной геологической экспедиции, организованной Алжирским геологическим институтом. Это открытие одно из подтверждений гипотезы, что здесь какое-то время находился Южный полюс Земли.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ БИОТ

На всем земном шаре их не более десятка — деревьев, называемых биотой. Это уцелевшие представители ныне вымершей породы хвойных.

Экспедиция под руководством доктора биологических наук И. Васильченко посвятила несколько лет обследованию Гиссарских гор в Средней Азии, где встречаются реликтовые растения. В числе самых ценных находок ученых — один экземпляр биоты. Ее нашли в расщелине скалы в верховьях реки Туполанг.

РОЖДЕНИЕ МОРЯ

Сто миллионов лет назад на Дальнем Востоке произошел крупный разрыв земной коры. На месте разрыва возникло Японское море. И до сих пор Японские острова «уплывают» в Тихий океан. Правда, с небольшой скоростью — за последние шестьдесят лет они передвинулись к востоку на два метра.

Эти выводы сделал кандидат геолого-минералогических наук И. Берсенов. Он обобщил данные, собранные океанографами, которых давно волнует вопрос происхождения Японского моря, и составил тектоническую карту южной части советского Дальнего Востока и прилегающих областей.

ИСКУССТВЕННОЕ... ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Чрезвычайно высокой сейсмичностью отличается район городка Мацуейро в Японии. Частые толчки начались здесь около пяти лет назад, и до сего дня жители города испытывают ежедневно одинаково толчка слабой и средней силы, а подземная сейсмическая

ВСПЫШКИ НА СОЛНЦЕ И ЛУННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ

Астронавты, посетившие Луну на корабле «Аполлон-11», доставили фотографии ее поверхности, на которых различимы полосы стеклообразной материи, находящиеся в середине мелких кратеров. Анализ этих фотографий позволил астроному Томасу Голду из Корнеллского университета высказать предположение, что это явление вызвано крупными вспышками солнечной радиации. (Согласно его подсчетам, интенсивность таких вспышек должна была в сто раз превышать нынешние.) А так как на поверхности стеклообразного слоя незаметно ни следов воздействия метеоритов, ни наносов лунных пород, ученый считает, что образование стеклообразной «корки» происходило не ранее, чем сто тысяч лет назад.

ЗАХЛОПНУТЬ «ЧЕРНУЮ ПАСТЬ»

Обмеление Каспийского моря — одна из самых острых научных и хозяйственных проблем. Значительно облегчит ее решение плотина, которая отгородит от моря Кара-Богаз-Гол. Она будет противостоять натиску воды, врывающейся в залив из-за перепада уровней в нем и в море. «Черная пасть» — так переводится на русский название Кара-Богаз — не станет больше заглатывать ежегодно 12 миллиардов кубометров воды, которую она не возвращает Каспию, а испаряет.

Проектирует плотину бакинский институт «Гидропроект».

КАМЕННОЕ ОБЛАКО

Как показали недавние наблюдения американских астрономов, по орбите вокруг Земли, в том же направлении, что и Луна, вращаются два маленьких каменных облака. Они следуют за Луной, подчиняясь силе ее притяжения. Астрономы полагают, что твердые частицы собрались в облако из различных областей Вселенной и, может быть, хранят тайну происхождения Земли, солнечных ветров и существования жизни на других планетах. Эти облака настолько тонки, что едва заметны на снимках.

(По страницам советской и зарубежной печати)

**Загадки
проекты
открытия**

станция фиксирует до тридцати толчков в день. Работники научно-технического центра по предупреждению стихийных бедствий в этом районе, пытаясь выяснить причины такого явления, обратили внимание на то, что здесь выбрасывается из-под земли огромное количество минеральных вод. Может быть, землетрясения связаны с этими выбросами? Для проверки гипотезы решено пробурить около Мацуейро глубокую скважину, накачать в нее воду и попытаться с ее помощью искусственно возбудить землетрясение.

Под парусами

Раскаленная земля. Тишина. Только, осыпаясь, шуршит песок. На горизонте чуть приметное облачко — путник вздохнул с надеждой: «Может, хоть на минуту набежит на солнце, накроет тенью!»

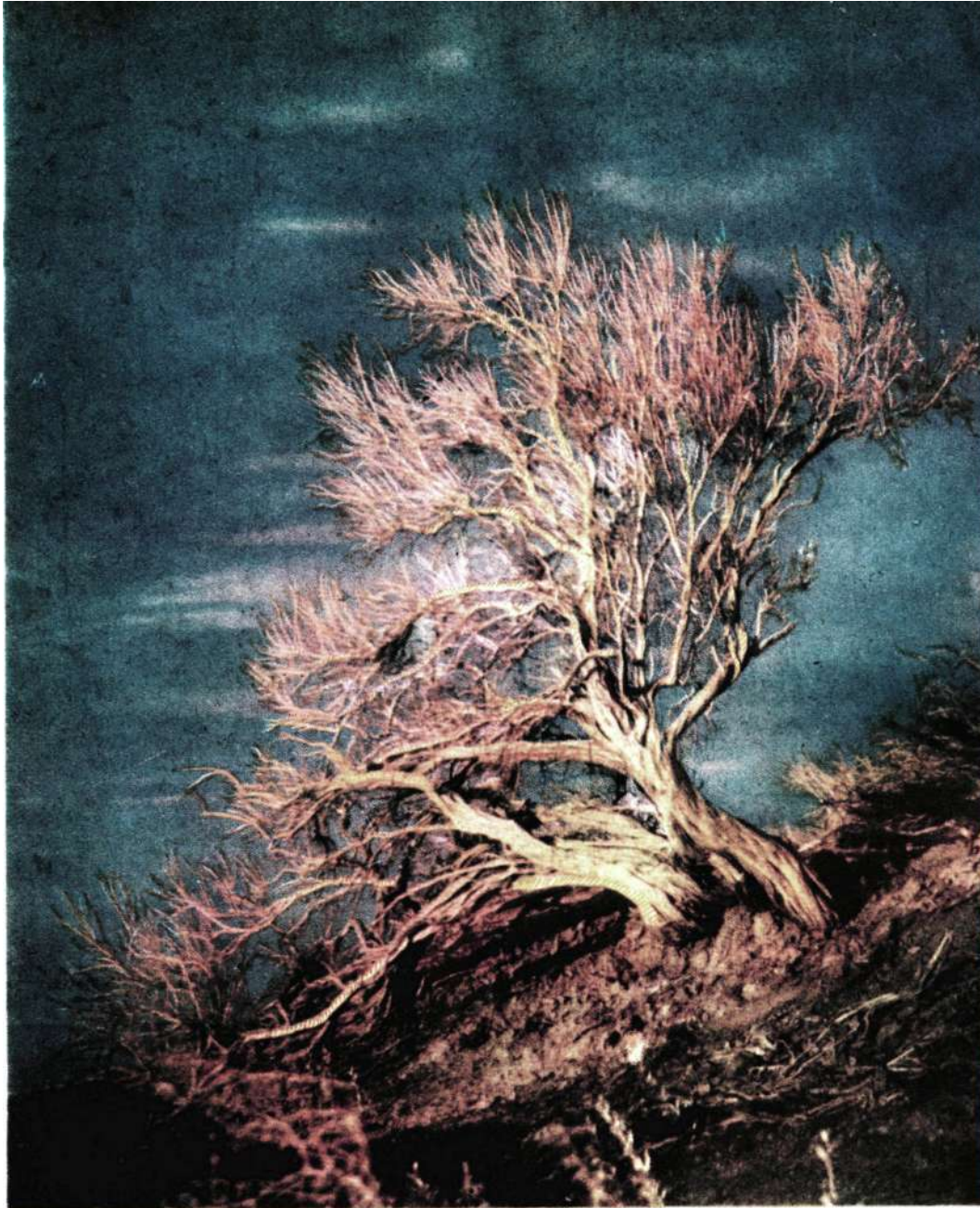
Но нет. Это гонец на колеснице с белым парусом. Он мчит весть о том, что «великий Тутмос III достиг Евфрата»...

Наверно, когда-то так и было: первые изображения парусных колесниц найдены в Египте и отнесены к XV веку до нашей эры.

И вот снова...

Потрескавшаяся глина, редкие бородавки кочек с соломенной травкой, чахлые кустики кандыма, саксаул. Кажется, что во все стороны поверхность земли приподнимается, словно находишься в центре огромного желто-серого блюда...

Ты сидишь в небольшом деревянном сооружении, называемом парусной колесной яхтой. У нее узкий корпус, три колеса — одно переднее,

через пустыню

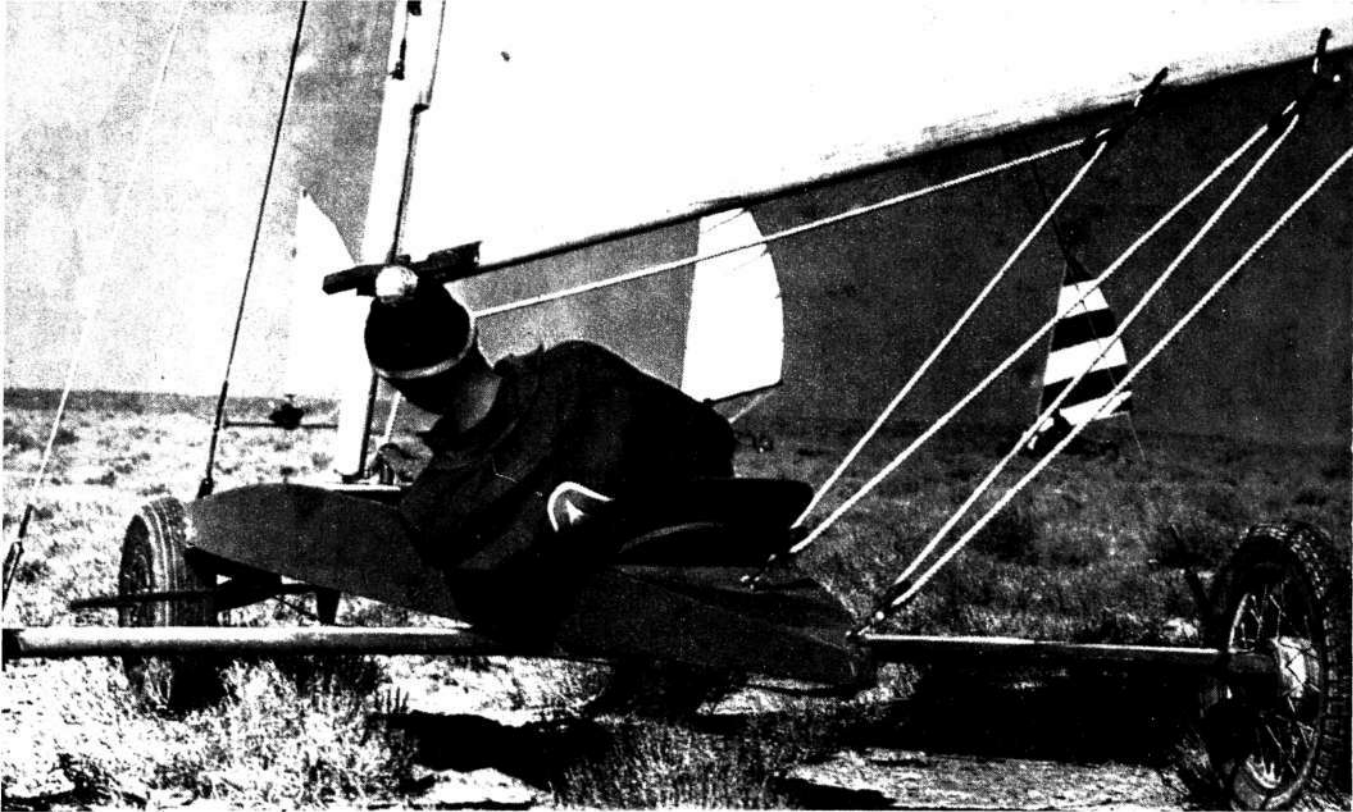
В. ТАЛАНОВ
Фото автора

два задних — и высокая мачта с парусом. Правая рука сжимает румпель, движение румпеля точно повторяет переднее колесо. Оно постоянно ходит влево, вправо: все время ищешь, где лучше проехать. В левой руке зажаты шкоты. С их помощью управляешь парусом. Чуть ветер усилился — подбираешь шкоты, натягиваешь посильнее, стараешься поймать ветер, в парус, ослаб — потравливаешь шкоты, ослабляешь. Ветер и дорога, дорога и ветер... Ты весь внимание, ловишь, выжидаешь, ищешь хорошую дорогу и хороший ве-

тер, и яхта отвечает быстрым, послушным, радостным движением.

...Яхта идет по «дороге»: пара машин проехала, не больше. Переднее и правое подветренное колеса умещаются в колее. Левое же высоко подскакивает, наезжая на кочки. Скорость сейчас километров за сорок. Ни шума мотора, ни скрежета переключаемых передач, ни ударов о борт волны, только ветер посвистывает в вантах.

Серый комок выскочил из-под самого колеса. И помчался поперек нашего курса. Крутой пово-

рот направо: вслед за зайцем. Да, но ведь с зайцем нам не по пути! Опомнившись, сворачиваешь на прежний курс.

Вдалеке седое море в крутых берегах: блестит, переливается под солнцем соленый Барсакельмес, будто волны ходят. В этом море нет воды — песок с солью. Вода только в западном его конце. Там родниковые озера. Там и камыши. Там кабаны, дикие коты, встречаются и тигры.

Летом Барса белый от соли. Зимой почти черный, снег не держится, тает.

Яхты идут по плато Устюрт, сухой, выжженной, безжизненной пустыне. Идут от Кунграда к Красноводску, от Арала к Каспию. Летом 1968 года мы совершили свой первый пробег: под парусами прошли по пескам и такырам Кызылкума и Каракумов около тысячи километров. От Аральска до Кызыл-Орды. Это была первая в Советском Союзе экспедиция парусных колесных яхт. Тогда мы хотели испытать ходовые и эксплуатационные качества яхт, исследовать их на проходимость, маневренность, прочность; теперь предстояло проверить яхты на скорость продолжительного движения, еще раз в наиболее неблагоприятных условиях показать, на что они способны.

Команда наша выросла. Теперь нас шестеро. Шесть яхт, шесть угольников парусов. Но путь, как и в первый раз, для нас неизведан. По такырам Устюрта до сих пор проходили лишь верблюды да машины.

...Передние два паруса остановились. Стоп! — в низинке сплошные кочки. Заскочишь сюда на полном ходу, наверняка поломаешься. Километра два яхты приходится тащить на себе.

Похоже, мы добрались до колодца Кокбахты.

Сбавив скорость, потихоньку пробираюсь между камнями полуразвалившихся могильников. Остальные яхты, объехав могильники, уже подъезжают к колодцу. Около него сбились в кучу пригнанные на водопой верблюды, стреноженные лошади, ослы.

Яхты прорываются сквозь стадо, лавируя между верблюдами. А те, никогда не видавшие таких машин, испугались. Вскидываются на дыбы, лягаются (чего мы, в свою очередь, тоже никогда не видели). Ослы, задрав головы, орут на высоких нотах. Лошади, хотя и ведут себя более спокойно, тоже скалят зубы и выделяют «круги на месте». Через несколько мгновений мы на своих «шайтан-арбах» промчались мимо ошарашенного стада и недоумевающих табунщиков.

Ветер на порывах сдувает яхту в сторону. Из-за этого она идет зигзагами, приходится подруливать. Вдруг под левым колесом открылась яма: объехать уже не успею. Бросаюсь на правую лапу, чтоб облегчить удар. Яхта подскакивает, крикает: «Проскочил!» Но в это время — скорее почувствовал, чем увидел — парус медленно, плавно валится вбок. Пробежав еще немного, яхта останавливается. При ударе мачта выскочила из гнезда: надо еще сильнее обтягивать ванты. Все вместе, вшестером, ставим ее обратно. Поломок никаких. Три минуты задержки — и дальше.

...Совсем рядом огромная плоская глинистая равнина — Байментакыр. Узким языком протянулся он на несколько десятков километров. Но наш компас показывает в другую сторону, туда, где тянется возвышенность с пологими склонами — увал Карабаур — «пуп» Устюрта. Высшая точка Карабаура поднимается на 300 с лишним метров,

Теперь дорога лежит между холмами. Иногда поворачивает прямо на ветер — тогда паруса не тянут, и приходится уходить от дороги, с трудом подниматься на холмы и с не меньшим трудом спускаться. Вверх-вниз, вверх-вниз. Это называется у нас «идти галсами».

Повсюду замечаешь норы песчанок; встречаются целые колонии. Еще по прошлому году мы знаем: это наш самый страшный враг. Яхту, если колесо попадет в нору, заносит, на полном ходу ставит чуть ли не поперек. Вот-вот опрокинется! Чтобы не выпасть из своего суденышка, изо всех сил упираешься в борта ногами и спиной.

Почва на крутых склонах мягкая, изрыта весенними ручьями. Колеса глубоко вязнут — часто приходится самому вытаскивать яхту. Незаметно дорога начинает подниматься. Ветер пока хороший. Яхты ход не замедляют, только если на крутых, ступеньками, подъемах. Земля становится плотной, утрамбованной, часто встречаются крохотные такырчики. Кое-где блестят лужицы.

Сначала мы недоумевали — откуда вода? Поняли только на следующий день: в то утро солнце не смогло пробиться к нам — верхушки мачт тонули в тумане. Земля — сплошная роса. Глинистый такыр почернел, промок, в углублениях скопилась вода. Очень чистая, свежая вода. Мы исползали его вдоль и поперек с кружками в руках, пополняя наши уже изрядно оскудевшие запасы.

...Яхты забираются все выше Один подъем

следует за другим. После каждого подъема ждешь, что вот-вот окажешься на перевале, но впереди снова путь наверх.

Идти легко, приятно. Только лучи уже низкого солнца слепят — мы идем сейчас точно на солнце. Из-за этого я совсем почти вылез на лапу колеса, спрятался в тени паруса.

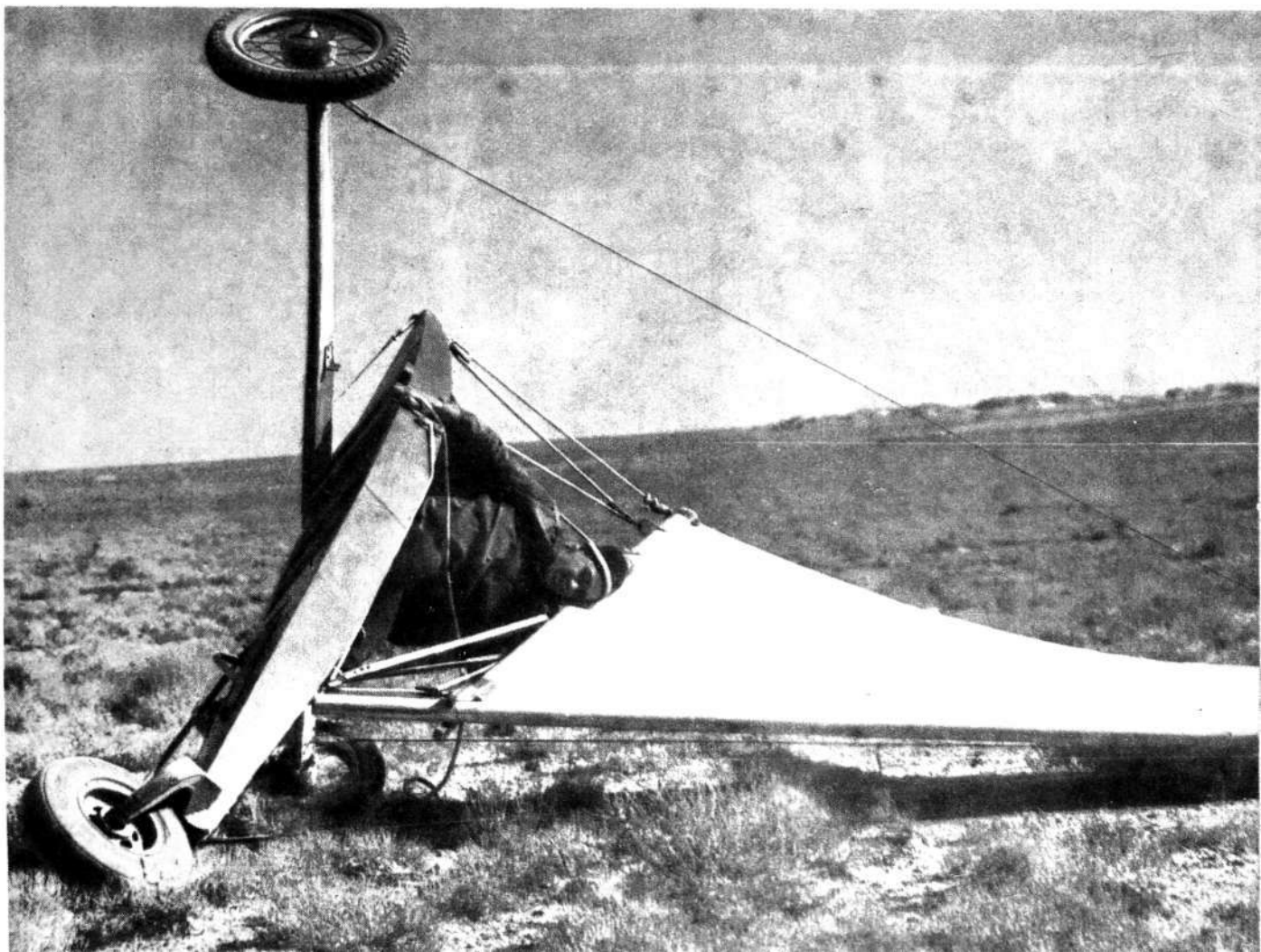
Стемнело. Паруса яхт растворились в темноте. Впереди загорелся фонарик. Но сколько до него? Ведь свет обычной электрической лампочки здесь виден за 20—30 километров. Хочется верить, что наши стали лагерем все-таки не так далеко.

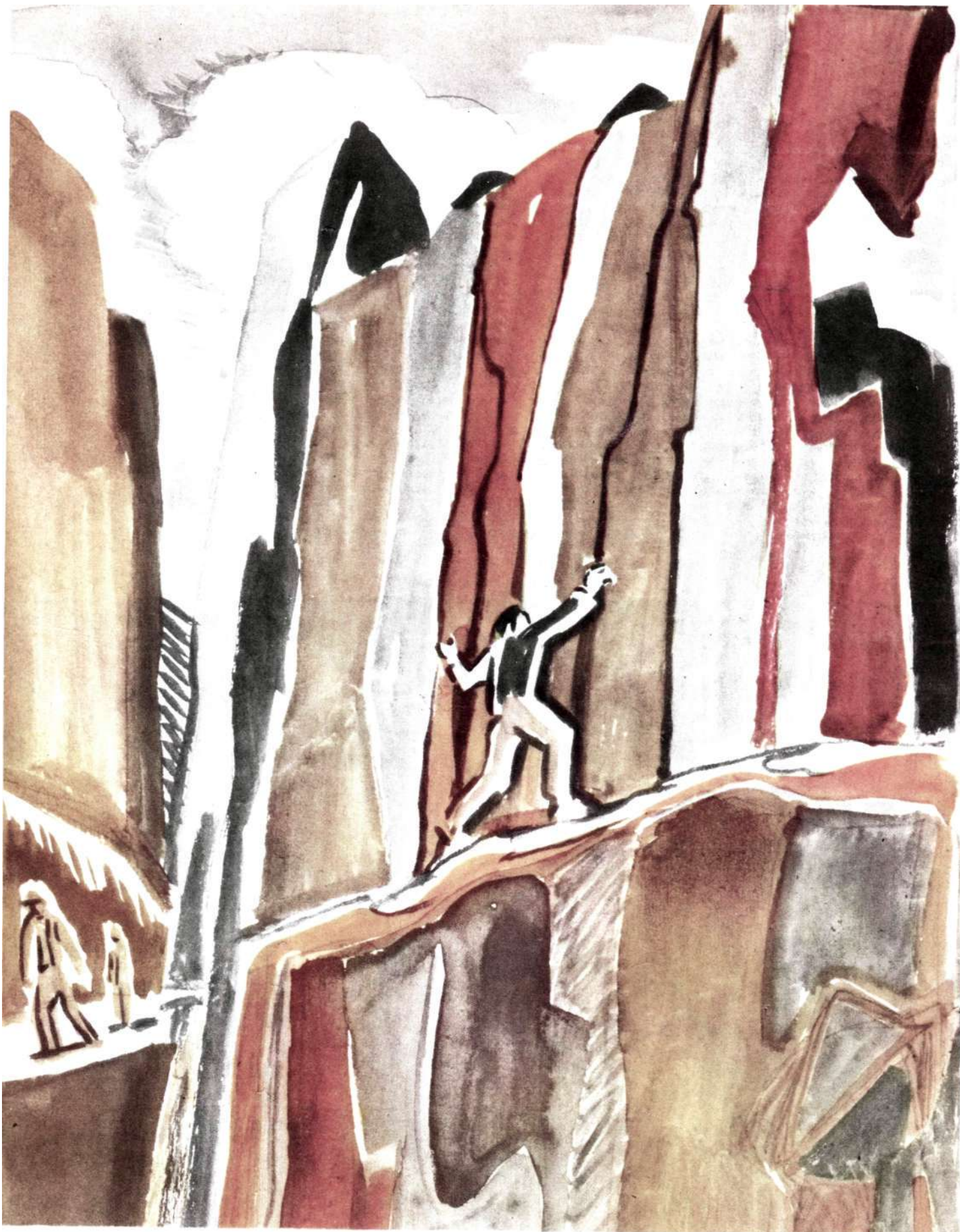
Дорога перешла в такыр. Ночью по такыру — такого еще не было. Яхта летит — я не оговорился, — столь бесшумно и плавно она идет. Мелькают черные трещины, между ними более светлые пятна идеально утрамбованной глины, словно овраги и поля под крылом самолета.

Фонарь снова заморгал. Уже справа. Вот и тусклый свет скупого костра...

Назавтра пустыня снова станет нашей дорогой. Нас ждет урочище Бабаши с двухсотметровыми откосами и снежно-белыми, оранжевыми, кроваво-красными известняковыми горами. Нас ждут ажурный гребень горы Бекмурат и блестящие, мокрые глинистые такыры, по которым бродят тени облаков. Нас ждут берега Каспия и тяжелые соленые воды Кара-Богаз Гола.

Мы мчались к ним под парусами много дней и ночей, «проплыв» по пескам Устюрта восемьсот километров, — и мы увидели их.

ЕЩЕ РАЗ ПОПЫТАЕМ СЧАСТЬЯ...

МИР ВЕЛИК, НО...

Солнце над неприступными скалами Сьерры, где во мраке пещер хранится тайна «золотых садов Атауальпы», солнце над руинами Инга Пирки¹, над широкими дорогами инков, что по краю бездонных пропастей спускаются от вечных снегов в долины и теряются в пустынной сельве, озаренной пламенем ревущего Сангая. Солнце и бескрайняя синева неба над утрюмыми Андами, над ослепительным Чимборасо и над маленьким городком Риобамба, стынущим под ледяными «ветрами у его подножья.

Сверкает и искрится в солнечных лучах капризная Чибунго. Чуть пройдут дожди в горах, безобидный ручеек вздувается и вдруг обретает сокрушительную силу. В засуху Чибунго мелеет, на серых песчаных берегах обнажаются валы зеленой глины, стволы деревьев, ветки и коряги, быстро высыхающие под лучами тропического солнца.

...Росарио собирает сушняк на берегу. Безнадежно тянутся однообразные, одинаковые дни. Сегодня как вчера, а завтра как сегодня. Росарио тяжело дышит. Ее мучит одышка. Присев на горячие от солнца камни, она поглаживает вздувшийся живот. Боль в пояснице отпустит немного и опять возвращается, но Росарио не прекращает работы. Набрала полный мешок и, взвалила его на плечи. Острая боль впиалась в те-

ло. Женщина со стоном опустилась на колени.

«Начинается, — подумала она. — Успеть бы домой вернуться». — Дрова рассыпались, их надо опять заталкивать в мешок, но уже не хватает сил и, кое-как затащив веревку, она тащит его волоком.

— Ничего, не так быстро все это бывает, — успокаивала она себя, а схватки уже скрючили ее.

Росарио рожала почти каждый год, и появление седьмого ребенка в семье бедного сапатеро¹ Хорхе было великим событием разве только для самого новорожденного.

— Еще один рот, — буркнул сапатеро и яростно шлепнул молотком по шляпке гвоздя. Гвоздь согнулся. Хорхе выдернул его кусачками и швырнул на пол. Ему почудилось, что невидимая петля на его шее с каждым криком младенца затягивается все туже, он расстегнул ворот рубахи и покрутил головой, будто хотел сбросить ее. Нет, никто не сказал бы, что у Хорхе ангельский характер. Когда его охватывал гнев, он мог кулаком стену пробить. От бешеной ярости глаза его наливались кровью, и лучше было не попадаться ему под руку.

Росарио понимала его бессилие что-либо изменить в их судьбе. Непонятым образом она управляла им, хотя хозяином в доме, конечно, считался он. Она была добрая и работающая. Вероятно, они любили друг друга, но кто при такой жизни станет говорить о чувствах? Нужда гнула к земле, не давала головы поднять.

Хорхе отложил молоток в сто-

рону, зачерпнул воды и поставил у постели жены:

— Возьми испей-ка, мать. Долго он тебя мучил, — сапатеро вытер жесткой ладонью холодный потный лоб Росарио. Она благодарно улыбнулась. Опираясь дрожащими руками, попыталась подняться.

— Сейчас встану, приберу все.

— Лежи. Я позову Эсперансу.

— Не надо бы девочке видеть все это.

— Отчего ж? Пусть знает. Когда-то и ей придется так вот корчиться.

Росарио ласково прикрыла малыша:

— Назовем его Висенте.

— Как хочешь, — согласился Хорхе и опять застучал молотком по подошве.

...Прошло семь лет. Висенте давно слез с рук старшей сестренки, заменявшей ему няньку. Теперь мать всюду брала его с собой, даже на реку. Она спускалась к воде с тяжелым узлом за плечами, а Висенте с братьями мчался наперегонки впереди. Пока мать стирала и сушила белье, разложив его на песке, дети возились у воды, искали раковины, лепили из глины смешных зеленых человечков. В дни, когда Росарио стирала белье соседки доньи Лусии, та посылала ей в помощь Уинячичку.

Никто не помнил настоящего имени этой девочки. На кечуа «уинячичка» означает «подаренная». Так ее все и звали.

Девочку подарила донья Лусии какая-то пришедшая издалека индианка. Босая, в длинной, до пят, юбке из материи, которую ткут сами индейцы из волокон кабуий,

¹ Золотые сады Атауальпы — золото инков, зарытое в горах полководцем Руминьауи; Инга Пирка — развалины инкского храма. — Прим. авт.

¹ Сапатеро (испан.) — сапожник. — Прим. ред.

она бережно держала в трясущихся ладонях горсть маисовых зерен, полученных за дочку, и долго униженно благодарила добрую сеньору. Во двор индейку не пустили, чтоб не набраться вшей.

С годами Уинячичка превратилась в стройную красивую девочку. У нее были черные косы до колен, смуглая, блестящая на скулах кожа и сочные губы. Пальцы ее рук украшали позеленевшие медные кольца, оставленные ей на прощанье матерью.

Донья Лусия торговала дровами. Поленицы стояли стеной вдоль дорожки, ведущей от ворот к дому. Под дровами жили змеи. Они появлялись ночью, но иногда вылезали и днем погреться на солнце.

«Дрова» и «деньги» для доньи Лусии звучали одинаково. Похваляясь добротой, благочестивая сеньора изводила Уинячичку работой, била, если дневная выручка казалась ей недостаточной. Девочка пилила и рубила дрова, носила по дворам вязанки, собирала хворост на горах и даже, когда стирала белье на реке, должна была вернуться домой с дровами.

И все же день на реке для бедной девушки был праздником. Вдвоем с Росарио они быстро кончали стирку, а потом она могла лежать на горячем песке, смотреть в синюю глубину неба, петь заунывно и монотонно, как пели в горах женщины ее племени. Уинячичка ловко, ловила мальков, находила сладкие корешки, соты с медом диких пчел. Она научила Висенте разыскивать в прибрежной траве больших жуков и жарить их на плоских камнях, раскаленных в костре. Жуки аппетитно хрустели на зубах, а внутри были мягкие и сочные. Дома дети Росарио редко ели досыта.

— Что за беда, — бодрился Хорхе. — Плохой день длится не вечно, завтра будет новый, посмотрим, какой он.

Но «завтра» не приносило перемен к лучшему. От воспаления легких умерла сестренка Висенте. Сам сапатеро был плох, задыхался от кашля, на платке его темнели зловещие пятна крови. Росарио помогала ему, как могла: кроила заготовки, шила обувь, ходила по городу с туфлями в руках в поисках покупателя, но чаще всего возвращалась, не продав ни одной пары.

Хорхе все чаще поговаривал о

переезде из Риоамбы. Вот в провинции Тунгурауа...

— Опомнись, Хорхе! Тунгурауа! Или не знаешь, как бегут от него люди?

— Знаю, но ведь опять туда же возвращаются.

— А куда им деваться?

— Мир велик!

— Велик-то велик, а идти некуда!

— Отчего же все-таки не попытаться счастья?

Росарио избегала говорить о Тунгурауа, а о том, чтобы переселиться в ту провинцию, и слушать не хотела. Соседи тоже с неодобрением отнеслись к затее Хорхе. Имя вулкана произносили полупешепотом с похоронным выражением лица: «Тунгурауа — проклятие наше!»

Хорхе отмахивался:

— Вы напичканы предрассудками, как маисовый початок зерна. Везде люди живут, и у Каямбе, и у Котопаки, и у Сангая. Тунгурауа не страшнее других вулканов.

Соседи качали головами:

— Не скажите, дон Хорхе, не скажите. Ни один вулкан столько людей не пожрал.

— Так ведь на нем полям тесно, как заплатам на индейском пончо. Он еще дрожит, а опять его склоны перепачивают!

Мысль уехать из Риоамбы не оставляла Хорхе. Он надеялся, что в Баньосе, где много туристов, хорошему сапатеро работа найдется.

В один из дней, когда ветер кружил над Риоамбой тучи серого вулканического пепла, сапатеро захватил ящик с инструментами, подцепил на сапожную лапку свою низенькую рабочую скамейку с плетеным из ремней сиденьем, перекинул ее через плечо и отправился в Баньос. Пешком.

Скоро он передал, чтоб семья перебиралась к нему. Росарио продала, что можно, и купила билеты на автобус. Он уходил утром.

Висенте тосковал. Никакой надежды увидеть Уинячичку не было. Наверное, она ушла за хворостом и вернется вечером. Да она и не знает, что они уезжают сегодня. Напрасно он ищет ее глазами. Да и чего искать? Все равно уезжать придется...

И вдруг он увидел, как Уинячичка бежит к ним через площадь. Висенте до половины высунулся из окна автобуса, махал ей руками и засмеялся от радости, когда

заметил, что у нее на шее бусы из персиковых косточек. Его подарок. Сам полировал косточки речным песком, проделал в них дырки и нанизал на нитку. Уинячичка говорила, что бусы ей нравятся и она будет их хранить.

Висенте кричал, но за шумом мотора голоса не услышать. Шофер просигналил для пушей важности, автобус плюнул газами, и Риоамба поплыла назад. Уинячичка бежала за автобусом, и встречные толкали ее. Потом она остановилась, прижав к груди тонкие руки. Машина давно завернула за угол, а девочка все смотрела на дорогу, будто ждала, что она вернется, и, не дождавшись, села на землю и спрятала лицо в ладони. Глаза у нее были сухие и горячие.

ДЕВА СВЯТОЙ ВОДЫ

Хорхе перевез семью к матери, живущей на окраине города. Безмолвие Анд подступало к порогу дома. У дома были тростниковые стены и крыша из пальмовых листьев. Над гребнями дальних гор таяли в синем небе силуэты путников и мулов, навьюченных поклажей. В ущелье выл ветер и по ночам кричали совы. Висячий мостик раскачивался над пропастью, по дну которой мчалась Пастаса.

Мостиком пользовались все индейцы окрестностей Баньоса. Они пробегали по нему бегом, а чтобы провести мула, всадник спешивался и шел позади животного. Мостик мул проходил без приманки, а ослику надо было дать пожевать кусочек сахарного тростника, чтоб был сосредоточен.

Баньос известен целебными источниками. Каждый источник имеет специально построенную часовню и своего святого, вершащего чудеса. Первое место по числу чудес занимает Дева Святой Воды, она же Вирхен-де-Агуа-Санта. О ее деяниях рассказывают картины на стенах церквей Баньоса.

Вот на горной крутизне оступись конь, и всадник летит в пропасть... Чья-то рука подхватывает его на лету. Оказывается, что он успел прочесть молитву Деве и она спасла его. Всадник весело продолжает опасный путь.

А вот — автомобильная катастрофа. Несчастные жертвы скорости! Плачевен их вид: одна машина вверх колесами летит с обрыва в бездну, от другой оста-

лась лишь груда обломков... Но чудо! Пассажиры невредимы! Их спасла все та же Дева: в последний миг они успели вознести ей свои моления.

Слепые и калеки исцеляются, точно по графику. Доходы монахов устойчивы и никаким случайностям не подвержены. Для верующих выпускается броско оформленный путеводитель по святым местам, в нем указано: какой святой когда и какое чудо совершил, имеется портрет исцеленного, и названа сумма, которую он пожертвовал церкви. На воды приезжает множество больных, а еще больше туристов и богачей, предпочитающих прохладу гор тропической жары побережья. Местные жители подрабатывают на жизнь мелкой торговлей. Продавцов в городе гораздо больше, чем покупателей. Всяк стремится что-нибудь продать, поэтому в большинстве домов одна комната служит магазинчиком. Он темноват, без окон, в нем прохладно и имеется всякая всячина: пиво, фруктовая вода и булки, тут же открытки с трогательными надписями: «Амо и нунка те олвидо...»¹, и шляпы-сомбреро, и, конечно, знаменитая тянучка «альфенике де Баньос», равной которой нет не только в Эквадоре, но и во всей Латинской Америке. Ее тянут на крючьях, вбитых в двери, и она сверкает на солнце, точно клубок белых змей.

Мать Хорхе, абуэлита² Мария, приютила в своем доме не только его семью, но и детей другого сына — Олмедо. После смерти жены осталось у него тринадцать сирот. Пятеро подросли и жили с Олмедо в Амбато, а остальные у бабушки. Хорхе прилежно колол молотком по подошвам, но настоящей кормилицей семьи была печка в маленькой пекарне абуэлиты Марии. Соленные хлебцы с хрустящей корочкой пользовались спросом, их пекли к полудню и разносили покупателям по домам. Тем и держались. На вырученные деньги покупалась мука для хлебцев на продажу и еда для семьи. Жили с достатком. Каждый получал в обед тарелку супа, а у старших ребят была обувь, и они могли ходить в школу. Но эта счастливая жизнь кончилась, когда меньше всего ожидали напасти...

Сиял такой ослепительно яркий

день, какой может быть только здесь, на экваторе. Висенте вернулся домой, поставил к стене пустую корзину, в которой носил хлеб в соседний квартал, сунул в карман шепотку соли и забрался на дерево агуакате полакомиться плодами. Однако на сегодня ему было уготовано нечто куда более интересное. Он увидел своих братьев с самодельными тележками. Может, они хотят удрать от него? Нет. Так не пойдет.

— Вы куда? — крикнул он, не слезая с дерева. — Я с вами!

И Висенте, не тратя слов попусту, соскользнул с дерева и побежал за своими приятелями.

Собрались быстро. Скоро их тележки грохотали уже в конце квартала. Появились танки на тихих улочках Баньоса, они произвели бы шум меньший, чем ребячьи «коче», скрипящие и подпрыгивающие на огромных круглых чурбанах, заменяющих колеса.

Криклавая донья Пиедад, хозяйка магазинчика на углу, зажала уши липкими от тянучки руками:

— Куда вас дьявол несет, разбойники?

— На кладбище, донья Пиедад! — весело отозвался Эрнандо.

Пустынная дорога на кладбище круто поднималась среди плантаций сахарного тростника и полей комоте. Тростник сверкал зеленью, его красные стебли отбрасывали на рыжую, твердую, словно камень, землю короткие черные тени. Со всех сторон плантации окружены угрюмыми скалами. Горы теснятся, закрывают горизонт, и маленького человечка, затерявшегося среди них, охватывает щемящее чувство одиночества. Ребята притихли.

— Я не пойду дальше, там мертвые, — решительно заявил маленький Ремихио, — скатимся отсюда. Садись, Руперто.

На всякий случай прислушались, не гудит ли внизу машина.

— Толкай, Ремихио!

Коче помчался. Их делают очень просто: доска да две оси с укрепленными на них хорошо отшлифованными круглыми чурбанами-колесами. Вот и все. На доску садятся трое или четверо. Иногда, шика ради, делают руль, но лучше управлять ногами. Нажмешь на переднюю ось, она повернется, а за нею и все сооружение.

— Подбери ноги, Ремихио, — кричали ребята, — не притормаживай!

Но мальчик испугался крутого спуска, двинул ногой вперед, коче развернулся и полетел вверх колесами в сторону.

Следом за Ремихио, подсакивая на неровной колее, гнал свою тележку Эрнандо. Он откинулся назад и ловко направлял ее, следуя резким поворотам дороги.

Ремихио, потирая ушибленное колено, кричал Висенте:

— Подожди! Я с вами!

— Нас трое. Куда мы тебя посадим?

— Вот здесь впереди. Ну, подвинь ноги чуточку!

— Сел? Да не крутись ты, юла.

— Э, хитрюги, куда вы меня посадили? Здесь гвоздь! Я штаны изорву.

— Замолчите, болтуны! Может, на повороте машина, дайте послушать.

Тем временем Ремихио втиснулся позади Висенте и обхватил его за пояс.

— Давай! — скомандовал он, будто был на коче главным.

— Сиди тихо!

Ремихио получил щелчок и успокоился. Висенте оттолкнулся. Только ветер засвистел в ушах. Рубахи за спиной надулись парусами. Еще немного — коче взлетит и помчится по воздуху! Но тут Висенте заметил ослика, груженного вязанками сахарного тростника. Рядом шагала погонщик. Коче мчался прямо на них. Уже нельзя было остановиться!

— А-а-ай!

— Берегись!

Если бы чоло¹ и услышал предостерегающий крик, свернуть в сторону у него не было времени...

Отчаянный вопль Ремихио внезапно оборвался. Сильнейший подземный толчок перевернул коче и швырнул его с дороги так, что у ребят от удара звезды в глазах вспыхнули. Не удержался на ногах и погонщик. Только ослик остался невредим и, спокойно помахивая хвостом, обнюхивал ползающего у его ног хозяина, который никак не мог найти свою шляпу.

— Ишь, как шарахнуло, — удивился чоло, поднимаясь наконец на ноги. — Видно, дожди начнутся. Это уже всегда так: Тунгурауа трясет, значит начало дождей или конец. Примета верная. А вы катались бы повыше, — напустился он на ребят, оконча-

¹ Чоло (испан.) — метис. — Прим. ред.

¹ «Люблю и никогда тебя не забуду» (испан.).

² Абуэлита (испан.) — бабушка. — Прим. ред.

тельно приди в себя. — Чуть осла не покалечили!

Толчок повторился. Земля качалась. Казалось, горы наклоняются и падают.

— Ачо! Ачо! — Встревоженный тряской, чоло пнул ослика.

Ремихио тоненько выл.

— Не реви, Ремихио. Никто тебя не тянул идти с нами. Потерпи. Мужчина не должен реветь!

— Да, хорошо тебе, — размазывал Ремихио по лицу кровь и слезы. — Я штаны порвал. Мне за них дома дадут как следует! — он приготовился продолжить рег, но снова трянуло, и Ремихио так и застыл с раскрытым ртом.

— Неладно что-то.

Все вокруг странно изменилось. Солнце погасло. Небо стало черным. Со стороны Тунгурауа шла свинцовая туча. Подул резкий холодный ветер. На земле появились трещины. Местами они были такие глубокие, что приходилось делать здоровый крюк, чтобы обойти их.

Ребята побежали к городу.

Повсюду возле домов стояли люди. На тротуарах валялась битая черепица. Задняя стена магазинчика доньи Пиедад рухнула. На этой стене были полки с товаром, и теперь осколки пивных бутылок валялись в песке вперемешку со сладкой альфенике и соломенными шляпами.

Донья Пиедад вся в слезах рвала на себе волосы. От сильных подземных толчков домишки, как у доньи Пиедад, разваливались с треском, а по стенам кирпичных зданий поползли во все стороны трещины. По городу шли процессии монахов. Доминиканцы в длинных белых рубашках и черных плащах, озаренные красным светом факелов, казались призраками с того света.

Пришел Страшный суд, говорили люди. Донья Пиедад каялась во всех своих грехах, а за нею и другие женщины бросались на землю, рвали на себе одежды, молили бога о прощении.

По дороге от часовни Вирхенде-Агуа-Санта монахи несли Деву к городу. Им приходилось пробираться по завалам, носилки перекосялись, и святая Дева моталась в такт неровному шагу, словно пьяная. Шикарное платье, в какое ее наряжали в торжественных случаях, намокло и было заляпано глиной. За Девой увязалась коза. Жалобное блеяние животного сливалось с голосами хора, обращенного к богу. Монахи гнали козу, колотили ее кулаками

и ногами, но та не уходила, глядела кротко и печально, подрагивая сухим, словно придорожная колючка, хвостиком.

Висенте поспешил к дому. Рванув калитку, он застыл на месте: ни дома, ни пекарни, ни печки не было. На их месте лежала груда развалин.

Старая риобамбенья¹, как называли соседи бабушку, плакала, прижимая к себе детишек.

Лил грязный ливень. Откуда-то из глубины раздавался глухой гул, словно город должен был вот-вот взлететь на воздух.

— И зачем, скажите, уехали мы из Риобамбы? — плакала Росарио. — Все бегут от Тунгурауа. Уходить надо, пока живы.

— Далеко ли уйдешь с такой оравой? — оборвал Хорхе причитания жены.

— Был бы здесь Олмедо, он бы что-нибудь придумал, — цеплялась бабушка за последнюю надежду, как утопающий за соломинку.

— И у вашего Олмедо не семь пядей во лбу, — угромо отозвался Хорхе. — День прошел, посмотрим, что завтра будет. Печь можно снова сложить...

Росарио махнула рукой:

— Печь сложить! А что продашь, чтоб муки купить? Вон оно, наше завтра, гляди-ка...

Из-под развалин пекарни белым киселем сочилось раскисшее тесто, дети собирали его горстями, но в нем было столько грязи, что оно не годилось даже на болтушку.

До ночи ни одна машина не пришла из Амбато. Говорили, что у Пелилео рухнул в пропасть огромный кусок шоссе. На помощь Олмедо надеяться было бесполезно. Каким чудом он появился бы в Баньосе? Обвал у Пелилео не обойдешь. Там дорога вырублена узким карнизом в отвесной стене: справа — пропасть, слева — голый камень. Горные тропы, размытые ливнем, стали непроходимы. Баньос оказался отрезанным от мира.

Ночью ливень прекратился. В высоком небе засияли звезды. Далекие галактики, невидимые в плотном воздухе побережья, так ярко сверкали в разреженной атмосфере нагорья, что никакая тьма не была достаточно темной в Баньосе. Только в страшную ночь после землетрясения некому было любоваться этой красотой.

¹ Риобамбенья — (испан.) — уроженка города Риобамба. — Прим. ред.

ОЛМЕДО ОХАВЕРДЕ

В тот раз бедствие постигло горную, наиболее населенную часть Эквадора. Было разрушено более пятидесяти городов и населенных пунктов. Десятки тысяч людей остались без крова. Под развалинами Пелилео погибло более трех тысяч жителей. Сильно пострадал и город Амбато, где жил Олмедо.

...По улицам клубилась пыль, летели клочья бумаги, валялись куски штукатурки, обломки колонн и статуй. Из разорванных водопроводных труб хлестала вода.

Олмедо едва успел выскочить из дверей, как дом, разрывая стены, со скрипом и скрежетом завалился набок, начал оседать и... рассыпался. Олмедо бросился к школе.

— Дети! Мои дети! — звала чья-то обезумевшая от горя мать.

Крыша школы сползла. Острые обломки балок воткнулись в небо. Посреди площади, перед школой Олмедо увидел учителя сеньора Аурельо и кучку ребят, которые жались к нему, будто он один мог спасти их в хаосе разрушения.

— Эрнесто! Где Хуан и Эрнесто? — повторял сеньор Аурельо.

— Эрнесто в церкви, сеньор учитель, — ответили дети. — И Хуан с ним. Эрнесто и Хуан снимут колокола. Падре дал им сукре¹. Новенький сукре!

— А Кармело и Оранья?

— Они поют в церкви. Падре сказал, господу нашему угодна молитва детей. Они помолятся, и господь защитит всех. — Титу прижался к коленям отца. — Я боюсь, папасито, боюсь. Не уходи.

— Я сейчас вернусь, сынок.

Олмедо быстро направился к церкви. Старенькое здание от подножья до купола прорезала зловещая трещина. Внутри церкви было полно народу. На ступенях верующие стояли плотно, многие бросались на колени, подняв руки к небу, громко и горестно причитали. Пробриться к священнику было невозможно. Слышались дрожащие голоса детского хора и рыданье женщин.

— Падре, прекратите службу! — крикнул Олмедо через головы стоявших в дверях.

На него оборачивались, сердито шикали:

¹ Сукре — денежная единица в Эквадоре. — Прим. ред.

— Тихо! Замолчи, безбожник! Гоните вон нечестивого!

Кто-то цепко схватил за плечо, потянул назад. Олмедо равновесия:

— Выходите! Церковь обвалится! — кричал он так, чтоб услышали сыновья, но и сам-то не слышал своего голоса.

— Оранья! Кармело! — звал он, вглядываясь в полумрак притвора, бледно освещенного неверным светом свечей.

Зов его тонул в торжественно печальном пении. Плачем звенела молитва детей, в облаке ладана плыл к дверям священник, благословляя коленапреклоненных.

Приблизившись к Олмедо, он шепнул на ухо:

— Помоги церкви в страшный час, господь не оставит тебя в беде! Бери канат, сын мой! Там снимают колокола, помоги им. Да благословит господь усердие трудов твоих! — серебряным распятием священник перекрестил его и настойчиво шипел, обдавая вонью гнилых зубов и винным пергаром.

— Иди же, иди!

Олмедо с отвращением отодвинулся. Падре придержал его за руку и сунул горсть мелких монет. У Охаверде от ярости побелели скулы:

— Монетками голодных подкупаете, святоши! Сам-то не полезешь на верную гибель! Получай свои грязные медяки!

Падре в ниточку сжал тонкие губы. Размахнулся и, как по суку топором, рубанул Олмедо тяжелым распятием.

Зажав руками в кровь рассеченное лицо, Олмедо шагнул вперед, но его сбили с ног, отбросили от ступеней церкви, и, оглушенный, он уже ничего не чувствовал и не видел.

Очнувшись Олмедо к вечеру. Острая боль в груди не давала вздохнуть. На разбитом лице корой запеклись земля и кровь. Вороту пересохло. Опираясь на руки, попробовал подняться. Ноги, засыпанные щебнем, онемели и не слышались.

На краю пустынной площади в пыльной завесе пылал оранжевый диск солнца. Церковь лежала грудой камня. Тускло отсвечивал разбитый колокол, бессильно вывалив литой язык. В гнетущей тишине скрипела балка, раскачиваемая ветром. Все вокруг будто вымерло. Из-под развалин не доносилось ни звука, ни стоны.

Олмедо лег на землю и слушал. Земля молчала. Он начал лихорадочно раскапывать щебень. Швырял камни. Тянул какие-то прутья, обломки досок. Сердце колотилось. Ноги не держали его, а он, обезумев, все швырял и швырял камни, пока не ткнулся лицом в землю. Обхватив голову руками, закричал дико, каким-то хриплым, не своим голосом. Все тело трясло в ознобе. Позади раздался осторожный шорох. Олмедо резко обернулся: тощий пес слизывал с камней густую кровь. Черная шерсть на загривке стояла дыбом. Заметив человека, он поджал хвост, но не двинулся с места. Глаза светились зеленым огнем, пасть, измазанная клейкой розовой слюной, угрожающе оскалилась...

К утру Олмедо выбрался на шоссе, ведущее в Баньос. Ничего зловещего не было ни в тишине утра, ни в садах, что, как прежде, зеленели вокруг и клонили к земле ветви, отягощенные плодами.

Страшные события минувшей ночи на минуту отступили, и Олмедо представилось, что, выйдя на Панамерикану, он снова увидит автобусы и грузовики, переполненные торговцами, спешащими на рынок в Амбато. Из районов, примыкающих к сельве, они везут наранхилью (из нее готовят утоляющий жажду напиток), агуакатэ с темно-зеленой кожей и нежной мякотью фиштаккового цвета, особенно вкусной, если ее немного посолить, а связки бананов всех сортов: и темно-коричневые, величиной в руку от кисти до локтя, и лиловые с золотистой мякотью, что выращивают в провинции Макас, и мелкие, необычайно сладкие, золотистые бананы оритос. Лучшие сорта, упакованные в целлофановые мешки, тысячами тонн идут на экспорт, а в городах на базарах продают фрукты особо нежные, не выдерживающие перевозок. Бананы — пища бедняков. Они дешевле хлеба и маиса. Гнилые и мелкие продают за бесценок. Их могут покупать даже индейцы-испольщики горных областей.

То, что Олмедо увидел на шоссе, ошеломило его. Толпы беженцев загрохотали дорогу. И без того узкая, она еще обвалилась во многих местах и покрылась трещинами. После ливня с гор хлынули потоки жидкой грязи, грузовики и легковые машины вязли в ней по самые ося.

Мулы, испуганные толпой, пятились на край дороги, тревожно косились, прижимая уши. Измученные люди, нагруженные детьми и пожитками, бесконечной вереницей шли мимо Олмедо в сторону Кито. Потеряв все, они еще надеялись на помощь властей в столице, а всего более на счастливый случай и свои привычные ко всякой работе руки.

Навстречу беженцам, направляясь в Пелилео, продвигались грузовики с солдатами, полевые кухни, фургоны с лопатами, палатками и носилками. Неистово ревели сирены. Олмедо шел к Пелилео, с трудом пробираясь сквозь толпу, обходя повозки со стариками и ранеными. Олмедо смертельно устал от горя. В эту ночь седыми стали его черные как смоль волосы. Горячие карие глаза потухли, и весь он как-то поник. Прежде, легкий да ловкий, не шел; а летел. Теперь он брел, опустив плечи, будто не сознавая, куда идет. Он потерял сыновей, дом его был разрушен, и кто знает, какие вести ожидали его в Баньосе, куда он так упорно пробивался.

Похолодало. Резкие порывы ветра гнали низкие облака, и вершины гор, не видные под их плотным покровом, казались срезанными. Над Тунгурауа полыхали белые молнии.

Вокруг стало безлюдно и глухо. Ревела река внизу, а в небе, распластав крылья, кружили два кондора.

Поперек шоссе стоял автобус, какие ходят обычно на побережье: с легкими занавесочками, с пальмами и белыми гребнями волн, нарисованными на дверцах кабин. Заднее колесо машины висело над обрывом. Обогнув автобус, Олмедо увидел шофера, трех индейцев в темно-красных пончо и молодого курчавого парня с мачете за поясом. Они стояли у края огромной трещины, расколовшей шоссе. Острый клин ее упирался в отвесную стену скалы. Провал длиной метров сто уходил вниз до самой реки. На скале удержался неровный узкий обломок, видимо столь ненадежный, что даже индейцы не решались перебраться по нему через трещину. Они завернулись в пончо и улеглись у колес автобуса спиной к ветру. Шофер уныло толкал носком ботинка камни в обрыв. Глыбы легко отрывались от края трещины и, увлекая за собой лавину мелочи, беззвучно исчезали

в кипящем водовороте на дне пропасти.

Наклонясь навстречу ветру, Олмедо подошел к краю обрыва, попробовал ногой крепость уцелевшей тропки.

— Может, пройду, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Сорваться не трудно, — отозвался курчавый парень, опасливо заглядывая вниз. Олмедо показал ему свои мокасины.

— Для горной дороги хороши, — парень разглядывал мокасины с некоторой завистью. — Но все равно не пройдешь. Узко. Ногую не поставишь.

— Куда ты пойдешь? Обезумел, что ли? — взорвался шофер, будто только и ждал повода, чтобы дать выход раздражению. — Если бы можно было пройти, индиос уже были бы на той стороне. Вон их заработок-то, — показал он на шикарные машины из Баньоса, застрявшие у обвала. — Без проводников эти господа здесь на неделю застрянут.

— Эй, гринго! Давай задним ходом до Шел Мера! — заорал он, приставив руки ко рту рупором.

Ветер разорвал его слова, люди толком ничего не разобрали, но обрадовались, оживленно замахали руками.

— Сейчас вам мост построю, ждите, — желчно пообещал шофер.

Олмедо застегнул куртку, заправил в носки брюки, чтоб не трепались по ветру, и подтянул ремешки мокасин. Он уже знал, что пойдет. Будь что будет! Когда положение становилось совер-

шенно безнадежным, откуда-то являлись силы победить, наперекор всему. Он уже не слышал ничего, что говорилось вокруг. Для него было важно лишь то, что имело непосредственное отношение к мысли, на которой он сосредоточился: пройду. Не надо смотреть вниз. Стена гладкая, но ведь не зеркало! Как-то можно уцепиться...

Он нащупал трещину правой рукой, плотно прижался к стене и осторожно стал продвигаться по узкому обломку шоссе, висевшему над пропастью. Внизу редела река, перекатывая пудовые камни. Тугая пелена воздуха заложила уши. Шершавая скала дышала жаром, а по спине полз холодок, и тянуло взглянуть, как, крошась, скользят вниз обломки.

Индейцы поднялись и, не отрывая глаз, следили за Олмедо. Курчавый парень, не сдержав волнения, обернулся к шоферу:

— Посмотри-ка! Ты видел когда-нибудь такие мокасины?

— Разобьется. Дура чертова! — обрезал его шофер и залез в кабину автобуса, сделав вид, что происходящее ничуть его не касается.

Олмедо двигался вперед сантиметр за сантиметром. Чуть приметно, по-змеиному переливалось его тело. Скользящий камень предательски уплывал из-под ног. От голода подступила тошнота. Зашумело в ушах. Лоб и спина покрылись липкой испариной. Он застыл, прижался щекой к камню, боясь сделать неверное движение. Переждал слабость. Потом опять стал осторожно нащупывать ногой ненадежную опору. До противоположного края трещины оставалось совсем немного, как вдруг под ногой сорвалось...

Олмедо судорожно вцепился руками, сжался в комок и резко, по-индейски боком, бросил тело вперед на край трещины. Не сразу перевел дух. Руки как-то ослабли. Он бессильно раскинул их в стороны и лежал неподвижно, уткнув лицо в землю. Острокрылые птицы пронеслись мимо и задевали его потную голову. Ветер нес густые волны запахов влажной земли, травы и горячего камня, то неизъяснимо прекрасное дыхание жизни, какое дано ощутить только пережившему смертельную опасность.

Небо над Тунгурауа расчистилось, и вершина вулкана засияла в бездонном небе, а горы вокруг стояли золотые и фиолетовые в лучах заходящего солнца.

Дорога крутыми витками уходила вниз. Баньос виднелся на фоне гор, покрытых пышным тропическим лесом. К ночи светляки зажгли свои зеленые огни, зазвенели громче цикады. Чудилось, будто звуки эти летят на землю со звезд, горящих на черном бархате неба.

К полуночи Олмедо добрался до улочки, где прежде стояли домик и пекарня абуэлиты Марии. Слух о его приходе быстро разнесся по городу. Отовсюду шли люди поговорить с человеком, перешагнувшим через пропасть.

— Без мокасин не пройти бы вам, компаньеро.

— Теперь их как рекламу надо выставить перед мастерской.

— С такой рекламой много заработать можно. Разбогатеете.

— Отбоя не будет от заказчиков!

— Все это верно, а пока как мне с этим богатством распорядиться, — усмехнулся невесело Олмедо, показывая на спящих под тряпьем малышей.

— А где же ваши старшие, Олмедо? Эрнесто не с вами?

— Нет, — сдержанно ответил он, — его со мной нет. Старшие остались в Амбато, — и перевел разговор на другое.

У Олмедо всегда были верные друзья. Не оставили они его и на этот раз. Утром Висенте увидел, как Олмедо привязывает к агуа-кате двух спокойных крестьянских мулов. Подергивая кожей, мулы жевали траву, словно знали, что надо заправиться на дальнюю дорогу. Всю жизнь они таскали грузы, пережили не одно землетрясение. Возможно, им вовсе не хотелось идти из Баньоса в Рио-бамбу, но они никак этого не выражали.

На одного мула усадили абуэлиту Марию с Пауло на руках, впереди ее ухватился за гриву Лаутаро, а позади села Грасиэла.

Старый мул покачал головой и обернулся к Олмедо.

— Что поделаешь, старина, придется посадить еще Висенте, — извинился Олмедо. — Возле хвоста у тебя есть еще местечко, — тронул он его костлявую спину.

«Нет там никакого местечка», — раздраженно глянул на него мул, но, как всегда, промолчал и отвернулся.

И на второго мула детей хватало. Так и ушли на Рио-бамбу теми самыми тропами, по которым, каждый знает, нельзя пройти после ливня.

Перевела с испанского
Г. МАШКОВА

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Каким станет Полесье! Что станется с заболоченным «царством туманов», раскинувшим сейчас свои владения на два с половиной миллиона гектаров! Лучше всего об этом говорят цифры плана мелиорации гигантской низменности: половину этой территории займут колхозные поля; 780 тысяч гектаров останется или станет лесом; 130 тысяч гектаров займут водохранилища; 150 тысяч гектаров пойдут под заповедники; **210 тысяч гектаров будут** оставлены в том **виде сохранности и первозданности**, который необходим природному балансу **Полесья**.

Ю. СТЕПАНОВ,
наш спец. корр.

ЗЫБКОЕ ЦАРСТВО ТУМАНОВ

А на «моем» болоте туман стоял легким прозрачным облаком — просторным, разлапистым.

Чтобы попасть в лес, вернее, еще только в подлесок, надо было пройти сквозь этот туман. Входишь в него — а его уж и нет, такой

он прозрачный. Только чувствуешь холодок, и знаешь, что ты в тумане и на болоте — земля забирает ногу, не отдает, потом чавкнет — мокро, со всхлипом — и отпустит.

Когда это болотце прорыли канавами, оно

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК XVIII ВЕКА. ЗАГАДКА МАЛАХИТОВОЙ ШКАТУЛКИ.

еще и тогда гляделось болотом. Но только гляделось. Идти в лес стало легче, хорошо стало. Поначалу вроде никто и не заметил, что клок-вы стало меньше, — подумаешь, не много ее и было: так себе, если уж очень стараться, на зиму на кисель наберешь... Потом черничник, тот, что в подлеске, отступил: то ли в лес дальше ушел, то ли вдруг стал заметен только тот, что и был всегда в лесу. Но голубики не стало совсем. Зато перед лесом поднялась рожь. Хорошее вышло поле.

Но почему-то — было это, кажется, на третий год — рожь вдруг не удалась. Тогда я и не знал, почему такое происходит. Жаль было люльку речку. И без того тонкая, она вдруг, как старая измочаленная веревка, стала рваться. Особенно такое случалось в засушливые годы. А раньше-то этого с ней не бывало.

Все это вспомнилось мне, когда довелось идти по одному из полесских болот. Вспомнилось, наверное, потому, что по болоту надо идти не торопясь, чтобы не быстро выдохнуться, а при такой ходьбе чего только в голову не взбредет, а уж детство-то в первую очередь.

Никакой крепкой связи между моими воспоминаниями о крошечном болотце под Москвой и этими громадными болотами не было и быть не могло. Да и какая там связь? Было ли в «моем» болоте хоть десяток гектаров? Вряд ли. А здесь их миллионы! Это нельзя ни увидеть (как увидишь такое пространство!), ни даже представить — ведь как человек ни хитер, а доведись ему представить себе что-нибудь, чего (больше ста, и уж ему никак этого не вообразить...

Вот туманы полесские и представить и увидеть можно. И опять туману над «моим» болотом не сравниться с этими туманами. В тот входишь — и не видишь его, а здесь... Когда двое рыбаков, что шли далеко впереди меня, стали подходить к первому облаку, я думал, им и не войти в лето: просто не пробьют белую его стену, повернутся и начнут обходить ее по краю. Я б даже не очень удивился этому. Я больше удивился, когда они все-таки вошли в белесую стену и тут же пропали — сгнули. Сначала еще виднелись над туманом их головы и тонкие концы спиннингов, потом одна голова продала — этот рыбак был ниже своего товарища. Теперь осталась одна голова, и рядом с ней туман рассекало удилище, идущее само собой... Потом пропало все. Удалось ли этим людям вынырнуть с другого края туманного озера, мне увидеть уже не пришлось. Слишком оно было велико. Так я и шел с совершенно нелепым ощущением, что два человека пропали на моих глазах. Хотя я, конечно же, знал, что ничего с ними не случилось, и мне самому скоро предстоит войти в это озеро тумана и тоже исчезнуть.

Да, это действительно было «царство туманов». И хотя придумано это название было дав-

но и, может быть, излишне красиво, но оно и сейчас звучало справедливо.

Я находился где-то близко к центру гигантской впадины. Только геология — наука, умеющая вглядываться в каждую щепоть нашей Земли и в то же время собравшая обширнейшие сведения о ее поверхности, — могла дать свое представление об этих бесчисленных гектарах Полесья. Геология утверждала, что эта огромная низменность, из которой я не видел ничего, потому что шел уже в тумане, «является самой молодой частью современного рельефа поверхности на Украине и в Белоруссии». (У геологии свой и довольно своеобразный взгляд на возраст.) Как неспециалисту, мне было даже интересно читать дальше в одной из ученых книг. Вот что было там написано: «Свои очертания и форму плоского корытообразного понижения низменность приняла в послеледниковое время. Однако своеобразный современный рельеф явился результатом ряда тектонических изменений, наметившихся в районе Полесья еще в докембрийское время». Такое свободное обращение с веками — деловое и в то же время немного панибратское — принимаешь с чуть ироническим изумлением, то есть с чувством вполне естественным, если сам-то знаешь, что тебе лично от этих веков отпущено не густо. Совсем другое, когда дело доходит от абстрактного ощущения времени до картин. Как же все это происходило? Чему обязаны своим существованием эти бесчисленные гектары болот?

Ледник не вошел в Полесье. Льды окружили эту громадную территорию со всех сторон, обложили ее холодной ледяной осадой, но языки льда не поднялись в Полесье. Тут их и застало то необычайное для Земли время, которое может по праву называться космической весной нашей планеты. Это была гигантская оттепель. Ледник ворвался в Полесье водой — потоками воды, бурлящими по-первобытному дико. Эти потоки тоже невозможно представить себе, хотя бы потому, что они смогли проделать столь грандиозную работу: оставить после себя огромную корытообразную равнину. По самым низким ее местам проложила себе дорогу та ничтожная в сравнении с космическим паводком частица воды, которую мы называем речкой Припятью. А ведь разливы этой «капли» из ледникового паводка приводят в изумление почти всякий год. Река теряет русло, она забывает его в своем весеннем безумии, расстилаясь по равнине, как мокрая скатерть. А ее кормильцы-притоки еще долгое время мечут в нее свои повторному бешеные воды. Сами, расстилаясь вокруг, несутся к Припяти Стирь, Горынь, Уж, несутся Уборть, летят Случь и Птичь. Когда Припять, приняв все эти воды, образовав бесчисленное количество извилин, затонов, протоков и стариц, оставив без счета за собою отелей и кос, приходит к Днепру, она шире самого Днепра.

Но это еще не все. Вода в Полесье ветре-

чается с водой. Вода, бегущая по земле, льется к воде, сочащейся из земли — к той медлительной воде, которую хранит в себе лучший собиратель влаги — песок. Еще бегут к Припяти Турья, Стоход и Веселуха, еще в пути воды Пины и Ясельды, а земля уже не принимает влаги и ей уже не принять ее.

Если учесть, что все это происходит из века в век, то легко понять, почему Полесье стало царством болот и туманов. Но название это при всей его справедливости несколько удручающее. В светлые солнечные дни, каких в Полесье тоже порядочно, места эти прекрасны. Земля, к которой трудно подступиться человеку, с удивительным вдохновением гонит из себя травы, одевается лесом, и во всем этом нетронутым благополучии бесчисленные птицы и зверье чувствуют себя в редчайшей уже на нашей планете безопасности.

Когда уже под вечер я попал наконец в деревню, где еще вчера остановился, старая хозяйка, поглядывая, исправно ли я ем, стала спрашивать, где я был и что видел.

— А за озеро ходил ли? — спрашивала она с пристрастием.

И огорчилась, что не ходил.

— Скоро тех мест и не узнать будет... Все зеленым покроется, благодать... Значит, клюквенную низинку ты не видел. А там и сейчас ягоды собирать можно.

— Так ведь весна, — удивился я. — Откуда бы?

— А с того года осталась.

— Да, — авторитетно подтвердил хозяин. — Вчера видел, мешок несли полнехонек.

Хозяйка глянула на него вроде бы с недоверием, и он уж ей сказал:

— Ну, они втроем, что ли, собирали... А может, даже все четверо.

— Могли набрать, — решила старуха. — Вот уж и мы ходим, и приезжие ходят — из города приезжают... И все в ту низинку, и всем хватает, и не обобрать ее.

Потом, как и бывает в разговоре, стали перебирать и неудачное. Старик с насмешкой стал вспоминать, что вот, мол, даже Райкин стариков «высеивает»: врут, дескать, что раньше и рыба в реках водилась, а по его-то мнению, не врут старики, больше было рыбы, да и другой живности было больше. Вспомнили и про озера. Мелеют они. Имена у озер были красивые: Вечера, Ореховское, Червоное...

— Отчего мелеют-то? — спросил я.

— А от канав этих, осушают все... Реки спрямляют. А природу, ее с умом трогать надо, — подвел итог строгий старик.

Вспомнили «черные» бури, каких в Полесье раньше не бывало никогда. Я не видал этих торфяных бурь, но слышать о них уже приходилось. Происходит в это время что-то страшное. Оголяется земля, ветер несет все самое плодородное, что есть на ее поверхности, и все вокруг на многие километры одевается черной пылью. Чернеют леса и травы, чернеют посевы... Наверное, это и впрямь страшно.

Поэтому, когда я попал в Москве в Министерство мелиорации и услышал от сведущих людей, что они знают об этом, и не только знают, а и помнят теперь во время своей работы, я пожалел, что не слышал этого тот строгий старик: ему бы стало спокойней.

А узнал я много. План составлен обширнейший. Интересен он тем, что учтено в нем многое, хотя и нельзя сказать, что все. Но есть твердое намерение строго учитывать по ходу осушения все, даже мельчайшие последствия. Того пагубного, что давало осушение в Полесье только отдельных участков без учета всего происходящего на всей низменности, может и не быть.

План многолетний. И эта медленная, спокойная постепенность в его претворении уже содержит в себе какую-то долю успеха. Строго намечено, сколько земель будет осушено и пойдет под посевы, сколько пойдет под лес, под водохранилища, что надо сохранить в совершенно нетронутым, естественном виде, а что даже взять под строгую охрану и сделать заповедником.

Слушая все это, я невольно вспомнил старика: «Природу, ее с умом надо трогать!»

В созданных водохранилищах намечается сразу же начать разведение рыбы. Сами же эти водохранилища смогут не только принимать в себя воду с осушенной земли, но делаются с таким учетом, что в засушливое время будут отдавать свою воду тем же землям. Необходимости это делать и делать по возможности очень оперативно раньше почти не придавалось значения.

Основную же часть воды примет в себя, конечно же, Припять. Но чтобы даже при разливе река осталась судоходной, не расплескиваясь в стороны, ее обнесут валом.

И даже способ осушения принят самый рациональный: не рытье канав (они быстро зарастали, обваливались), а дренаж — прокладка тонких керамических труб в самой почве. Эти трубы, в отличие от канав, находясь глубоко в земле, не будут мешать и земледелию... Такая работа — грандиозная и с учетом всего природного комплекса, будет делаться впервые, и надо думать, что в названии «царство туманов» останется в результате лишь хорошая его сторона. Потому что туман, лежащий светлым облаком рядом с лесом или вдоль реки, это все-таки тоже очень красиво. А еще больше нужно тому же лесу и той же реке, а значит, в конечном счете — человеку.

Осталось последнее: кому выполнять столь грандиозную работу, рассчитанную больше чем на десятилетие? Ведь отрегулировать водный режим предстоит в целой громадной низменности! Уже сейчас понятно, что работа эта далеко не механическая. Нужны люди, колоссальное количество людей, умеющих не просто перекидывать землю с места на место, а радеющих за свое дело — таких, которые желали бы оставить после себя не хвосты «черных» бурь, а землю, дающую людям дом, хлеб и уют.

Вот почему за дело придется браться молодежи — людям, легким на подъем. Поэтому в большом списке комсомольскихстроек можно прочесть и об этой своеобразной стройке: о мелиорации Полесья.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Мы шли цепочкой: впереди фидаин, за ним Абу Джордж, я, фоторепортер Морольдо, Абу Абед и за ним другой фидаин. Дорога была неровной, я то и дело спотыкалась о камни, а зажигать фонари было нельзя — нас могли заметить. Трижды пришлось перепрыгивать через ручей, один раз пробираться запутанным проходом в колючей проволоке и перебежать по узкому бревну, перекинутому через сточную канаву. Место было выбрано с большим искусством, человек чужой почти наверняка не найдет сюда дороги, даже если он уже

Окончание. Начало в № 6.

побывал здесь. Я, например, запомнила только узкую дорогу с кривыми колеями, круто взбирающуюся на вершину холма. Не доходя до этой вершины, мы остановились. «Обождём сигнала», — тихо произнес тот фидаин, что шел впереди. Скоро раздалось негромкое птичье посвистывание, и мы двинулись дальше. Фидайны довольно часто пользуются таким способом сообщения, недаром в тренировочных лагерях их обучают искусству подражать свисту чуть ли не всех известных птиц. Учат их подражать и собачьему лаю — вещь совершенно необходимая при окружении какого-нибудь кибуца или при подходе к деревне.

Сама база располагалась в полуразрушенном от бомбардировок доме. Уцелели лишь две комнаты, гумно и хлев. Хлев был закрыт, и у его ворот стоял часовой — почти наверняка там хранилось оружие. На крыше хлева пристроен зенитный пулемет. Мы расположились прямо на полу в одной из комнат, Абу Абед отправился разыскивать командира, а Абу Джордж сказал, что его миссия на этом заканчивается, и он, пользуясь утренним туманом, сейчас же возвращается в Амман.

Несколько минут в комнате стояла абсолютная тишина, прислонившись к стене и полуприкрыв глаза, мы рассматри-

ПОЧЕМУ ОНИ ФИДАИНЫ?

Почему они фидаины? Потому, что родились палестинцами. Потому, что были изгнаны со своей земли и брошены в лагеря беженцев. Потому, что готовы умереть за право вновь обрести свою родину.

вали спящих на полу фиданов. Все чрезвычайно молоды, юноши — иначе их не назовешь. Почти все в гражданской одежде, но зато у всех на ногах армейские тяжелые ботинки. Один парень во сне крепко обнял свой автомат — будто боялся, что его отнимут. Неожиданно он проснулся, увидел меня и, вскочив тотчас на ноги, спустил предохранитель.

— Сахафа. Пресса, — тихо сказала я ему.

Он снова поставил автомат на предохранитель и улыбнулся в ответ:

— Алейкум салам. Да будет мир с тобой!

Ему было семнадцать-восемнадцать, не больше. Вряд ли он когда-нибудь сбрасывал со своих щек бороду. Лицо блед-

ное, сухое и серьезное. Он подошел ко мне:

— Меня зовут Абу Ашам. А тебя?

Я представилась, добавив, что приехала из Италии. Он уставился на меня в изумлении:

— Ты хочешь сказать, что в Италии тоже слышали о нас?

— Конечно, Абу Ашам.

Он вскочил на ноги и закричал:

— Квум, квум! Вставайте, вставайте!

Все, схватив автоматы, повскакали, но, едва узнав, из-за чего произошел весь переполох, снова, ворча, улеглись. К нам подсело лишь трое...

— Я хотела бы кое о чем спросить тебя, Абу Ашам.

— Спрашивай.

— Как ты попал сюда, почему ты здесь, Абу Ашам?

— Потому, что я сын палестинца; потому, что родился в лагере для беженцев; потому, что однажды понял, что мы должны с отцом вернуться на родину.

— Когда ты это понял?

— Три года назад.

— Что же сказал тебе в ответ отец?

— Он, помню, сильно побледнел, мне ведь тогда едва исполнилось пятнадцать. «Ты еще слишком молод, ты должен сначала кончить школу», — сказал он мне. И я ему обещал, что смогу сделать и то и другое вместе, и я действительно смог. Я же до сих пор учусь: пятнадцать дней в школе, пятнадцать на базе. Хочу поступить в университет, заняться политическими науками.

— Сколько же ты находишься здесь, на базе?

— Полгода. Сначала был год подготовки, потом год я жил в городе.

— А когда ты ходил на последнюю операцию?

— Три ночи назад. Мы должны были устроить засаду двум лендроверам и поставить мины.

— Операция удалась?

— Да, лендроверы мы подорвали. И все шестеро вернулись на базу.

— Тебе было страшно?

— Нет, больше я не испытываю страха, клянусь тебе. Уже привык. Первые два раза мне было действительно страшно, поначалу я просто ужасно себя чувствовал: идешь и думаешь, что тебя обязательно подстрелят. Ведь многие гибнут, знаешь...

— Тебя устраивает такая жизнь, Абу Ашам?

— Она, конечно, нелегка, она жестока. Но разве у нас есть выбор? Или жить так, или жить, забыв о собственном достоинстве, чести. Надо...

Неожиданно он бросился к керосиновой лампе и торопливо прикрутил ее.

— В чем дело?

— Ничего страшного, самолет-разведчик. Это часто бывает, каждую ночь. Бывает, что они кинут несколько бомб, но в нас еще ни разу не попали. Потом у нас ведь неплохие убежища, видишь вон те траншеи?

Я услышала, как кто-то полез на крышу, к пулемету, но разведчики недолго висели над нами, и скоро шум их моторов стал затихать. Абу Ашам вновь зажег лампу. Пламя ярко вспыхнуло и осветило лицо неизвестного мне человека.

Этому человеку в форме было лет тридцать. Сложив на груди руки, он смотрел на нас неодобрительно. Ледяным голосом попросил Абу Абеду показать наши бумаги, но, прочитав, улыбнулся, обнажив белоснежные зубы, и сказал по-английски:

— Добро пожаловать на мою базу. Меня зовут Абу Мацим... Вы уже ели? Нет, наверное. Палестинец не ведет с гостем беседы, не накормив его прежде.

Он сделал знак, и в ту же секунду в комнате появилось двое фидайнов с уже приготовленной едой. Поджаренные бак-

лажаны, вареная фасоль, салат из помидоров и лука, жареная баранина и арабский хлеб — плоская, огромная лепешка. Все это разложено по жестяным сковородкам, которые вместе со стаканами очень горячего и очень сладкого чая поставили перед нами прямо на пол. Абу Мацим первым погрузил пальцы в фасоль:

— Здесь вилок не подают, ешьте руками... Вам, кстати, приходилось когда-нибудь делить пищу с... как их вы называете... террористами, кажетс-

— Приходилось, Абу Мацим, правда, давно. Я была еще девочкой. Тогда мы в Италии сражались с нацистами...

Ответ ему понравился, и дальше он вел беседу куда охотнее. Лишь одно условие поставил он передо мной — он будет говорить не по-английски, а по-арабски, так, чтоб все его понимали. К этому времени проснулись уже все партизаны, они сидели вокруг нас концентрическими кругами, ошестинившись дулами автоматов. Никто из них не размотал своей кувии, они подносили пищу ко рту, опускали край ткани на секунду и тут же возвращали его в прежнее положение.

— Мне можно спрашивать о чем угодно, Абу Мацим?

— О чем хотите, кроме расположения этой базы. В общем-то вы мало что сможете даже при желании поведать господину Моше Даяну. У нас здесь особых секретов нет.

— Он, кстати, не раз заявлял, что всерьез вас не воспринимает...

— А вы побольше его слушайте. Если хотите знать о нас правду, то спросите-ка лучше его солдат, спросите, что произошло недавно в Эль-Хасобе, в Неот Хакикан, в Содоме... Или, может, он после того, как мы взорвали в Содоме электростанцию, не видит в темноте и вторым глазом?..

На этой базе фидайнов человек тридцать. Раз в месяц или даже два раза в месяц они по очереди заменяются, таким образом люди всегда свежи и здоровы. Операции предпринимаются раза два-три в неделю, партизаны нападают на моторизованные или пешие патрули, минируют дороги, обстреливают кибуцы и промышлен-

ные центры, берут пленных. Обычно в такого рода операциях участвуют семь-восемь человек, но бывают случаи, когда фронт переходят всем наличным составом. Потери, в отличие от того, что думают в Европе, не слишком велики — в среднем один убитый за операцию, не считая, конечно, раненых. Фатх берет на себя обязательство заботиться о семье каждого убитого фидайна. В случае если фидайна ранило, Фатх помещает его в собственный госпиталь. Кроме того, Фатх выплачивает нуждающимся ежемесячное пособие. Если же фидайн не испытывает нужды в деньгах, он его не получает, а случается, что и сам пополняет кассу организации.

Около часа мы разговаривали с Абу Мацимом, и история его была в общем похожа на историю жизни любого фидайна, из какого бы сословия он ни был. Среди фидайнов встречались студенты, крестьяне, служащие, рабочие. Неожиданно один из фидайнов потянул Абу Мацима за рукав. Я спросила, чего он хочет.

— Он говорит, что хочет от имени всех задать вам вопрос. Он спрашивает, почему вы стремитесь узнать о нас все и ничего не говорите о себе. Как вы считаете, мы правы или нет?

— Да, наверное, вы правы, Абу Мацим. Но все же...

— Что — все же?

— Я должна вам рассказать одну историю, историю простую и короткую.

— Расскажите.

— Девочкой я была влюблена в нашу школьную учительницу. Она мне казалась лучшей женщиной в мире. Ее звали Лаура Рубичек, жила она со своей матерью, совсем уже белой старушкой. Однажды ночью пришли наци и обещали увести. Потому что они были еврейками. Они уже больше не вернулись. Понимаете?

— Да, синьора, понимаю. Теперь мы можем вам ответить? Наш ответ будет тоже простым и коротким. У нас нет ненависти к евреям. Некоторые из нас женаты на еврейках, у многих есть друзья евреи. Мы ненавидим сионистов. Все дело в том, что сионисты те же нацисты. Другими словами, они верят в необходимость существования расистского государ-

ства, государства экспансионистского, империалистического. Вы, на Западе, думаете, что Израиль — это и есть евреи, а это совсем не то же самое...

Фидаин снова потянул Абу Мацима за рукав.

— Чего он хочет, Абу Мацим?

— Он тоже хочет ответить вам.

— Ну что ж, хорошо.

Тут последовало довольно долгое молчание, потом фидаин откашлялся, и его рука в нетерпении отбросила с лица куфию: он был очень молод, этот фидаин. Медленно, так чтоб его слова успели перевести, он начал:

— Все то, о чем вы здесь говорили, мне знакомо. Не потому что я это сам видел, а потому что читал кое-какие книги. И для меня все это так же ужасно и непонятно. Но разве это наша, арабов, вина? Вы сами знаете что нет... И если евреи такие хорошие люди, как ваша учительница, то почему израильтяне обращаются с нами, как фашисты обращались с ними? Почему они истязали нас и убивали, почему они, изгнав нас с нашей земли, продолжают до сих пор нас преследовать?

Он едва успел закончить говорить, как в комнате появился облаченный в полную форму гигант. Все вскочили по стойке смирно. Не представляясь, он обвел нас всех медленным взглядом и, не опустив край куфии, произнес:

— Люди должны спать... а вы следуйте за мной.

Мы последовали за ним. Было уже почти два часа утра, и для меня началась самая длинная ночь...

Поначалу у меня было такое впечатление, будто мы очутились в месте куда более опасном и обнаженном для врага. Довольно скоро я поняла причину такого ощущения. Наш гигант снова привел нас к тому месту вблизи моста Алленби, где был виден Иордан, где видны были огни Иерихона, где чувствовался тот же запах жасмина. Израильские солдаты были у нас прямо за спиной, в бинокль мы вполне могли бы рассмотреть и их патрули, и их пулеметы, нацеленные на нас. Единственное, чего я не могла понять, так это причину, по которой гигант решил привести нас сюда. Было ли

это неожиданно возникшее уважение или был это вызов? Да и что проку разбираться сейчас в этой причине — лучше взять себя в руки и попытаться осмотреться...

Вокруг был пальмовый и банановый лесок, кое-как маскировавший одноэтажное строение: то ли бывшая крохотная школа, то ли бывшая фабричонка. Вокруг здания шла веранда, крытая массивной крышей, на веранду выходили все двери, здесь же, на веранде, был установлен пулемет. Двое часовых в накинутых плащ-халатах и в привычных уже для глаза коконах куфии не спускали глаз с единственной дороги, третий вел наблюдение за леском. Как только подошел гигант, часовые вздрогнули и резким движением открыли дверь. В комнате, освещенной керосиновой лампой, стоял неуклюжий огромный стол, две скамьи, шкаф с книгами, доска, на стене висела географическая карта Палестины, да в углу стоял большой баул. Жестом вежливым, но повелительным гигант пригласил нас сесть и устроился сам. Медленным движением он стянул с головы куфию, положил на стол огромные руки и принялся нас разглядывать. Его лицо осталось прежней маской: умной, но суровой, безжалостной и решительной. Лоб с залысинами, просеченными морщинами, в которых заметна была набившаяся пыль, глаза, пронзавшие собеседника, как иглы, щетинистые и тяжелые усы, нависшие над резко очерченным, хищным ртом. Щеки покрыты многодневной бородой, черной, как черная неопрятная повязка. Когда губы двинулись, мы услышали глухой и властный голос. Он сказал:

— Меня зовут Абу Халид. Я руковожу всеми базами вдоль Иордана.

Это был тот самый человек, под чьим командованием находилось сорок две тысячи фидаинов, почти еженощно переходивших реку, чтобы встретиться, быть может, на том берегу со смертью.

Двое из этих сорока двух тысяч стояли за моей спиной. Они переступили через порог с неслыханным изяществом кошки, я заметила их присутствие только потому, что на них смотрел Абу Халид. А они, ви-

димо, ждали, когда в его взгляде появится выражение одобрения, которое все никак не появлялось. Наконец он тихо сказал: «Ла». Что значит — «нет». И добавил что-то, мне показалось, два имени. Двое повернулись и вышли, и почти тотчас же появилась новая пара, каждому лет по восемнадцать. Они поражали прежде всего своей хрупкой фигурой — худые плечи, узкий торс, сухая шея. Такие люди легко пробираются сквозь тесный полуметровый проход в колючей проволоке. Они были очень похожи друг на друга, хотя один из них и был брюнетом, а другой блондином. Головы их были не покрыты, на них были обыкновенные гражданские костюмы. Блондин был даже элегантен — в вельветовых брюках и пуловере винного цвета. Абу Халид посмотрел на них и сказал: «На'ам — да». Они повернулись, вышли, но не прошло и пяти минут, как они снова вошли уже в маскировочных костюмах, закутанные в куфию. Часть лица, что была видна из-под платка, они аккуратно вымазали пеплом, и на фоне этой пепельной маски белки глаз сверкали особенно ярко и грустно. Когда они ушли, Абу Халид сказал, что они посланы в разведку, чтобы подготовить завтрашнюю операцию.

— Расскажите мне о себе, Абу Халид. — Конечно, это была странная просьба: ведь было уже за два часа ночи. Но я не сомневалась, что Абу Халид не собирается спать, что он будет ждать тех двух ребят.

— О себе? — Он подтянул рукав и посмотрел внимательно на часы, будто что-то высчитывая, верно, время, необходимое тем двоим для того, чтобы закончить операцию. Задумался... — Да-да, конечно, если вам это угодно. Правда, я не смогу сказать вам, сколько мне лет, просто не знаю. Примерно тридцать семь (на вид ему было все пятьдесят). Отца моего давно убили. Теперь о матери... Обычно, сколько я знаю, человек, когда вспоминает свою мать, видит или как она готовит праздничный пирог, или как она прибирает в доме. Я же вижу свою мать с ружьем в руке или вижу, как несет она в горы связку оружия для отца.

— А где она сейчас?
— Не помню точно, когда я ее видел в последний раз. Мы расстались, когда я еще был мальчишкой. Знаю, впрочем, что она живет на оккупированной территории и помогает Спротивлению.

— Что же вы делали все это время?

— Занимался крестьянской работой то в одном месте, то в другом. В четырнадцать стал рабочим, но... понимаете, здесь дело не в том, чем я занимался, не в моей собственной психологии. Ведь все наши проблемы — проблемы исторические. Палестинское Спротивление существует как историческая реальность, вне всякой зависимости от вашей или моей воли. Не случайно наша война похожа на войну, что была в Алжире, что происходит сейчас во Вьетнаме. Она тоже порождена империализмом и колониализмом...

— Вы марксист, Абу Халид?

— Пока нет, сначала я должен изучить «Капитал». Я уже его прочитал, но пока не понял его до конца. Не улыбайтесь... — он снова посмотрел на часы и неслышно задвигал губами.

Я тоже принялась за подсчеты: если предположить, что наша база находится в двух, максимум трех, километрах от берега, то в это время ребята должны уже подходить к реке или, может, даже уже пересекать ее.

— Вообще-то раньше я мечтал стать художником, поехать в Италию.

— В Италию?

— Именно. В том, что Италия, и никакая другая страна, является страной искусства, меня убедила одна книга. И конечно, Микеланджело. Причем Микеланджело прежде всего как человек, а не художник. Я был поражен тем, что он создал Сикстинскую капеллу по заказу папы, который беспрестанно преследовал его. Тогда я думал, что смогу отомстить за него, отомстить тем же попом. Тогда я был молод и был способен только рисовать.

— Что же вы рисовали?

— Не овец и не оливы. Я рисовал людей. Таких людей, какими я их узнал после массовых расстрелов и казней, после того, как взлетел на

воздух наш дом. Помните картину Гойи, на которой изображена рота французских солдат, расстреливающих патриотов? На мостовых Рима я мечтал изобразить наших расстрелянных патриотов. Люди бы останавливались и спрашивали меня: что это все означает? И я бы отвечал: это патриоты Палестины.

И в третий раз он бросил взгляд на часы. В эту минуту его двое ребят наверняка уже перешли Иордан и выбираются на противоположный берег. Осторожно, ползком, затаив дыхание, напряженно глядясь в темноту, чтобы не зацепить детонирующий шнур «гирлянды» мин. Потом, устроившись в укромном и удобном для наблюдения месте, высматривают израильских солдат, высчитывают время смены патрулей, запоминают расположение пулеметов и орудий. Если все сойдет хорошо, то к четвертому утра они должны быть обратно. Абу Халид сжал свои мощные руки и тяжело вздохнул.

— Лучше вернуться в сегодняшний день. Сейчас уже ясно, что сионизм — новейшая форма колониализма, причем наиболее лицемерная. Сионизм четко выражает американские, английские и другие капиталистические интересы. Сионисты хотят сделать с нами то же, что американцы сделали с индейцами: апачами, навахо, команчами. Но здесь трагедия апачей не повторится, мы не кончим свое существование в музеях, в концентрационных лагерях и фильмах-вестернах...

Тогда-то и раздался первый взрыв, а следом за ним — второй. Едва затихло эхо взрывов, как воздух разрезала очередь тяжелого пулемета. Две затажные очереди — та-та-та-та! Мы вскочили разом на ноги...

Нас повезли на север, следующим этапом были базы, расположенные вдоль Тивериадского озера и на склонах Голанских высот. Вот уже год партизаны проводят здесь наиболее масштабные по размаху операции. Только за последние месяцы их было пятьдесят. Потери Израиля точно неизвестны: закончив операцию, фи-

даины быстро отходят, и времени на подсчеты у них не остается. Несомненно, однако, то, что потери эти значительно выше, чем пытаются утверждать тель-авивские власти. Не случайно и авиационные налеты здесь чаще, чем на юге. В среднем два или три налета за неделю. Хотя бывают и такие периоды, когда «фантомы», «скайхоки», «супермистеры», «миражи», выстроившись волнами по пять машин, прилетают сюда каждый день и каждую ночь. Налеты, как правило, длятся от пятнадцати до тридцати минут, сбрасываются бомбы по пятьсот килограммов и напалмовые. В этих библейских местах, где закаты пронзительной красоты, вид наполовину или полностью разрушенных домов и деревень стал привычен, нормален.

Поначалу создается такое впечатление, что земля эта мало подходяща для ведения боевых действий: растительность убога, порой проедешь с десяток километров, прежде чем увидишь дерево на вершине холма. Склоны холмов усеяны камнями и покрыты мхом, поля почти все необработанные, скатываются вниз, не представляя, казалось бы, ни одного приличного укрытия. Но стоит взглянуть внимательно, как замечаешь, что укрытия все же есть, что вся эта зона, как соты, усеяна пещерами. Некоторые из них небольшие: на дватри человека. Другие значительно просторнее — на роту. Здесь сколько хочешь бросай бомбы, им никогда не разрушить созданных природой укрытий. Единственная опасность — остаться засыпанными лавиной камней, но партизаны справляются и с этим, специально укрепляя выходы из пещер и превращая их таким образом в настоящие бетонные бункера. Потому-то базы, что расположены на севере, считаются постоянными и оборудованы на любое по длительности пребывание.

Эти базы никому еще не показывали, и, хотя меня специально не предупреждали о том, чтобы я не рассказывала об их месте нахождения, я эту цензуру налагаю на себя добровольно. Скажу только, что дорога к этой базе буквально метр за метром контролируется фидаинами. Кто до сих пор не

принимает фидаинов всерьез, кто продолжает думать о них. Как о романтических оборванцах-разбойниках, тот их, несомненно, недооценивает. Тому стоит взглянуть на такую базу, как та, что видела я, и он сразу изменит свое мнение.

База была расположена в одном из распадков, все подходы к ней, высоты, с которых проглядывалось ущелье, контролировались невидимыми автоматами и пулеметами, готовые в любую секунду открыть огонь. На базе находилось не меньше пятидесяти молодых партизан — от четырнадцати до двадцати восьми лет, как я поняла, весьма неплохих знатоков оружия самых разнообразных систем. В основном это были студенты и учащиеся лицеев, на базе они оставались до полугода.

Жилые помещения располагались в углублениях пещеры; одно из таких углублений, уходящее влево, было расширено: прорублены аккуратные стены, потолок во избежание излишней влажности, покрыт битумом. На одной из стен висела самодельная газета, сообщавшая новости последнего дня, на полу аккуратно заправленные матрасы. В небольшом гроте была устроена и комната отдыха — с библиотекой и проигрывателями. Каменная скамья, крытая матрацем, позволяла с удобством и относительной роскошью принять гостей. Здесь нас и встретил командир базы Абу Мохаммед. Я спросила его:

— Много ли фидаинов гибнет?

— Месяц назад погибло восемь человек, их окружили чуть ли не три сотни солдат... На прошлой неделе — еще шестеро. Я вам привожу случаи самые серьезные, чаще всего мы возвращаемся в том же составе, что уходим. Максимум двое-трое раненых. На ту сторону перейти не просто, но и не так уж трудно, как можно было бы подумать. Мы научились проходить сквозь фотоэлектронное заграждение, теперь это дело несложное. Что касается минных полей, то нам известны почти все их комбинации, редко, когда мы ошибаемся. Знакомы мы и с их трюком с пластинкой. Он вот

в чем состоит: они заводят пластинку со словами: «Внимание, мы тебя заметили, бросай оружие!», а потом стреляют со стороны, противоположной той, откуда раздается голос. Самое опасное наступает после атаки, когда они поднимают в воздух самолеты и вертолеты. Поэтому необходимо, как это ни трудно, задержаться на вражеской территории, выждать.

— Как же вы все-таки переходите линию фронта, как возвращаетесь назад?

— О, это несложно. Все дело в том, что я не могу вам об этом рассказывать...

Потом мы прошли по базе, окруженной фидаинами, которые смотрели «а меня во все глаза».

Кто это? Что ей здесь надо, этой женщине?

Я заметила двух молодых парней, которые никак не могли сдержать свое любопытство: они толкали друг друга локтями и даже поочередно показывали на меня дулами своих автоматов. Я отозвала их в сторону и спросила:

— Вы что, большие друзья?

Они сначала замялись, затоптались на месте, а ответили чуть ли не хором:

— Мы — братья. Меня зовут Низар, а меня Рафат.

Я спросила, можно ли их сфотографировать. Они согласились, но поставили одно условие — чтобы я сфотографировалась вместе с ними: «Так ты лучше запомнишь, что когда-то познакомилась с нами. И если мы погибнем, то все равно не будем такими мертвыми — ведь ты будешь нас помнить».

Я сфотографировалась с ними, и для всех остальных это стало каким-то сигналом: они бросились ко мне, крича «и со мной, и со мной, я тоже тогда буду не таким мертвым».

— Стойте, стойте! — крикнула я им в ответ. — У меня к вам тоже просьба. Можно?

— Да, конечно, да!

— У меня такая просьба: останьтесь живыми, пожалуйста! Я хочу думать о вас как о живых.

Тут наступило сначала молчание, потом все зашумели, и, наконец, вперед вышел Рафат:

— Это они все меня просили. Просили от всех обнять тебя.

Перевел с итальянского
И. ГОРЕЛОВ

ТЕАТР «НО»

(К первой странице обложки)

В Японии бок о бок живут несколько театров: «Хайюдза» — обычный театр европейского типа, «Кабуки» — драматический театр средневековья, и самый древний из всех — классический театр «Но».

Театр «Но» возник в XIII веке из древних храмовых представлений, где разыгрывались пьесы на сюжеты религиозных легенд. По своим канонам театр «Но» очень похож на древнегреческую классическую трагедию. И тут и там на сцене действуют в основном два актера: главный герой и его партнер. В театре «Но» они называются ситэ и ваки. Ситэ необычайно пышно и ярко одет. Речь его сложна и предельно изысканна. Ваки же разъясняет зрителю все, что говорит и делает ситэ. На сцене сидят хор и оркестр. Хор предупреждает о предстоящем выходе актера, вступает в разговор с ситэ и излагает содержание пьесы, пока тот танцует. С трех сторон сцена театра «Но» открыта, в глубине же висит задник, причем всегда один и тот же: раскидистая сосна на золотом фоне. Пол сцены устроен весьма хитроумно, под ним размещены резонаторы, так что актер должен точно знать, куда и когда ступить, где и как топнуть. Точно рассчитанный удар ногой вызывает раскат грома. Хорошо знакомый с древними традициями театра зритель знает: гром возвещает о самом драматическом моменте пьесы.

В «Но» играют только мужчины, одетые согласно роли в мужские или женские маски. На них очень пышные и тяжелые одежды. Они настолько тяжелы, что женщина-актриса, пожалуй, просто не смогла бы двигаться, скажем, в том облачении, которое полагается по традиции для роли нежной феи. Да и мужчинам это не всегда легко, и не случайно в жаркие летние месяцы афиши нередко предупреждают зрителей, что представление будет идти не в полных костюмах, а только в легких халатах и юбка хакама.

Кем бы ни был герой пьесы — бедным рыбаком или нищим монахом, одет он непременно в древний придворный костюм из роскошных шелков и золототканой парчи. В руках у актера веер. По ходу пьесы веер становится и флейтой, и мечом, и букетом, и, если требует сюжет... веером.

Рядом с актерами снуют по сцене несколько человек в скромной темной одежде. Они поправляют туалеты актеров, приносят понадобившуюся по ходу пьесы вещь, подкладывают подушечку, если актер должен стать на колени. Эти служители сцены называются курумба. Им положено считаться невидимками, и привыкший к ним японский зритель действительно их не замечает.

Чтобы угодить вкусам публики, среди которой были не только князья и самураи, но и их челядь и простонародье, в качестве интермедий вставлялись фарсы «кёгэн» на злободневные бытовые темы, насыщенные сочным простонародным юмором.

Театр «Но» до сих пор довольно популярен в Японии. Конечно, для его восприятия нужна определенная подготовка. Да это, впрочем, понятно, ведь «Но» — это живущее прошлое, и его архаический язык и полное намерков и условностей действие может понять лишь человек, воспитанный в традициях древней японской культуры.

С АРУПОНОВ

НЕ В СВОЕМ ФЛАГЕ НЕ ХОДИ!

Грациозные обладательницы мини-юбок, макси-пальто и прочих швейных изделий из клетчатой «шотландки» вряд ли подозревают, что разгуливают во... флаге. Между тем это именно так. И человеку, сведущему в символической шотландских кланов, достаточно беглого взгляда, чтобы точно определить, в чьи цвета они облачились — Маклеодов, Макдональдов или Макфарланов, Макинтошей, Макмилланов или Макферсонов. Так что, очутившись в Шотландии, самозванки рискуют постоянно ловить на себе косые взгляды. Не говоря уж о том, что по неведению они того и гляди наденут мужскую юбку! Тут уж насмешек не оберешься, ибо законы клана очень щепетильны в этом отношении. Они точно определяют не только цвета и количество продольных и поперечных полос, но и их ширину с точностью до четверти дюйма.

Очевидно, прежде чем говорить об атрибутах шотландских кланов, надо сказать несколько слов о том, что это за учреждение — клан. Слово «клан» в буквальном переводе означает «дети», «потомство». А приставка «Мак» к большинству шотландских фамилий переводится как «сын такого-то». Таким образом, клан — это группа семейств, связанных между собой родственными узами. Главе клана — чифтейну принадлежала земля, на которой он поселился, или, как образно пишут старинные хроники, «был первым, кто зажег на этой земле огонь и вскипятил воду». Самыми древними кланами переселенцев из Ирландии, обосновавшимися на скудной болотистой земле Шотландии, были кланы Кабана и Кота. Изображение этих животных фигурирует в их гербе. Вообще говоря, гербы кланов представляют собой подлинный геральдический зоопарк. Но у нас еще будет случай поговорить о них.

Вернемся к главе клана, чифтейну. Это был феодал, наделявший членов своей фамилии землей. Одновременно он нес ответственность и заботу о своих родственниках — защищал их мечом, обеспечивал немощных и больных, вершил правосудие. Словом, забот у чифтейна было множество. Редко когда ему удавалось спокойно посидеть у камина, на трубе которого тоже был выре-

зан герб. (Эта традиция, кстати, соблюдается и поныне, в каждом шотландском замке на каминной трубе непременно высечен герб. Как говорится, был бы замок...) Все члены клана обязаны были свято соблюдать законы семейства. Для непослушных существовало страшное наказание — изгнание из клана. Строптивцу в этом случае не оставалось ничего иного, как покинуть страну, ибо клановая система признавала права только членов клана.

Чтобы избежать бездетных союзов и в результате — распри при дележе наследства, наследник чифтейна вступал в пробный союз со своей избранницей. Это была так называемая «свадьба левой руки». Если по истечении двенадцати месяцев и одного дня в молодой семье не появлялся отпрыск, брак расторгался, не бросая тени на избраницу. Если отпрыск появлялся, игралась «свадьба правой руки», считавшаяся уже окончательной.

Естественно, что при таких своеобразных традициях важно было сразу определить, кто есть кто. Шотландцы призвали на помощь клетчатую ткань, называемую тартаном, ту самую знаменитую шотландку. Юбки слуг были окрашены в один цвет, воина — в три цвета, чифтейн имел право на клетки в пять цветов, а чиф (король) — семь. Однако это еще не все. Различаются тартаны торжественные, охотничьи, траурные, боевые... всего, право, не называть. Но все эти вариации — в пределах цветов своего клана. Естественно, поэтому в Шотландии считается дурным тоном разгуливать под чужим, вернее, в чужом флаге. А уж что касается сознательного незаконного ношения чужого герба или девиза, то ревнители старины с удовольствием припомнят случай, когда один такой нахал был оштрафован на восемь фунтов, шесть шиллингов и девять пенсов. Вот так-то.

Теперь настало время поподробнее рассказать о мужской юбке — кильте. Кильт и лох-несское чудовище — эти две вещи больше всего способствовали рекламе Шотландии в мире. Почему они носят юбки? На этот популярный вопрос вряд ли можно дать точный ответ. Носят — и все тут. Давно уже носят. В местечке Нигг хранится камень, датированный VII веком нашей эры, где

изображен добрый молодец в юбке — кильте. Не исключено, что этот наряд носили древние пришельцы, заселившие Ирландию и Альбион. Упомянем в этой связи, что кое-где на Балканах и в Пиренеях национальный костюм мужчин тоже включает юбку. Правда, вместе со штанами.

Но не таков шотландский характер, чье упрямство вошло в легенды, чтобы делать подобные уступки. Если в других местах мужчины не желают носить юбку, эту удобную практичную одежду, — ну и не надо.

Вышесказанное не значит, что в Шотландии женщины не носят юбок, нет. Просто есть юбки для женщин и кильты — вы слышите, кильты! — для мужчин. И не путать! Так же как есть курительные трубки для женщин и мужчин и береты для разных полов.

Как же различить эти юбки? — может спросить неискушенный читатель. Очень просто, ответит шотландец: у мужчины спереди чаще всего будет висеть «споран» — элегантная сумка, отороченная мехом, а на ней вырезан герб и девиз клана, у женщины — сумка (очень часто хозяйственная) будет в руке и на ней никаких девизов.

Ведь девиз — это своеобразный лозунг клана. Вначале он был боевым кличем, с которым семейство бросалось на врага или обидчика. Естественны поэтому героические девизы типа «Победа или смерть!» (клан Маклугаллов), оскорбительные — «Вот вам кусок мяса, собачьи дети!» (клан Камеронов), решительные — «Сейчас или никогда!». Но есть и вовсе загадочные, например — «Еще один для Гектора» (клан Маклинов). Любопытные историки шотландских кланов докопались, правда, что первый Маклин, живший в XIII веке, имел пожалованный королем титул — «Товарищ с боевым топором». Думается, означенным инструментом Маклин владел превосходно. Это звание с изображением топора и фигурировало поначалу в его гербе. Два века спустя один из потомков славного рыцаря по имени сэра Гектор, тоже отличившийся на «топорной» работе, пал на поле брани за своего короля. Поэтому в фамильном гербе добавился еще один топор, и девизом клана стало: «Еще один

для Гектора». Очень удобный, согласитесь, девиз. Особенно когда члены клана сидят в своем клубе и этой фразой заказывают у бармена дополнительный стаканчик виски.

Наш короткий разговор о Шотландии и шотландских обычаях нельзя закончить, не упомянув об этом национальном напитке. Не то чтобы именно бородатые обитатели здешних мест изобрели способ изготовления из ржи и ячменя этого зелья, ставшего сейчас неслучайным спутником персонажей гангстерских фильмов и полицейских романов. Задолго до них несложную операцию по извлечению из злаков «живой воды» проводили в Египте, Халдее, Персии и Индии. Но факт остается фактом — шотландцы (по словам знатоков) добились отменного качества этого продукта еще в те времена, когда звериные шкуры заменяли смокинги, а светские рауты проводились в пещерах.

Действительно ли содержимое бутылок, помеченных «настоящее шотландское виски», лучше того, что гонят американские и канадские заводы? Тут все дело в климате, особенностях воды и местных хитростях, ответят винокуры-шотландцы, точно так же, как ответили бы на аналогичный вопрос пльзенские пивовары или мастера шампанского из Реймса... Но скорей всего шотландец не ответит ничего. Ибо молчаливость — тоже их национальная черта, тщательно сохраняемая.

М. МАРИКОВ

Ходячая молва гласит, что шотландцы сдержанны и молчаливы. Этого не скажешь, глядя на участников соревнования на лучшее исполнение танца или народной песни под аккомпанемент волынки.

В. АРСЕНЬЕВ, наш спец. корр.
Фото автора

ИЮНЬ НА ОСТРОВАХ

На Сарема пришел вечер. Он был так же сух и горяч, как все предыдущие двадцать дней и ночей. На берегу короткая и ломкая трава шелестела под но-

гами, словно старая, истлевшая бумага. По прибрежным травам, по каменистым россыпям, одетым колючими лишайниками, в море струился зной. Яркий желтый свет сочился сквозь заросли

можжевеловых кустов, и, обычно темно-зеленые, эти кусты-пирамиды теперь казались обваренными крепким чаем.

Над плоскими землями Сарема столбами стояли дымы. Поч-

ти недвижимые, они связывали разомлевший каменный остров и позеленевший к вечеру небосвод. И только где-то на огромной высоте дымы разом переламывались, лохматились и небыстро сползали к горизонту — за остров Абука и Ирбенский пролив. Наверное, там, в запроливных землях, за заборами рыбачьих поселков вовсю брехали собаки, почувствовав, что потянуло с моря непонятной горькой гарью, горечью остывших дымов.

Дымы стояли над малыми и большими эстонскими островами, и над материковыми землями тоже расплзалась и таяла сияющая пелена. По-над всей Эстонией дымили праздничные костры. Веселые оранжевые светляки отмечали приход самых коротких летних ночей и той границы в календаре — июньской границы, за которой дни начинают медленно съезжаться, неизбежно следуя бегу времени, — через сияющие жаркие полдни к осеннему увяданию и сырым декабрьским стужам.

Но все это только должно было случиться — и осень, и слякотные томительные рассветы... А пока июньскими днями в зените над Сарема застывало яростное косматое солнце, и тени были коротки и прозрачны, как летние северные ночи.

БЕЛЫЕ ДОРОГИ

Каждое утро я просыпаюсь от пронзительных детских голосов.

«Мики-мики-мики-мики!» Слово звон колокольцев врывается в раскрытое окно старой уютной гостиницы.

Гостиница стоит в парке, на окраине Кингисеппа, рядом с замком. Ее крутая черепичная кровля прячется в кронах столетних лип. Прозрачная сиреневая тень листвы лежит на вишневой черепице пятнами акварели. Ветви заглядывают в мое окно и, когда случается ветер, сбрасывают два-три листа прямо на подушку.

«...Мики-мики-мики-мики!» Будто никелевые монетки сыплются на каменные плиты.

Я спускаюсь вниз по скрипучим ступеням винтовой лестницы и иду к морю. На берег можно попасть и напрямик, через двор Курессарского замка, но мне больше нравится круглой путь, вдоль замкового рва, тенистыми тропками.

Парк в этот ранний час еще пуст, и лишь стайка ребятишек перебегает от дерева к дереву. «Мики-мики-мики!» — приманивают малыши белок.

Пушистые комочки кубарем скатываются по стволам, замирают на ребячьих ладонях и плечах. Морщинистыми лапками зверьки вежливо теребят гостинцы. Кисточки их хвостов щеко-чут малышам пальцы и щеки, и счастливый визг отражается от каменных валов и стен замка...

На дамбе у здания яхт-клуба маячит одинокая фигура. Это Рэйно. Спутать его нельзя ни с кем — ни у кого нет такой огненной шевелюры. Он стоит в плавках на валунном откосе, и рассветное солнце золотит его светлую кожу, яркими бликами лежит на мощных плечах.

— Рэйно! — кричу я и начинаю на ходу стаскивать рубашку. — Привет, Рэйно!

На мелкой воде покачиваются смоляные лодки, и я бегу мимо них как по венецианской улице навстречу другу и терпким запахам морского залива.

— Тэрэ! — говорит Рэйно. Лукавая широкоскулая физиономия лучится улыбкой. — Привет, соня! Пошли? — И, не дожидаясь меня, он падает в воду, лихими саженками взбивает пену.

Мне удается его нагнать лишь на середине залива. Мы переворачиваемся на спины и блаженно парим в теплой тишине. Изредка сверху пикируют чайки. Ленивая зыбь неслышно поднимает и опускает нас, и кажется, что это не мы, а весь берег — дальние купы парковых лип, каменная громада замка и здание яхт-клуба медленно кланяются волне, плывут по яркой воде залива.

— Рэйно, гляди-ка! Остров всплывает...

Он нехотя открывает один глаз, и я вижу, как на его белесых ресницах блестят капли влаги.

— Вот чудак! — говорит Рэйно и опять откидывается назад, как в гамаке. — Удивил! Он и впрямь плавает. Оттого и камни все у нас пересчитаны и пронумерованы...

— Какие камни?

— Какие, какие... — бормочет Рэйно и теперь уже открывает оба глаза. Я знаю, что сейчас услышу очередную из небылиц, которые он ловко вытягивает из памяти или, скорее, просто выдумывает с ходу.

Но тут на нас обрушивается целая свора галдящих чаек. Самые нахальные норвят ударить в лицо клювом и крыльями. Им не нравится, что мы оказались поблизости от их колоний. Чайки продолжают преследование и на берегу и отстают лишь тогда, когда мы оставляем позади открытую дамбу и входим в парк.

Во дворе замка доцветает сирень. У древнего колодца с островерхой деревянной крышей поскрипывает рассохшееся колесо-ворот. Напротив колодца в тени кустов стоит шит со схемой островных дорог и туристских достопримечательностей Сарема и соседнего островка Муху.

— Ну, куда сегодня? — спрашивает Рэйно. Он мог бы и не глядеть на схему, потому что наизусть знает свою родную маленькую землю, окруженную морем. Но мне знакома эта страсть любителей пеших — особенно пеших! — странствий: со сладким томлением рассматривать карты.

— Ну, куда сегодня? — повторяет он.

— Так что это за камни, которые ты считал и нумеровал?

— Почему я? — удивляется Рэйно. — Просто наш остров на плаву, как, скажем, баркас или шхуна. А камни — балласт. Сдвинул один — весь Сарема скособоится, а то, глядишь, и перевернется к чертовой бабушке. Оттого каждому голышу свое место отведено и свой номер... Пошли, что ли?

Дороги на шите одного цвета и одной ширины. На самом деле по острову разбегаются дороги черные и белые. Черные — асфальтовые магистрали, широкие и прямые, раскаленные и окутанные резким запахом битума. Мы с Рэйно не любим придерживаться черных дорог. И выходим к ним лишь тогда, когда предстоит воспользоваться автобусом или попутным грузовиком. Черные дороги скучны и, как правило, перерезают голые каменистые пространства.

Другое дело — дороги белые. Мягкие проселки покрыты теплой известковой пылью. По ним хорошо брести босиком, как в детстве, загребая ногами и рассматривая чужие следы. Не раз мы видели, как через проселок перелетали суматошные зайцы, и пыль вспыхивала под ударами их ног клубами бесшумных вы-

Чеканное кружево старинной серебряной и медной утвари из фамильной коллекции жителя Кихельконна, черно-белое кружево рыбацких сетей — узоры Сарема.

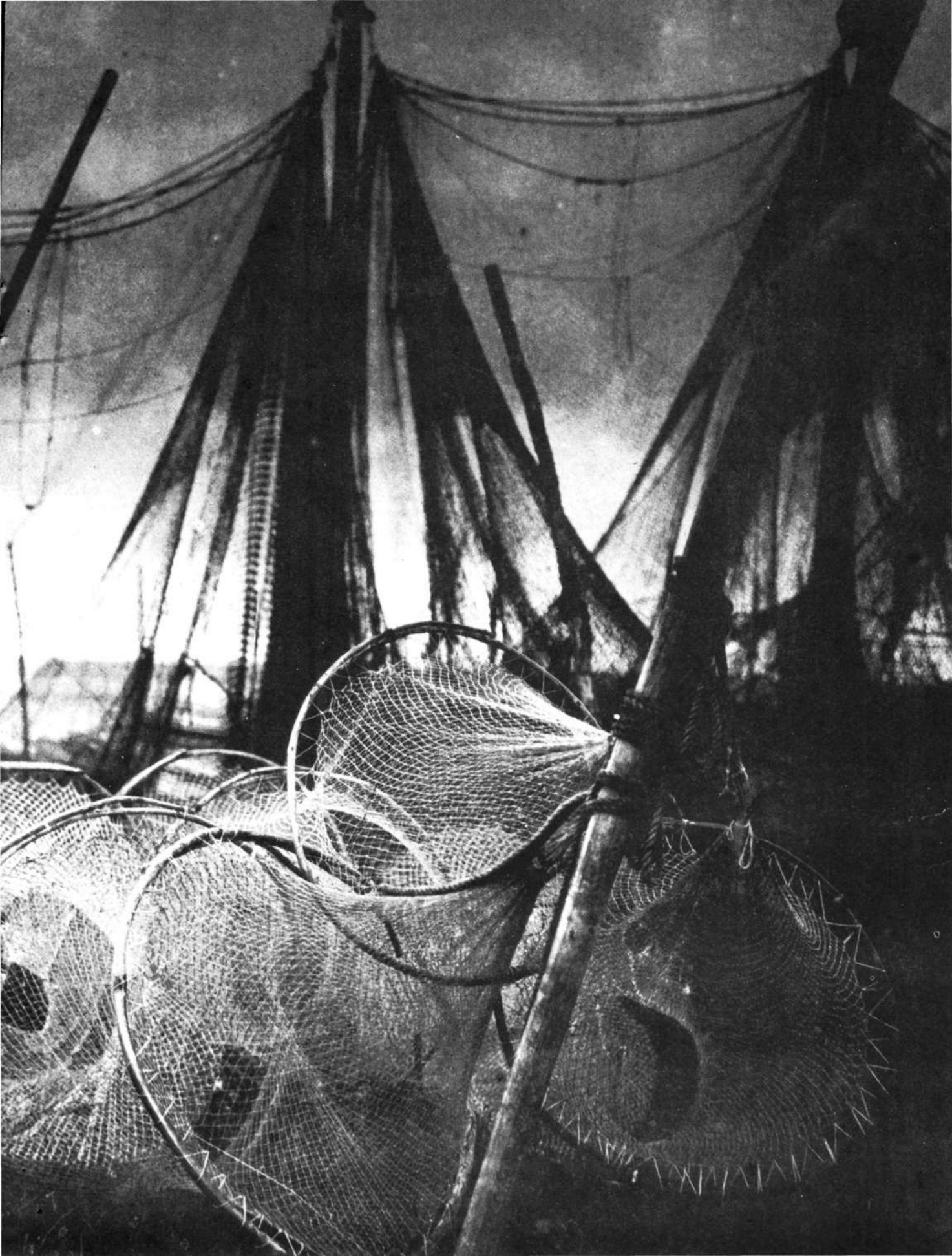
стрелов. А однажды к нам в проводники попал еж.

Еж был старый. Он сидел посреди дороги как суслик — на задних лапах и не думал удирать, только нервно покрутил носом и потом не торопясь потрусил впереди нас, метрах в трех, словно приглашая следовать за собой. Так мы и шли втроем мимо приземистых дубовых рощ с густым ароматным разнотравьем, сквозь пронизанные солнцем и проветренные сосняки, и Рэйно и я молчали, что-

бы не вспугнуть нашего милого попутчика. Он все трусил и трусил без устали, а потом вдруг провалился в колдобину, как в банку с пудрой, и тут же скатился в придорожные заросли и больше не показывался, только слышалось, как он фыркает сердито и чихает, прочищая нос. И Рэйно тогда сказал: «Наверное, ему было скучно одному шлепать по дороге. Вот мы и подвернулись...»

Кажется, в тот день мы шли в Кихельконна. Да, в Кихель-

конна, конечно! И еж, как видно, оказался к счастью, потому что неожиданно-негаданно мы попали на веселый праздник рыбаков с танцами до рассвета вокруг огромного костра, с грудями копченых глазастых окуней и жестяными кружками с крепким саремаским пивом на столах под соснами.

Но это было уже ночью. А веzenie началось еще днем, когда мы вышли к Кихельконнакири — поселковой церкви из тяжелого тесаного камня, строгой и грозной, как испанская цитадель.

Мы поднялись на колокольню и сняли с проемов в стенах деревянные щиты, чтобы посмотреть сверху на остров и на море. Вместе со светом в сумрак башни ворвался тугой прохладный ветер. Он сразу тихонько по-кошачьи завыл в веревках под колоколами, бросился вниз в люк по крутым лестницам. Рэйно задел ключами черный стальной колокол, и тот будто в забытии отозвался: «Ки-хелькон-на...»

Сразу за церковью был край земли. Сарема уходил здесь под воду лесистыми мысками. А дальше было только море, и наша башня, минуя редкие облака, вливалась в бирюзовый простор, оставляя позади синие волны островных лесов и одинокую плоскую подтаявшую гору на горизонте.

Так день за днем мы бродим по белым дорогам. И каждый раз нас ожидает необыкновенное. Шеренга деревянных ветряных мельниц. Или глубокий кратер с озерком Каали-ярв — крутая воронка в пластах доломита, прогнутых и пробитых чудовищным метеоритным ударом. Или деревушка Когува на Мухумаа — чистенькая деревушка с замшелыми перевернутыми лодками у каменных изгородей и рыбацкими сетями с хрустальными шарами поплавок...

...Двор замка наполняется горячим светом. Солнце поднялось выше деревьев и теперь немилосердно палит наши спины. А мы все никак не оторвемся от карты, и Рэйно начинает понемногу сердиться.

— Решено! — говорит он наконец твердо. — В Вийдумяги и Тэхумарди идем в следующий раз. Сегодня в Торнимяэ... Ты увидишь... Эх, какой чудак там жил!

КУЗНЕЦ МИХКЕЛЬ РАНД

— Он умер под Новый год... Под самый Новый год. Была метель. А он из магазина шел с подарками. Не знаю, кому уж и нес — один ведь... Только это точно известно, что с подарками. Шел из магазина, и присел на камень у дороги, и уже не встал — застыл... — Клаас смолкает на время, припоминая, наверное, подробности того невеселого дня. Его клещеватые красные руки тяжело сложены на груди. Клетчатая рубашка распахнулась, и виден треугольник загара. Чуть сутуловатой спиной Клаас надежно прикрывает вход в дендрарий, словно еще не решил, пускать нас туда или по-временить.

— Да, — продолжает он, — так вот вышло, под самый Новый год... Жил Михкель восемьдесят семь лет и всегда слыл чудачком. Впрочем, у нас на острове любят чудачков, так ведь? — подмигивает Клаас Рэйно и с шутивным поклоном открывает калитку: — Милости просим в гости к Михкелю Ранду!

Мы вступаем в зеленый полумрак, наполненный чуть сыроватыми лесными запахами и птичьими голосами. От приземистого дома с радостным визгом к нам под ноги подкатывается вислоухий щенок. Он повисает на широких брюках Клааса, как бельевая прищепка, и висит так, блаженно прищурив один глаз, до тех пор, пока Клаас не берет его на руки.

...На острове любят чудачков. Неподалеку от Кингисеппа, я знал, есть усадьба Михкли. Хозяин чудил долго и упорно, собирал всякий хлам и, рассказывают, однажды притащил на буксире за лошадью даже остов грузовика. Соседи весело подтрунивали над Михкли и гордились им, потому что другого такого не было во всей округе. А после смерти старика с удивлением увидели, как появилась на стене его хутора вывеска музея. И с тех пор к усадьбе Михкли десятками причаливали автобусы, и — вот ведь штука! — приезжают даже из Таллина, чтобы поглядеть на всякие прялки-развалюхи, резное дерево, старинную утварь. Соседи припоминали злосчастный грузовик теперь уже не со смешками. Чувствовали — был и в этой штуке какой-то дальний расчет, неиз-

вестная, невидимая из сегодняшнего дня цель.

«...у нас на острове любят чудачков...» — сказал Клаас. Да он и сам принадлежал к их числу. Он перепробовал в жизни массу профессий — от упаковщика до учителя... А теперь, в шестьдесят лет, окончил заочный сельскохозяйственный техникум и твердо осел здесь, в дендрарии своего учителя и друга Михкеля Ранда, чудака из чудачков, перевернувшего кусок бесплодного каменистого пустыря.

Пустырь отдал Михкелю отец, когда младший Ранд решил жениться. Это был не бог весть какой подарок — на пять саженей вглубь шел сплошной камень. Отсюда все окрестные деревни брали щебень на дороги.

Но Михкель, сын кузнеца и сам кузнец, не нуждался в плодородной земле. Он поставил свою мастерскую на перекрестке дорог, где любому проезжему мог понадобиться его труд — подковать лошадей, склепать колесный обод или выковать для хозяйства какую-нибудь железяку. И в горне его кузницы до глубокой ночи всегда плясал веселый огонь.

Бедна нагрянула в дом кузнеца жестким валом, как обрушивается вдруг посреди ясного дня, ударяет в крутой северный берег первая страшная волна — предвестница шторма.

Умерла жена, а с ней и ребенок. И в тот же год Ранд был мобилизован — уже катился по земле грохот первой мировой войны...

Через несколько лет он вернулся. И удивился — кузница была цела, и угли вроде еще хранили тепло давнишнего огня. Снова звенела наковальня в придорожной мастерской, и крестьяне с улыбкой говорили друг другу: «Слышали, наш Михкель вернулся...» Но это был не прежний весельчак Ранд, Ранд-шутник. Теперь он молча подолгу глядел в огонь и редко когда показывался на людях. Невидящими глазами смотрел в огонь и возвращался на землю, когда в его прокопченную обитель забегали ребятишки поглазеть на фонтаны искр или кто-то приходил с заказом.

В одно тягучее осеннее утро в Торнимяэ услышали, как со стороны кузни посыпались глухие удары. То не были привычные удары железа о железо. Ранд бил кайлом в камень, и от

тяжелого острия тянулась не-
большая канавка.

Занятие было странным, но
соседей Ранда, когда они подо-
шли поближе, удивило не это.
Сам Михкель! Перед ними стоял
прежний Ранд, веселый и хмель-
ной, как на довоенной свадьбе.

— Значит, могилку решил ко-
пать? Пока силы есть? — спро-
сил старинный приятель Михке-
ля и скорчил уморительную
слезливую гримаску. — Нет, вы
поглядите...

— Дурья твоя голова! — ска-
зал Ранд.

...Мы идем по дорожке денд-
рария за Клаасом, мимо кустов
жасмина, можжевельных дерев-
цев. Время от времени Клаас
останавливается и поясняет:
«Это грецкий орех», «Тис», «Ка-
надская рябина». «Поглядите на
листья — видели что-нибудь по-
добное?»

Ранд не был прирожденным
садоводом и древознатцем. На-
стоящие знатоки обнаружили бы
в его работе, наверное, много
огрехов. Ну какой бы садовод
позволил груше вымахать к небу
на добрый десяток метров, дать
ей бесплодно тянуться в рост,
зажатой со всех сторон плотны-
ми темными кронами? Именно
такая груша, тонкая и высокая,
как тополь, была любимицей
Михкеля. Он не трогал, не под-
резал и другие деревья. У него
просто не поднималась рука.

Мы попрощались с Клаасом, ког-
да я обратил внимание на до-
рожку, по которой шли к выхо-
ду: она выглядела неестественно
высокой, куртины располагались
ниже ее и будто на склонах
хребта, гребнем которого была
тропа.

Клаас всплеснул руками:

-- Значит, я не рассказал
главного! Вы знаете, что здесь
был пустырь и ни грамма почвы.
Ранду пришлось сначала долбить
ломом, кайлом, лопатой. Он вы-
бывал в щель «ванны» метра
полтора глубиной — для земли.
Так перелопатил сорок соток...

— Тысячи кубометров... —
заметил Рэйно и в изумлении
покрутил головой.

— Да, — согласился Клаас, —
это был каторжный труд! Так
вот, шебень Ранд выдалбливал
и бросал на дорожку — куда же
еще девать... «Ванны» стояли го-
товые, а земли достать было не-
откуда. Ранд все ж придумал.
Он забирал «ничью» землю в от-
валах дренажных канав, а за
навозом бродил с совком по ули-

цам. Не каждый решился бы на
такое, а? Но он был чудаком,
не забывайте! — и Клаас, про-
щаясь, галантно повертел в воз-
духе беретом.

Мы отходим от зеленых куш-
дендрария все дальше и дальше.
Я поворачиваюсь и внимательно
гляжу в глаза приятелю.

— Слушай, Рэйно! Эту исто-
рию про плавучий остров и про
то, что все камни пронумерованы
и к ним прикоснуться — ни-ни,
ты сам придумал?

— Нет, — говорит Рэйно, и
глаза его сияют безмятежной
синью. — Нет. А что?

КОСТЕР

Автобус не мог идти дальше.
Он остановился у ограды из ва-
лунов. Одним концом она упи-
ралась в рыбацью избу на опуш-
ке можжевельного непролазного
леса, другим — спускалась пря-
мо в море.

Пассажиры вышли и остав-
шиеся километра три или четыре
шли пешком. Дорога не бывает
трудной, когда спешишь на
праздник. А мы как раз и нап-
равлялись на праздник, и на ве-
сельный июньский праздник, и ни-
какие колючие ветки, бившие
в лицо, не могли испортить хо-
рошего настроения.

Вслед за нами в группе жен-
щин важно двигался плотный
мужчина с кирпичной шеей. Под
распахнутым пиджаком видне-
лась тельняшка, туго облегав-
шая огуречный живот, а в ухе
торчал слуховой аппарат. То ли
по причине своей глухоты, то ли
от избытка чувств он все время
кричал что-то по-эстонски и раз-
махивал руками.

— Чего он шумит? — спросил
я Рэйно.

— А! — отмахнулся тот. —
Кричит, что он — капитан, луч-
ший капитан на Сарема, и при-
глашает всех вечером кататься
к себе на судно. — Рэйно по-
молчал и добавил: — ...Сегодня
все будут капитанами.

Если вы никогда не бывали
на июньских кострах, знайте,
что этот праздник, как минимум,
должен включить: первое — сам
костер, огромный разлапистый
огонь, желательно поближе к мо-
рю; второе — саун, баню; и,
наконец, пиво в избытке.

Когда мы добрались до места,
почти все уже было приготовле-
но. Прибывшие раньше бродили
по берегу в приятном ожидании

приближающегося, но еще не
наступившего праздника. Мы с
Рэйно решили выкупаться.

Вскоре недалеке протарахтел
белый катерок. На нем гурь-
бой сидели и стояли наши по-
путчики, над ними возвышалась
гордая фигура в тельняшке —
капитан сдержал слово! Катер
ушел к острову Абурука, обогнул
его и вернулся. И тут мы увида-
ли, что по небу волочится дым-
ный хвост — костер на берегу
попыхал вовсю, и из трубы сау-
на тоже шел дым, а рядом с ба-
ней распахнул двери автобуфет.
Его, как видно, не задержала и
каменная стена, или шофер знал
окружную дорогу.

В жарких кровавых отблес-
ках понеслись вокруг костра ко-
роводы. Катерок галсами уходил
и приходил снова, и кто там
хозяйничал — было неизвестно,
потому что капитан бесценно
руководил возникшим вдруг хо-
ром, жонглировал пустыми бу-
тылками и подзадоривал аккор-
деониста, делая страшные глаза.
В можжевельнике чопорные
парни в черных пиджаках неж-
но обнимали своих подруг, и над
их головами выплывали сереб-
ряными фатами легкие пау-
тинки.

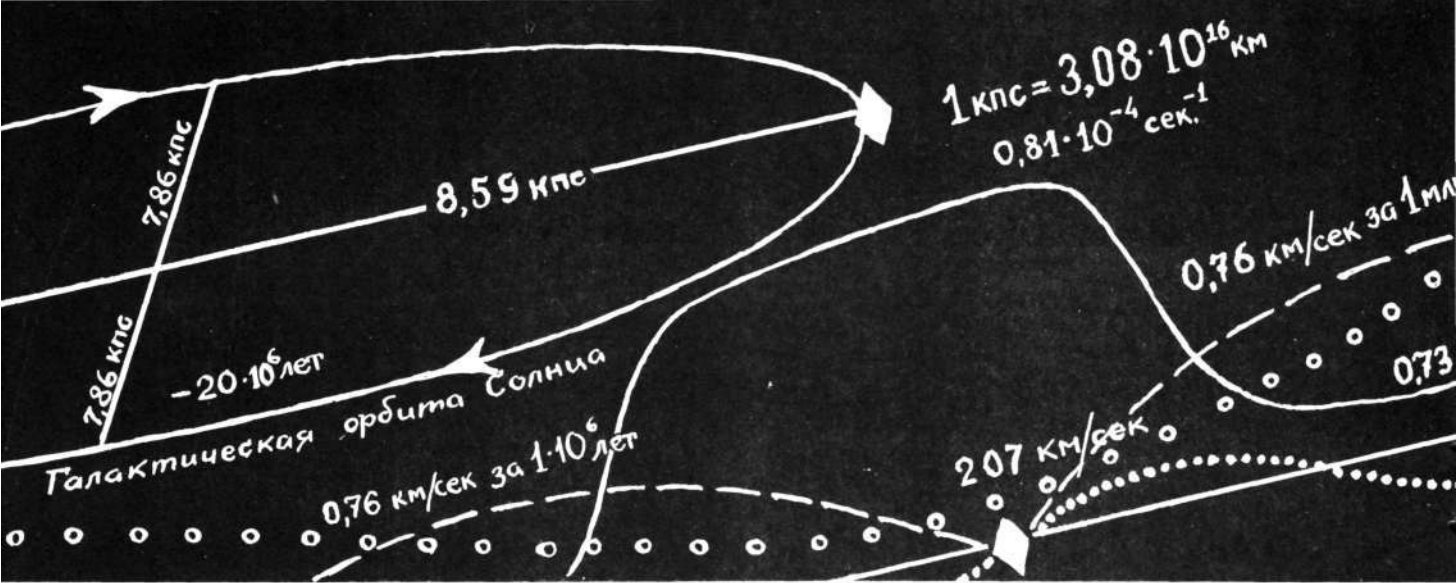
— Последний костер... — ска-
зал Рэйно. — В этом году боль-
ше не будет. Может, еще на Му-
ху запалят. А так последний...

В костре догорали старые лод-
ки. Тонкая обшивка сгорела сра-
зу, и теперь в вихре пламени
ярко алели ребра остовов.

Мы посидели в сауне. Сюда
переместился центр праздника.
Из горячей темноты парилки
неслись визг и крики. Иногда
с гиканьем вылетали ребята и
девчонки в купальниках и пада-
ли в море.

В комнате перед парилкой —
небольшом зале с камином и
свечами — за дубовым столом
сидели пожилые саремасцы. Они
пели. Огоньки свечей закатыва-
лись у них под ресницы, стояли
там колючими звездами. Из тем-
ноты ночи к камину, оставляя
мокрые следы босых ступней,
прошла шоколадная девушка с
южным загаром. На ее лопат-
ках и крепких ногах просыхала
морская вода...

Когда мы вышли, шел дождь.
Он медленно хоронил костер,
шипел на все еще раскаленном
руле, оставшемся от исчезнув-
шей лодки. На Сарема ползли
тяжелые тучи, словно свинцовый
занавес опускался над июньским
летним перевалом.

ГАЛАКТИЧЕСКИЕ «ВРЕМЕНА ГОДА»

Предположим, в пещере у подножья Кавказских гор заснул современник египетских фараонов. Прошли тысячелетия, прежде чем он пробудился. Но перед ним все та же далекая панорама гор... Все тот же ледяной гребень на горизонте, все те же вершины; для гор тысячелетия человеческой истории, словно единый миг.

Вот если бы сотня-другая миллионов лет сжалась до размера суток, тогда бы мы обнаружили, что наша твердая и, казалось бы, неизменная Земля подобна волнующемуся морю. Что на ней, словно каменные волны, вздымаются и опадают горные хребты.

Приглядевшись внимательно, мы обнаружили бы в поведении каменного моря некий повторяющийся ритм. На протяжении последних шестисот миллионов лет буря трижды взламывала земную

кору, и всякий раз волнение сменялось затишьем, кора успокаивалась, и по ней лишь изредка пробегала судорога новых движений.

Буря — затишье, буря — затишье, буря — затишье... Три повторившихся цикла. В истории Планеты их, вероятно, было гораздо больше, но дальние дали мы различаем еще плохо. Отчетливо прослеживаются лишь три последних звена — каледонский, герцинский, альпийский этапы горообразования (последний еще не закончился).

Следы самого древнего (каледонского) горообразования основательно стерты. Возникшие тогда, к примеру, горы Скандинавии были не менее высокие и могучи, чем нынешние горы Гиндукуша или Кавказа: время сточило их. Герцинское потрясение отмечено становлением гор Западной Сибири, Средней Азии, Предкавказья. В альпий-

ский период возникла, в частности, могучая цепь Альп — Гималаев.

В чем причина загадочного ритма? Раз за разом ложатся напластования осадков, вода, ветер и солнце медленно сглаживают горы, все вершится неторопливо и сонно, как вдруг Земля точно пробуждается. Сминаются пласты, трескаются равнинные платформы, и в небо устремляются вулканические пики новых горных хребтов. Что высвобождает скрытую энергию недр? Откуда идет команда?

Из недр планеты, естественно. Более чем столетие эта точка зрения была единственной. Было выдвинуто несколько сот гипотез, так или иначе объясняющих, почему воздымаются горы, какова причина ритма горообразования, что происходит при этом в недрах. И у всех гипотез была одна и та же точка отсчета: первопричина всего — деятельность земных глубин.

Без участия глубинных процессов ничего на поверхности Земли произойти не может — это бесспорно. Но Земля — не герметичный ящик. Она движется в космическом пространстве, на нее влияют внешние силы. Со временем закономерно возникла новая группа гипотез, которая стремится рассмотреть Землю во взаимосвязи с внешними, космическими процессами и понять, насколько велико их влияние на ход и развитие «интимных» событий геологической истории. Особенно бурно развернулись эти исследования с выходом человека в космос, что тоже понятно. Этому немало способствовали работы таких видных советских геологов, как Б. Личков, В. Наливкин, Г. Лунгерсгаузен. Под влиянием их идей исследователи, наконец, задумались и о той роли, которую в жизни Земли может играть вращение Солнца (а с ним и Земли) вокруг центра Галактики.

Скорость движения Солнца по галактической орбите — 250 километров в секунду. Сами того не замечая, мы с голововкружительной скоростью пересекаем межзвездные просторы, мчимся по галактической орбите раз в двадцать быстрее любой современной ракеты!

Мы не замечаем этого движения просто потому, что «бешеная» для нас скорость вращения вокруг центра Галактики ничтожно мала с точки зрения галактических расстояний. Если мы уподобим Землю песчинке, то Солнце будет иметь размеры вишневой косточки. Как далеко будет отстоять от нас в этом масштабе ближайшая к нам звезда Альфа Центавра? О, если мы положим перед собой на стол песчинку — Землю и косточку — Солнце, то Альфа Центавра в этом масштабе окажется находящейся где-то в Рязани... Ну, а центр Галактики, вокруг которого мы вращаемся вместе с Солнцем? Он будет находиться от нас много дальше, чем Луна, — до него будет свыше полутора миллионов километров.

Таковы галактические масштабы. Не удивительно, что, делая 250 километров в секунду, мы видим звезды неподвижными и ничто не показывает, что солнечная система рассекает пространство Галактики.

Полный оборот вокруг центра Галактики Земля вместе с Солнцем совершает примерно за 176 миллионов лет. Такова длительность «галактического года».

В какое время «галактического года» мы с вами живем? 164 миллиона лет назад солнечная система находилась ближе всего к центральному

массам Галактики — она была в точке, которая называется перигалактием. Значит, сейчас мы снова приближаемся к галактическому ядру: через 12 миллионов лет завершится очередной «год».

Всего Земля существует около пяти миллиардов лет. Значит, по галактической шкале времени ей немногим больше 25 «галактических лет». Более или менее детально проследить ее жизнь мы можем лишь на отрезке в 600 миллионов лет. Но это примерно три «галактических года». И вот что любопытно: три «галактических года» — три цикла горообразования. Минул первый «год», и закончился каледонский этап. Пошел второй «галактический год». В нем как раз укладывается герцинский период. В третий раз покатились Солнце и вся его планетная свита по циферблату Галактики — и новое повторение: идет альпийский цикл.

Совпадение?

Советский геолог Ю. Малиновский (его монография на эту тему готовится сейчас к печати в издательстве «Недра») проделал такую операцию: положил на горизонтальную ось графика один над другим отрезки всех трех «галактических годов». Затем на график было нанесено досье каждого «года» — что и как происходило на нашей планете в течение трех отрезков времени, каждый протяженностью в 176 миллионов лет.

Подобную операцию иногда совершают метеорологи: они располагают астрономические годы один над другим так, чтобы над весенними месяцами находились весенние, над осенними — осенние, и смотрят, как синхронизируются, допустим, температурные кривые.

Здесь природе был задан точно такой же вопрос: синхронизируются ли как-нибудь события «галактических лет»?

Получилась любопытная картина.

Интенсивность горообразования. Она оказалась примерно наивысшей в начале и в конце каждого «года», то есть в те моменты, когда солнечная система находилась ближе всего к центру Галактики.

Через 10—15 миллионов лет после начала каждого «галактического года» горообразование постепенно утихает. Поднимается уровень Мирового океана, моря заливают огромные участки суши. Исчезают области с холодным климатом.

Позже океан немного отступает, усиливается горообразование, климат Земли становится более холодным. Потом активность Земли снова уменьшается, чтобы в конце «года» снова возрасти.

А что происходило с накоплением полезных ископаемых? Примем за эталон третий «галактический год» — мы в нем живем и поэтому лучше его знаем. В начале «нашего года» возникли крупные месторождения нефти и угля. Нефть Ближнего Востока, Саудовской Аравии, Мангышлака — вот какие гиганты возникли в это время.

Переведем стрелку ровно на 176 миллионов лет назад: что происходило на Земле примерно в те же часы второго «галактического года»? Мы также находим богатую нефть — знаменитое Ромашкинское месторождение в Татарии, например. В те же часы третьего «года» — нефть под Иркутском.

Большинство ученых считают, что нефть имеет органическое происхождение. Тогда не означают ли приведенные факты, что биосфера закономерно переживала эпохи расцвета, когда,

в частности, происходило бурное накопление нефти, и эпохи угнетенного состояния? Возможно.

А как обстоит дело с неорганическими полезными ископаемыми? Бокситы накапливались в недрах примерно в одни и те же периоды «галактических лет». В первый «год» возникли месторождения Югославии, Франции, Казахстана, второй «год» сформировал уральские месторождения, третий «подарил» рудные залежи Саян. Совпадения, хотя и не всегда, по трем «годам» отмечены также в отношении фосфоритов, горючих сланцев, калийных солей.

Выходит, что показанием галактических часов можно руководствоваться при геологоразведочном поиске? Если руда легла в недра, предположим, в «мартовские» дни первого «галактического года», то, может быть, ту же самую руду следует искать в «мартовских» пластах предыдущих «галактических лет»? Ю. Малиновский, опираясь на гипотезу галактических «времен года», предположил, что на северо-востоке Сибирской платформы должны быть калийные соли. Спустя некоторое время геологоразведчики нашли их там. Сбудутся ли другие прогнозы? И не присутствуем ли мы при зарождении нового метода поиска?

Это не исключено. Но увлекаться пока еще рано. Геология, увы, не математика: ее факты не всегда однозначны. Пока что исследована только суша планеты и то не везде, и то не всегда детально. Поэтому перед нами лишь неполная картина того, где, как и когда образовывались те или иные породы; где, как и когда они сминались в складки горных хребтов, где и какие события в них запечатлелись. Тут любые сопоставления неизбежно страдают приблизительностью. И ценность гипотезы галактических «времен года» скорее не в том, что доказана безусловная зависимость хода планетарных процессов от положения солнечной системы относительно центра Галактики. Нет, эти доказательства еще требуют развития и подкрепления. Ценность нового взгляда на события геологической истории Земли бесспорна в другом: обращено серьезное внимание

на связь, казалось бы, несоизмеримых явлений, на роль событий галактического масштаба, последствия которых тем не менее отражаются на маленькой Земле. Найдены факты, указывающие на такую зависимость. В поле зрения геологии, наконец, очутились такие вроде бы отвлеченные понятия как «галактический год», «апогалактий», «перигалактий».

Вообще было бы странно, если бы положение солнечной системы в галактическом пространстве никак не отзывалось на состоянии этой системы. Само галактическое пространство неоднородно: изменение среды должно как-то сказываться на движущемся теле планеты; иной вопрос, насколько ощутимы эти влияния.

С другой стороны, на участках перегиба галактической орбиты можно ожидать изменения угловой скорости Земли. Такое изменение способно вызвать напряженность в теле планеты, которая проявляется в усилении горообразующей деятельности. И факты, похоже, соответствуют теории: горообразование резко усиливается в момент наименьшего удаления Земли от центра Галактики.

Но, может быть, дело не только в том, что положение солнечной системы сказывается на угловой скорости Земли, а угловая скорость — на геологических процессах планеты? Да, возможно, дело не только в этом. Мы знаем, что обычные годы не похожи друг на друга. Бывают более холодные и более теплые; более сухие и более влажные; строго выдерживаются лишь самые существенные закономерности. Быть может, не одинаково влияние и «галактических лет»?

Есть и другая сторона дела. По ракушкам, которые налипают на днище корабля, можно судить о морях, которые он переплыл. Возможно, и Земля хранит память о тех невообразимых океанах пространства и времени, которые она пересекала. Было бы заманчиво прочесть эти, видимо, существующие, но немые летописи галактических одиссей.

В. ВЛАДИМИРОВ

ЛЮБОВЬ К ТРЕМ СКОРПИОНАМ

В Англии зарегистрировано 4 миллиона собак, 6 миллионов кошек, 8 миллионов птиц в клетках и множество других животных. Официально зарегистрировано 50 личных зоопарков.

В начале августа прошлого года в мэрию города Салфорда пришло коллективное письмо от граждан, проживающих на улице Кук-стрит. Граждане требовали немедленно закрыть лавку Билла Грэхэма, поскольку ее товары угрожают жизни мирного населения улицы.

Выяснилось, что в ассортимент лавки Грэхэма входили леопарды, кобры, гремучие змеи, скорпионы и прочая экзотика. 4 августа из лавки ускользнул товар с титулом «ядовитая кобра», и терпение соседей лопнуло...

Случай, конечно, исключительный, но не тем, как может показаться на первый взгляд, что мэру приходится заниматься кобрами, а тем, что группа англичан выступила против животных.

Любовь англичан к животным общеизвестна. Причем, не только к банальным кошкам и собакам, но и к зверям экзотическим. Впрочем, судите сами.

...Поздно вечером, когда мутная лондонская ночь вступает в свои права

и прохожие на Беркли-Сквер становятся редкими, выходит на прогулку мистер Джон Аспинал. С ним в компании выходят несколько молодых тигров. Владыки джунглей идут «подышать» загазованным воздухом английской столицы. Мистер Аспинал содержит восемь горилл и несколько тигров, с которыми коротает свободное от службы время.

Миссис Пирхед любит животных, может быть, не меньше мистера Аспинала, но ей не по карману содержать тигров и горилл. Приходится даме холить скромного одинокого волка.

Ее превзошел некий житель города Стретхэма, у которого резвится дома целая стая серых разбойников. В городе Фулхэме, в квартире сэра Энтони Кэрразерса, мирно коротает свой век огромная змея — питон, а Джон Ли из Бедфордшайра превратил свой гараж в берлогу, где с удобствами разместились медвежья семья.

В Англии любят животных и, так сказать, по государственной линии. В здании морского министерства «описан» кот по кличке Пэт, официально именуемый «Ее Величества Адмиралтейства ловчий кот». Он ведает адмиралтейскими мышами, а так как

с этого не всегда будешь сыт, казна выделяет на его дополнительное питание ежедневно 5 шиллингов. В лондонском Тауэре, по традиции, сидят на госбюджете шесть воронов. Считается, пока есть вороны — Тауэр недоступен врагам. В целях безопасности Тауэра воронам подрезали крылья, чтобы они, чего доброго, не улетели. Но кто же улетит с хорошего (по вороньим масштабам) жалования — 24 шиллинга на клюв в день!

Спрос рождает предложение, и бизнес на поставках животных резко пошел в гору. Например, фирма Тисли из Бирмингема ежегодно привозит в страну около десяти тысяч крупных животных и почти двести тысяч птиц.

Сверхоригинальным в любви к «братям меньшим» мог бы стать м-р Мэрдох Макдара из города Стэнмора. Он разводит скорпионов и сдает своих членистоногих любимцев «в аренду» кинопродюсерам, специализирующимся на съемках фильмов ужасов. Именно поэтому мы не рассказываем о мистере Макдара подробнее; ведь тема нашего повествования — любовь к животным, лишенная чего бы то ни было, кроме любви к животным.

Г. ПОЛЬСКОЙ

*Среди развалин, в глине и пыли
Улыбку археологи нашли.
Из черепков, разбросанных вокруг,
Прекрасное лицо сложилось вдруг.
В. Берестов*

Огромные насыпи, сложного устройства камеры на глубине 10—12 метров, хитроумные тайники, сокровища легендарных царей и их жен. Курганы Причерноморья. Им нет числа — едва заметно возвышающимся над степной травой и двадцатиметровым гигантам, — заснувшим более двух с половиной тысячелетий назад.

Некоторые из этих курганов раскопаны археологами, и изделия, найденные в них, ныне являются украшением крупнейших музеев Европы. Но таких, никем не тронутых до прихода исследователей курганов, — считанное количество. Слишком много сокровищ на глазах у всех зарывалось в землю, чтобы кто-нибудь из свидетелей царственных похорон не рискнул, презрев страх перед возмездием богов и соплеменни-

СОКРОВИЩА СКИФСКИХ ПИРАМИД

Золотая бляшка с изображением коленапреклоненного юноши.

ков, похитить драгоценные чаши и золотые украшения. И слишком много легенд ходило об этих сокровищах спустя тысячелетия, чтобы не нашлось лихих людей попытать счастья добраться до них. Как часто на дне раскопа вдруг видишь темноватое пятно — след грабительского лаза. Этот лаз безошибочно кончается в погребальной камере, где археологи находят лишь разбросанные останки, осколки глиняной посуды да отдельные, не замеченные грабителями изделия... И все равно мы копаем, копаем эти курганы даже тогда, когда уверены, что раньше нас этот покой потревожили, и весьма основательно. Само устройство кургана — особенности погребальной камеры, обломки керамики — все это в сопоставлении с сотнями и сотнями других находок может сказать науке очень многое.

И все же... Где-то в глубине души мы всегда надеемся, что увидим не замеченный никем до нас тайник с произведениями

древних ювелиров, металлургов, скульпторов.

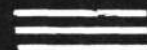
...Мы идем за точными и бесстрастными, застывшими в камне, глине, металле историческими фактами. Эти факты для нас — бесценная речь прошедших веков. Но ведь так хочется не только слышать слова Истории, но и увидеть улыбку давно исчезнувшего Искусства.

Наша многолетняя комплексная экспедиция была организована Институтом археологии Академии наук Украинской ССР осенью 1967 года. Своим рождением она обязана грандиозной стройке — созданию Каховской оросительной системы, магистральный канал которой протянется от Каховки до Мелитополя. Мы должны были тщательнейшим образом исследовать сотни и сотни археологических памятников, расположенных к югу от линии канала вплоть до Сиваша, на всех землях, подлежащих орошению, чтобы не про-

на стр. 62 •

Экспедиция уходит в поиск

На этой золотой подвеске можно «прочесть» древнегреческий миф о похищении Зевсом красавицы Европы.

Предметы парадной упряжи, найденные в погребении коня.

Золотая гривна — символ богатства и власти (деталь).

Кабан и пантера. Такими золотыми пластинами был обит парадный колчан воина-скифа.

Золотые серьги, свитая из золотых нитей гривна — украшения знатного и богатого скифского воина.

Тысячелетия не смогли стереть эти узоры и краски с ожерелья девушки-скифянки.

пали ни одно слово Истории и ни одна улыбка древнего Искусства.

Тогда же осенью мы выехали в первую разведку. Объем предстоящих работ превзошел все предварительные расчеты: нами было взято на учет около 1000 курганов, среди которых более десятка великанов до 10 метров высотой и 80 метров в диаметре. Нам предстояло исследовать разные культуры, сменявшие друг друга на протяжении многих и многих тысячелетий: стоянки каменного века и поселения первых в Причерноморье славян, жилища племен эпохи бронзы и следы взаимоотношений Киевской Руси со степными кочевниками, погребения времен легендарных киммерийцев и склепы средневековья.

Но больше всего было памятников скифской эпохи.

О скифах современными им античными историками написано очень много. Геродот, посвятивший скифам целый том своей «Истории», подробно рассказал о жизни и обычаях, погребальных ритуалах и легендах скифских племен V века до нашей эры и дал географическое описание земель, где обитали они. Но... Исчезли из памяти истории многие из названий рек и гор, которые служили Геродоту и другим авторам географическими ориентирами, — и сейчас идут споры о том, что именно подразумевал тот или иной античный автор под тем или иным названием. Карта этнического расселения скифских племен составлена по высказываниям современных скифам авторов исследователями лишь в общих чертах. Где кончались поля скифов-земледельцев, где граница пастбищ скифов-кочевников и где точно были земли царских скифов, «считающих всех прочих своими рабами», — все это до сих пор неясно окончательно.

...И вот теперь те земли, где более двух тысячелетий назад жили скифские племена, на несколько лет «подвластны» нам. Первые раскопки начались весной 1968 года. День идет за днем, неделя сменяет неделю. Тринадцать земляных пирамид пришлось нам «перелопатить» по песчинке. В палатках уже становилось тесно от ящиков с так называемыми «массовыми» находками, в основном осколками керамики.

И только в одном из курганов мы нашли неграбленную могилу.

По-видимому, грабитель просто

не заметил погребения девушки-скифянки, ибо его лаз прошел совсем недалеко. Рядом с непотревоженными останками лежали разноцветные изящные бусы, бронзовое зеркало и золотое скульптурное украшение. На чеканном рельефе — женщина в длинном одеянии, с поднятыми руками, сидящая на спине какого-то животного. Голова животного видна не совсем ясно — время сделало свое дело. На первый взгляд — это вроде бы баран. Но лапы его...

— Да нет, это же рога, а не завитки шерсти. Женщина сидит на быке, — осеняет кого-то.

Древнегреческий миф рассказывает: Зевс, покоренный красотой женщины по имени Европа, решил похитить ее. Он принял облик прекрасного быка, и Европа захотела прокатиться на нем. Бык-Зевс бросился с женщиной в море и уплыл. Сюжет «Похищение Европы» вдохновлял многих художников, начиная с эпохи Возрождения и до наших дней. И вот перед нами одно из древнейших пластических отражений этого мифа, найденное в скифском кургане IV века до нашей эры в степи под Каховкой.

Полевой сезон 1969 года мы начали раскопками семиметрового кургана, стоящего в пяти километрах от села Архангельская Слобода. Объем земляных работ огромен — диаметр кургана 60 метров. Кроме того, одновременно мы копали рядом стоящие малые курганы. Малые — в сравнении, потому что высота этих «малюток» достигает трех метров. Да еще дожди. Да еще грабительские лазы, «указывающие» нам путь к месту, где когда-то лежали сокровища. Но мы копаем, копаем, копаем... Центральное погребение одного из малых курганов начисто ограблено. Начали расчистку боковой могилы. Вдруг в одной из стенок ее мы увидели углубление. И через несколько минут в руках одного из сотрудников — две одинаковые золотые пластинки с изображением рыб. Это был никем до нас не замеченный тайник, в котором стояла деревянная чаша, обитая золотыми пластинками. Могилу рядом с тайником тоже не была ограблена. В просторной прямоугольной яме, в деревянной колоде был погребен знатный скифский воин. Возле воина лежали два железных ножа, два копия, железный боевой пояс, три колчана со стрелами — всего мы насчитали в них

470 наконечников бронзовых стрел. Шею воина украшал массивный золотой обруч-гривна, грудь его была покрыта погребальной накидкой, обшитой золотыми бляшками. Материя, конечно, давно истлела, но эти бляшки были нашиты так близко друг к другу, что нашим глазам представало сплошное золотое поле... Более 500 золотых вещей обнаружили мы в этой могиле, которая сейчас является самым богатым и наиболее хорошо сохранившимся скифским погребением конца V века до нашей эры — «века Геродота».

Но вряд ли об этом золоте стоило так много писать, если бы это было только золото. Каждая из золотых пластин — подлинное произведение искусства. А золотые обкладки парадного колчана воина, наконечники гривны можно назвать шедеврами скифо-античной металлической пластики. Каждый наконечник гривны завершается скульптурной львиной головой, исполненной поразительной жизненной силы.

Не менее удивительны по своей совершенной технике и утонченности золотые обкладки парадного колчана, изображения на которых как бы дополняют друг друга: тяжелый, уткнувшийся тупым рылом в землю кабан и мчащаяся в стремительном беге с оскаленной пастью собака, а рядом изящный благородный олень и свирепая, с оскаленной пастью пантера...

И кроме того, только образ оленя, изображенного на пластине, знаком исследователям; все же остальные сюжеты еще ни разу не встречались за время изучения скифского искусства.

А в большом кургане после грабителей осталось лишь погребение коня да бронзовые наконечники стрел, обломки керамики, спекшиеся железные пластинки от боевого пояса и панциря...

Материал, собранный за годы работы экспедиции, еще не исследован окончательно. Предстоит скрупулезнейший анализ всех вещей — от скульптуры Европы на быке до последнего невзрачного обломка амфоры.

Займут свое место в музеях открытые шедевры безвестных мастеров, мы будем по-прежнему «по слогам» собирать «слова» Истории и надеяться на встречу с улыбкой Искусства.

Л. ЛЕСКОВ,
начальник Каховской
экспедиции АН УССР

Дональд Гропман

ПОД СИЛУ ЛИ

СЕРДЦУ...

Рисунки В. ВАКИДИНА

Мистер Шапиро нетерпеливо дергал оконную задвижку. Через несколько минут урок, а он еще не готов. Открыть окно, снять пиджак, взять краски и кисти, из-за которых он каждую неделю выдерживал целую борьбу.

— Послушайте, Аллан, — говорила ему обычно учительница рисования. — Вы нарушаете правила. Рисование преподаю я, а вы — английский.

— Ну и что, — отвечал он, — никакой беды в этом нет, и пусть это останется нашей маленькой тайной. Зато мы помогаем ребятам, делаем добро. Благотворительность — и притом втихомолку, без хвастовства.

Тут он обычно улыбался, правда, от раза к разу все грустнее и грустнее.

— Ладно уж, Аллан, пусть все остаются в блаженном неведении. Только не забудьте — ребята должны вымыть кисти и вытереть банки для воды. Ваши мальчики страшные нерыхи. И потом, зачем вам столько бумаги?

Бледно-лимонный свет зимнего дня лениво струился с тусклого неба на мокрые коричневые сугробы.

Улицу переходил полицейский. Следуя за ним взглядом, мистер Шапиро увидел Хаиме Моралеса. Тот стоял в подъезде и смотрел в пустынное небо. Он вздрогнул, когда полицейский вырос перед ним, замахал руками, покачал головой и показал на мистера Шапиро в окне. Нет, сообразил учитель, это он показывает на школу.

Прозвенел звонок, учитель снял пиджак и повесил его на спинку стула. Он где-то вычитал, что учитель без пиджака, в рубашке внушает ученикам больше доверия. В класс по двое и по трое входили ребята. Он вдруг подумал в смятии: «Что я здесь делаю? Мне бы сидеть дома, писать диссертацию, зарабатывать деньги. Какая им от меня польза? Чему я их научу? Сделаю из этих горемычных чертенят равноправных членов общества, чтобы им не завидеть от нищенского пособия и зарабатывать на жизнь? А потом они превратятся в самодовольных потребителей, которых я сам всей душой ненавижу. То ли я круглый дурак, то ли меня снедает чувство вины? И зачем им называть меня «сэр»? Звали бы как все — Алланом. «Привет, Аллан! Как дела? До чего урок интерес-

ный, ты молодчина. Ты не такой, как другие учителя — с ними слова не скажешь, а ты свой па-рень».

Этот воображаемый монолог, хоть учитель и не совсем отчетливо себе представлял, кто из ребят может его произнести, привел его в отличное расположение духа и вернул уверенность в себе.

По пятницам занятия в девятом классе всегда проходили живо. Четыре раза в неделю мистер Шапиро пытался учить ребят английскому языку. Они писали сочинения и читали «Сайласа Марнера»¹. Он диктовал им диктанты и разбирал с ними предложения на доске. Но если жена или знакомые спрашивали у него, как занимаются его ученики-пуэрториканцы, он всегда отвечал одинаково: «Им на все наплевать». Только урок в пятницу, казалось, вызывал у них интерес.

В этот день он читал им вслух стихи, а они потом рисовали картинки, навеянные стихотворением. Ребята привыкают к поэзии, думал учитель, выражают красками свои впечатления, и кто знает, может, так я сумею найти к ним подход.

В сентябре в ящике учительского стола ему попала коробка со звездочками из золотой бумаги (единственное, что оставил его предшественник), и каждую неделю он наклеивал такую звездочку на чей-нибудь рисунок — обычно тому, кого особенно важно было подбодрить.

Учитель выбирал из школьной хрестоматии стихи, которые должны были прийтись детям по душе. Сегодня, например, он прочитает им что-нибудь из Роберта Фроста². Он не сомневался — ребята поймут Фроста, почувствуют его образы.

Задумавшись, он сидел за столом, а ребята тем временем готовились к работе. Двое пошли за водой. Когда весь класс уже разводил краски, в дверях появился Хаиме. Не взглянув на учителя, он прошел к своему месту и сел. Учитель листал хрестоматию и украдкой наблюдал за Хаиме.

Мальчик выглядел не старше двенадцати, хотя на самом деле ему было лет пятнадцать-шестнадцать. Ворот рубашки у него всегда был расстегнут, и виднелись худые светло-коричневые ключицы и грудь. Хаиме сидел, не двигаясь, запустив пальцы в черные

¹ Роман Джордж Элиот, писательницы XIX века.

² Известный американский поэт XX века.

спутанные волосы и не поднимая глаз.

Учитель подошел к нему.

— У тебя нет красок, Хаиме?

Мальчик глянул на него исподлобья, и учитель заметил, что он сегодня очень бледен, даже его черные как уголь глаза словно вышвели.

— Что с тобой? — спросил учитель дрогнувшим голосом.

— Ничего. Ничего такого, сэр.

— Пойдем раздобудем тебе красок и бумаги.

Бумага, краски — какие нелепые, беспомощные слова, но что еще может он сказать?

Когда Хаиме снова сел за парту, уже с красками и бумагой, учитель подождал немного, а потом начал читать. Он читал первую строфу стихотворения «Починка стены», и вдруг вся затея его показалась ему беспомощной и нелепой. Он смешался, покраснел и начал торопливо бормотать вполголоса, словно твердя скучную и несуразную молитву. Он замолчал на полуслове, поднял глаза от книги и увидел, что класс смотрит на него удивленно.

— Я слишком быстро читаю? Вы не успеваете следить за ходом мысли?

— Да, сэр, слишком быстро.

Это сказал Хаиме. Он сидел все так же неподвижно, локти на парте, пальцы в спутанных черных волосах.

— Будто метро тарахтит, — заметил кто-то, и все рассмеялись, даже учитель.

— Пожалуй, и вправду похоже. Начну-ка я снова.

Есть что-то, что не любит

ограждений,
Что осыпью под ними землю пучит.
И сверху сбрасывает валуны,
Лазейки пробивает для двоих¹.

Он медленно, с чувством прочел стихотворение от начала до конца. Он помнил его наизусть. Перед ним были ряды парт, смуглые лица, черные глаза, устремленные на него или на книгу. Хаиме не поднимал головы и не шевелился. Видны были только пальцы в иссиня-черных волосах. Последнюю строку учитель повторил дважды:

Сосед хорош, когда забор

хороший.

Класс зашевелился, и на какой-то миг учителю подумалось, что он чего-то достиг. Кто знает, может, он сумел найти к ним подход, завладеть их мыслями — вот так и возникает взаимопонимание.

— Есть вопросы? — обратился он к классу.

¹ Перевод М. Зенкевича.

Один мальчик спросил, зачем вообще эта стена, если от нее никакого толку, и он стал объяснять, что значили в Новой Англии каменные, стены на полях, как они возникали, когда фермерам приходилось выбирать камни из земли, чтобы ее вспахать, как стены превратились в этих краях в традицию, и вдруг почувствовал, что его перестали слушать, и замолчал.

— Есть вопросы? — повторил он.

— Да, сэр. — Это опять был Хаиме. — Прочтите, пожалуйста, еще, как они таскают камни, будто дикари.

Учитель взял книгу:

Но, каждую рукою по камню
ухватив, вооружился
Он, как дикарь из каменного века,
И в сумрак двинулся, и мне
казалось,
Мрак исходил не только от теней.

— Что здесь непонятно, Хаиме?
— Все понятно, сэр, просто еще раз хотелось послушать.

— Хорошо. Начинаем рисовать. Стихотворение не длинное, времени у нас еще много. Может быть, вы сумеете сделать по два рисунка.

Он твердо соблюдал правило не мешать ученикам, когда они рисуют. Он понимал: заглядывать им через плечо — это только смущать их и отрывать от дела. Он взял пиджак и пошел в учительскую покурить. Оставляя класс без присмотра не полагалось, особенно такой, как этот девятый, но по пятницам учитель иногда выходил из класса, и никто из соседних комнат ни разу не пожаловался.

Когда он возвратился, все шло как обычно. Ряды голов с иссиня-черными волосами склонились над партами.

Он стоял у окна. Солнце все еще сияло, впрочем, нет, сиянием это не назовешь. За окном все словно тонуло в зыбком светящемся мареве. Он обернулся, посмотрел на Хаиме. Тот тоже наклонился над партой, но руки снова запустил в волосы.

— Что с тобой, Хаиме? Не хочешь сегодня рисовать?

— А я уже нарисовал.

И в самом деле, на белом листе двое могучих людей, странно безжизненные, стояли друг против друга с камнями в высоко поднятых руках. На головах у них, на лицах и плечах — алые мазки. Между ними черная стена, она начиналась на самом переднем плане и пересекала весь

лист. А вот и третий, поменьше, его не сразу заметишь, серым калачиком он свернулся на стене. У учителя снова сжалось сердце и перехватило горло, как тогда, в начале урока, когда Хаиме поднял к нему смертельно бледное лицо.

— Что означает твой рисунок?

Вопрос прозвучал резко, почти сердито. Двое или трое ребят подняли головы, «о потом снова занялись своим делом.

— Ничего.

— Так не бывает. Все что-нибудь да значит. Должно значить.

Он настаивал на ответе и ненавидел себя при этом холодной ненавистью.

— Так что же?

— Ничего, — повторил Хаиме, глядя на учителя черными, но сегодня какими-то выцветшими глазами. — Ничего это не значит.

Учитель выпрямился и снова посмотрел на картинку под другим углом и с другой высоты. Крестьяне были зеленые. Поначалу он этого не заметил. Небо — бледно-желтое, земля, в стихотворении поросшая травой, багровая, как виноградный сок. Взгляд его задержался на серой фигурке. Он нагнулся, всмотрелся еще раз.

— А кто это наверху?

Хаиме на мгновение поднял глаза, потом снова запустил пальцы в волосы и устался на рисунке. Часы над дверью показывали, что до конца урока остается всего десять минут. Десять минут — и день прошел, и неделя.

— Хорошо, ребята. Заканчивайте. Мойте кисти и приводите все в порядок, а я посмотрю, кто сегодня получит золотую звездочку.

Большинство рисунков изображало двух фермеров у стены, и почти на всех трава была зеленая, а небо голубое. Но картинка Хаиме не шла у него из головы. Он рассматривал работы своих учеников, одним делал замечания, других хвалил, но перед его глазами стоял тот, первый рисунок.

Он прошел по ряду, где была парта Хаиме. Снова постоял возле каждого ученика, теперь уже подольше. Около Хаиме он не задержался.

Кисти все были вымыты, рядом стояли пустые, насухо вытертые банки для воды. Через две минуты звонок. Пора назвать победителя.

— Итак, лучший рисунок сегодня принадлежит кисти Хаиме Моралеса. Иди сюда, Хаиме, получи золотую звездочку.

Обычно такой рисунок учитель

показывал всему классу, объяснял, почему он лучший. Сегодня он поступил по-иному — он только назвал победителя и, когда Хаиме не вышел на середину класса, повторил:

— Иди сюда, вот твоя звездочка.

Мальчик не двигался с места. Наклонив голову, он сидел, как весь урок, — видны были лишь его макушка и худые пальцы в черных волосах. Хаиме плакал.

Ребята на соседних партах переводили взгляд с учителя на мальчика. Учитель невидящими глазами уставился в одну точку. Хаиме плакал, стиснув зубы, чтобы подавить рыдания.

— Черт возьми, да что это с тобой? — крикнул он, бросившись к мальчику. — Что с тобой? Чем я тебя обидел?

Теперь уже весь класс глядел на учителя и Хаиме.

— Что случилось? Что же ты молчишь?

Он кричал, не в силах сдержаться, не обращая внимания на учеников. Хаиме поднял на него покрасневшие глаза — он уже справился с собой.

— Ничего не случилось.

Зазвенел звонок. Учитель не двигался с места. Ребята, кто встал, кто доидидался, пока им разрешат идти.

— Хорошо, — сказал он хрипло и утомленно. — Урок окончен.

Он все стоял около Хаиме и глядел на рисунок, на серую фигурку.

— Расскажи мне, в чем дело, — видишь, все ушли.

— Да ничего такого.

— А все-таки расскажи.

Он успокоился и теперь уже говорил своим обычным тоном.

— Мне правда нечего рассказывать.

— Ну, если так, помоги мне все отнести на место.

Теперь учитель, поборов волнение, от которого еще минуту назад сжималось сердце, мог говорить спокойно. Они с Хаиме в два приема отнесли кисти и краски на место. Ну вот, неделя закончена. Но он чувствовал, что надо завершить ее по-иному. Узнать, отчего плакал мальчик. Узнать и помочь ему. Постараться понять Хаиме, разобраться в нем, чтобы утешить и помочь. Но, кроме того, — и теперь он мог признаться себе в этом — ему просто хотелось знать, в чем же все-таки дело.

— Вот что, Хаиме. Мне с тобой по дороге, я тебя провожу. Они направились к двери.

— Стой. Ты забыл рисунок.

Хаиме вернулся за картинкой. Учитель вспомнил, что окна остались открытыми, и начал их запереть. Свет из бледно-лимонного стал серовато-желтым. Казалось, солнце вбирает свои лучи в себя, словно хочет лишить людей тепла и света.

На улице подморозило. От дыхания в воздух подымались облачка пара.

С чего бы начать разговор?

— Хочешь выпить кока-колы или горячего шоколада? — спросил он, и они зашли в маленькое кафе. Хаиме положил свой свернутый в трубку рисунок на пол возле стойки. Они заказали горячий шоколад и молча сидели, дуя в чашки. Хаиме отпил глоток. Шоколад обжигал рот.

— Знаете, почему я плакал?

— Нет. Почему?

— Мне самому хочется рассказать, только трудно.

— А ты начни с самого начала и не торопись.

Учитель довольно огляделся — пятница, неделя закончена, он сидит за стойкой кафе с учеником. Все идет прекрасно.

Наконец Хаиме заговорил:

— Это из-за рисунка.

Учитель был слегка разочарован.

— Из-за рисунка? Но ведь ты получил звездочку. Твой рисунок лучший. Ты должен радоваться.

— А я и рад, я рад. Я хотел звездочку. Только теперь, мне это ни к чему.

Учитель слушал вполуха. То, чем он терзался весь день, вдруг стало ясно. Он знает, почему он здесь, почему он учит, а не делает какое-то другое дело, почему учит именно в этой пуэрториканской школе. Знает, почему учит таких ребят, как Хаиме. Он помогает им. Он им друг, а не судья. Он их понимает. Он им нужен,

— Что ты сказал, Хаиме?

— Мне это теперь ни к чему.

— А ты носи ее в кошельке на память — достанешь, помотришь и порадуешься.

— Что вы, сэр, разве она поместится в кошельке, она вон какая большая.

— А, ты про картинку. А я про звездочку.

— Да, я про рисунок. На что он мне теперь? — тихо проговорил Хаиме, и голос у него прервался, и он снова заплакал.

Учитель огорчился.

— Хаиме, ты чего-то не договариваешь. Что это? Я имею право знать.

— Я своим рисунком горжусь. И что звездочка сегодня досталась мне, я рад.

Хаиме согнулся над чашкой, которую держал в обеих руках.

— Нас живет четыре семьи в одной комнате, — сказал он и поднял глаза на учителя. Они опять были черные, как всегда, и блестящие. Крупные слезы капались по его щекам.

Учитель подул на шоколад, отпил глоток, обжегся и закашлялся.

— Хочешь булочку? — пробормотал он.

— Нас живет четыре семьи в комнате. Каждый месяц мы меняемся местами. В этом месяце наша очередь жить посредине. Куда мне повесить свою картинку — ведь некуда, нет стены.

Хаиме замолк, не сводя глаз с учителя.

— Некуда! Нет стены! — крикнул он ему в лицо и выбежал из кафе.

Учитель остался один. Он заметил на полу свернутый в трубку рисунок Хаиме и вздрогнул. Отодвинув чашку, он развернул рисунок. Один конец черной стены уперся в стойку, другой — ему в грудь.

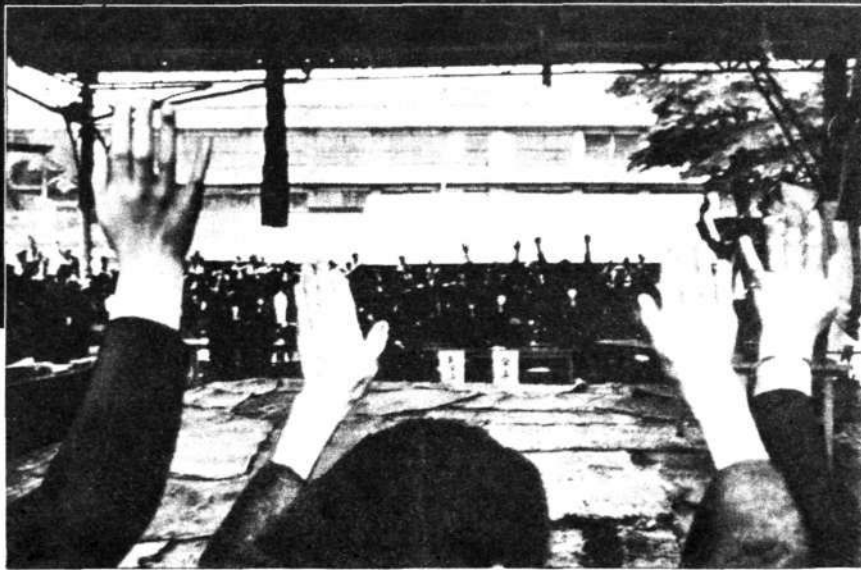
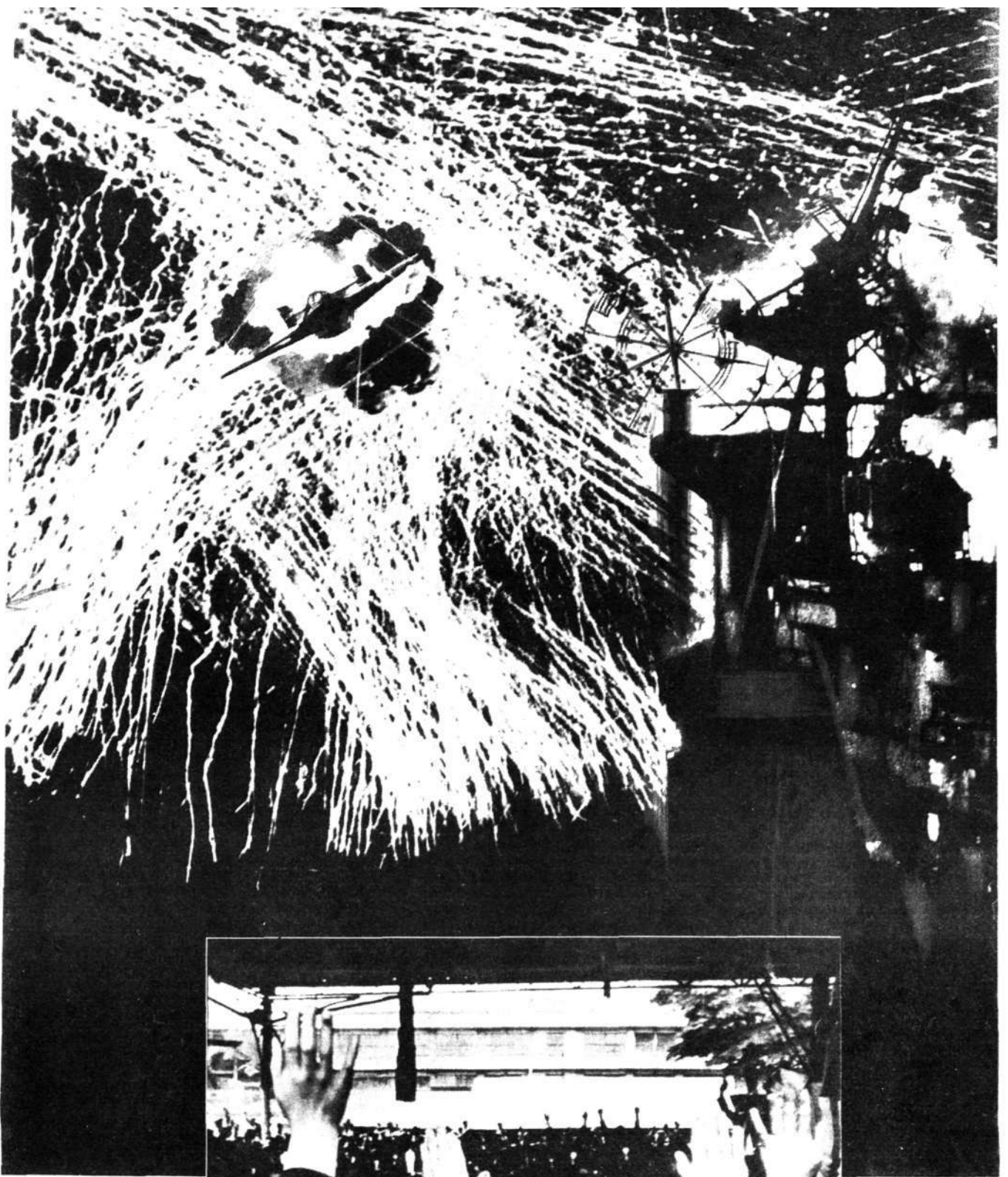
Он огляделся, и все вокруг показалось ему нереальным в сравнении с двумя зелеными людьми, в гневной неподвижности застывшими на багровой, как виноградный сок, траве под размытым небом.

Он свернул картинку и сунул ее в карман пальто. Потом закурил, отхлебнул шоколада и забарабанил пальцами по стойке. Буфетчица спросила, не нужно ли ему чего. Он не ответил. Стены, думал он. Сердца людей натыкаются на стены. И под силу ли сердцу, человеческому сердцу, пробить такую стену?

Этого он не знал.

Перевела с английского
НИНель ЯВНО

«В том-то и состояла особенность японской пропаганды и психологии, что первая утверждала вещи, несообразные с логикой, а вторая принимала их на веру... Тысячи японцев становились смертниками. Смертники — чисто японское изобретение, порожденное слабостью техники Японии. Там, где металл и машина слабее иностранных, — Япония вталкивала в этот металл человека, солдата... Смертничество — свидетельство авантюристичности, дефективности японской военной мысли».

«Финал», историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году под редакцией Маршала Советского Союза М. В. Захарова,

С. МИЛИН

ЭМБЛЕМА С ТРЕМЯ ЛЕПЕСТКАМИ

Накануне вечером они поссорились. Анри Лакруа горячо, хотя и безуспешно» пытался доказать Полю Феррану, что больше оставаться в Токио нет смысла. Ведь собранного материала хватит минимум на три полновесных репортажа, а «папаша» Жак все равно не даст им больше одной-двух полос. Но Поль не хотел и слышать об отъезде. В конце концов, и об императорском дворце в Тиёда, и об оргии световой рекламы на Гинзе, бывшей когда-то «серебряным цехом» японской столицы, и о театре «Кабуки», и о «маленьком Лондоне» — квартале уродливых кирпичных домов, Скопированных с лондонского Сити конца прошлого века, и о 333-метровой Токё-тава — Токийской телевизионной башне — писали уже не раз. Нужно найти свою «изюминку», чтобы репортаж действительно прозвучал и на него обратили внимание. А «черепашков пруд», а бары-трамваи, которые можно снять хоть на целый день и раз-

местная и в ней нет кресла штурмана? — возразил Анри.

— Вы не заметили на фюзеляже цветок с тремя лепестками? — произнес позади чей-то голос на вполне сносном французском языке, прежде чем друзья успели сцепиться в очередном бесконечном споре. — Это «ямадзакура» — «горная вишня», эмблема камикадзе, а они летали в одиночку...

Журналисты удивленно обернулись. Подошедший сухощавый мужчина лет пятидесяти в потертом, но опрятном костюме был очень высок для японца. В его скуластом лице со впалыми щеками и слегка вздернутым носом было что-то печальное, напоминающее маску клоуна-трагика.

— Когда-то я тоже был камикадзе и хорошо знаю эту эмблему. Я ведь носил ее почти семь месяцев, — добавил незнакомец. Видимо, заметив недоверие во взглядах французов, он виновато улыбнулся. — Я понимаю, мсье, камикадзе не может выжить. Не моя вина, что я спасся. Просто мне не пришлось уйти в полет...

КАМИКАДЗЕ — «БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР»

ездать в них по городу, пируя с друзьями, не сдавался Анри. Наконец, чем плох Итиро Акимото, «питающийся крысами скряга-маклер», который лично познакомился со всеми 2300 претендентками, откликнувшимися на его объявление «Ищу невесту не моложе тридцати лет», но так и не выбрал ни одной из них? Однако Поль все же настоял на своем, и вот теперь они бродят по запутанному лабиринту узких токийских улочек, сами толком не представляя, что ищут...

— Смотри-ка, Поль, что это за чертовщина?

На крошечном пятачке между невысоких домов стоял самолет. С облезшей от дождя краской на фюзеляже и покрытыми окисью крыльями он напоминал нахохлившуюся подбитую птицу, в предчувствии конца забравшуюся в укромный уголок.

— Пикировщик типа немецкого «штукаса», — определил Поль.

— Но почему же тогда пилотская кабина одно-

— Как сюда попал этот самолет? — загорелся Поль. — Его, что ж, поставили специально в нахождение живым?

— Да нет, просто чтобы дети могли играть в нем. Ведь детям нравятся самолеты, и они мечтают стать либо летчиками, либо космонавтами. Правда, я в детстве никогда не мечтал об этом, но, видно, судьба...

— Странная игрушка, — неодобрительно заметил Анри. — Самолет самоубийцы... Не кажется ли вам, что она мало подходит ребятам?

— Почему же? Для них самолет пока остается просто самолетом. Что такое камикадзе, они узнают позднее. Кстати, по-японски «камикадзе» означает вовсе не «самоубийца», а «божественный ветер».

— «Божественный ветер»? Почему же им дали такое странное имя?

— Если вам интересно, — собеседник на секунду замаялся, — мы могли бы зайти в «Гимбася»,

это здесь, рядом, — торопливо добавил он, — и я расскажу вам о «божественном ветре»...

Кафе «Гимбася» было переполнено, но им все же удалось найти свободный столик благодаря расторопности Тагавы-сана, как звали их знакомого. Когда официант принес бутылочку саке и три порции тэмпура — сваренной в кипящем оливковом масле рыбы с приправой из редьки, стеблей лотоса и шупалец каракатицы, — Тагава начал свой рассказ:

— Вы, гайдзин — иностранцы, может быть, слышали, что для японцев на свете существует пять главных бедствий — землетрясения, вулканы, пожары, наводнения и тайфуны. Когда-то тайфуны называли словом «камикадзе», что значило «ветер, насылаемый злыми духами». По преданию, в 1281 году, когда внук Чингисхана Хубилай задумал завоевать Страну Восходящего Солнца, он решил поставить поперек Корейского пролива десять тысяч судов, чтобы соединить их деревянным настилом и пустить по этому мосту свою конницу. Но внезапно налетел тайфун, и почти вся армада Хубилая пошла ко дну. Разве можно было после этого считать ветер, спасший наших жен и детей от иноземцев, порождением злых сил? Конечно же, его послали нам на помощь добрые боги. Так камикадзе стал «божественным ветром». И когда во время второй мировой войны наше командование начало формировать специальные подразделения летчиков-смертников, им дали имя «камикадзе».

— Скажите, Тагава-сан, а как вы сами стали камикадзе?

— В октябре 1944 года я был молодым пилотом. Мы проходили обучение на одной из баз на острове Кюсю. Как-то всех! нас, человек шестьсот, не меньше, выстроили на плацу. Выступил приехавший из Токио генерал. Он сказал, что перед нами открывается возможность нанести тяжелый удар противнику и таким образом ценой собственной жизни предотвратить поражение императорской армии. Я до сих пор помню его слова: «Вы находитесь здесь для того, чтобы с нашей помощью обрести высший смысл вашей жизни. Вы здесь для того, чтобы научиться умирать».

— Вы и в самом деле хотели умереть, Тагава-сан? И вы, и ваши товарищи?

— Вы знаете, что такое самурайский кодекс чести «бусидо»? Еще с детства каждому из нас внушали, что «жизнь человеческая легка, как перо, а долг перед императором тяжелее горы».

— И вы верили в это?

— Не забывайте, всем нам твердили одно: высшая цель любого японца — принести жизнь в жертву императору.

— Но ведь жить-то вам хотелось, Тагава-сан?

Японец молчал, опустив глаза. Сквозь стоявший в дымном кафе гам едва пробивалась жиденькая музыка оркестра, игравшего на маленькой площадке в центре зала. Наконец Тагава-сан поднял голову.

— Спасибо, что вы по-дружески отнеслись к бывшему камикадзе, доживающему свои дни у самолета, которому уже никогда не суждено взлететь в воздух. Я скажу вам правду. Может быть, среди нас и были отдельные фанатики, искавшие смерти, но большинство камикадзе боялись ее. Именно поэтому мы торопили ее. Скорая и неожиданная смерть, если уж она неизбежна, — лучшая смерть. Давайте выпьем за души моих то-

варишей, рыцарей смерти, чьим кладбищем стал Тихий океан. Кампай! — Тагава-сан одним залпом осушил стаканчик саке, а затем продолжил: — Теперь, да и раньше тоже, в газетах и книгах камикадзе называют «пилотами-полубогами», чуть ли не победившими американский флот. Но это не так.

— Почему? Ведь сами же американцы пишут, что камикадзе буквально терроризировали их тихоокеанский флот...

— Янки выгодна эта легенда, чтобы возвеличить собственные победы. На самом! же деле далеко не всем пилотам-смертникам удалось поразить вражеский корабль. Большинство взорвалось в воздухе до того, как достигло цели. Многие вообще не находили ее и, израсходовав горючее, падали в океан. Вы знаете, что и полгода и год спустя после войны этих несчастных находили на необитаемых атоллах, причем хорошо еще, если за это время они не сходили с ума. Впрочем, и наша судьба несостоявшихся камикадзе была немногим лучше. Когда в сорок пятом русские вступили в войну и Япония капитулировала, многие не могли простить нам то, что мы уцелели. Нас считали трусами. Общество отвернулось от нас. Кое-кто покончил с собой. Другие опустили на дно, так и не сумев включиться в послевоенную жизнь. Мне вообще не хотелось жить, и я стал каскадером в кино. А это — месяц непрерывных опаснейших трюков на съемках и три месяца в больницах. Так продолжалось, пока меня не вышвырнули из-за возраста. Больно велик был для них риск, хотя я и соглашался работать без выплаты страховки. Теперь показываю Токио туристам, кое-как перебиваюсь.

— Поэтому-то вы и оказались около самолета камикадзе, — догадался Анри, — ждали, не подвернется ли какая-нибудь экскурсия...

Тагава-сан печально улыбнулся.

— Вы не угадали. Просто я ночую в нем. Да, да, он ничуть не хуже какой-нибудь вонючей каморки, за которую к тому же нужно платить. А гидом-одиночкой много не заработаешь, — хотя открою вам маленький секрет: я еще продаю туристам пуговицы камикадзе. Те самые, с цветком вишни и тремя лепестками. Могу и вам предложить одну, но не буду обманывать: они не настоящие. Мне их делает один приятель, и американцы чуть ли не дерутся из-за них*..

Наступила длинная пауза. Наконец японец нарушил молчание:

— Напоследок мне хочется сказать вам одну вещь. Если бы я мог, то посадил тех, кто четверть века назад изобрел камикадзе, в самолет, что стоит на улице, и послал их самих таранить янки. Пусть бы они почувствовали, что значит быть обреченными. И если бы они каким-то чудом уцелели, вот тогда бы я спросил у них, нужны ли были камикадзе...

«БОГИ» ВИЦЕ-АДМИРАЛА ОНИСИ

Мысль об использовании летчиков-самоубийц против американского флота возникла у японского командования еще в конце 1943 года. Однако ее осуществление десять месяцев спустя было продиктовано не столько военными, сколько политическими соображениями. Несмотря на огромное превосходство американцев в авианосцах — 100 против 4, к осени 1944 года армия «божественного микадо» добилась значительных успехов

на сухопутном театре войны в Китае, где японские части, не встречая сопротивления со стороны гоминдановцев, стремительно продвигались на юг. Комитет начальников штабов США начал опасаться, что Китай вообще скоро может капитулировать. Оперативные же планы американского командования в это время не представляли прямой угрозы Японии. Они предусматривали лишь высадку на филиппинский остров Лусон в декабре 1944 года и на острова Иводзима и Окинава весной следующего года. Больше того, поскольку разведка с тревогой сообщала о дальнейшем наращивании японской военной мощи, сами западные союзники считали, что они не в состоянии своими силами, без помощи Советского Союза быстро принудить Японию к капитуляции. Так, бывший начальник штаба президента США адмирал Леги в своей книге «Я был там» прямо указывает, что американское военное министерство было убеждено в том, что США «необходима помощь русских, чтобы довести войну против Японии до успешного завершения».

Чем же тогда объясняется появление камикадзе, которые, если верить, например, бывшему командующему японскими ВВС на Филиппинах адмиралу Кимпэи Тераока, «одни могли спасти положение»? Действительно ли японское командование видело в массовом использовании летчиков-самоубийц единственное средство склонить на свою сторону военное счастье?

На самом деле, прибегнув к столь необычному оружию — смертникам, генералы «божественного микадо» преследовали, иную цель. К осени 1944 года, когда в результате успехов Советского Союза в войне против гитлеровской Германии стала вырисовываться неизбежность разгрома «третьего рейха», в Токио пришли к выводу о необходимости как можно скорее добиться мира с американцами. «Общественность США и Англии в настоящее время еще не требует изменения государственного строя Японии», — писал бывший японский премьер принц Коноэ в своем докладе императору. — ...Наиболее опасным... является не столько поражение, сколько коммунистическая революция, которая может произойти в случае поражения. Сейчас советские войска наступают по всему фронту. Если это будет продолжаться, то они в конце концов придут в Японию». Поэтому он предлагал в ближайшее же время постараться договориться с американцами и англичанами.

И такие переговоры действительно начались в обстановке строжайшей тайны сначала в сентябре 1944 года, через посланника Швеции, а позднее непосредственно через Аллена Даллеса в Женеве. Именно для того, чтобы сделать американцев более уступчивыми, японская дипломатия потребовала от военного командования нанести ощутимый удар по военно-морским силам США, лишив их главного козыря — авианосцев. Поскольку же сделать это в короткий срок обычными средствами не представлялось возможным, в ход были пущены пилоты-смертники.

Практическое претворение в жизнь плана использования камикадзе принадлежало вице-адмиралу Ониси, руководившему авиационной промышленностью. Чтобы убедить юношей-смертников в необходимости их гибели, японская пропаганда не жалела громких слов о «божественном императоре», «долге и чести самурая». «Самое главное теперь для каждого командира, — писал в офици-

альной инструкции адмирал Ониси, — это найти для своих солдат смерть небеснополезную и почетную; о другом выходе при таком превосходстве противника нам говорить не приходится, — лицемерно утверждал он. — Я убежден, что «миссии самопожертвования» станут не чем иным, как актом величайшей любви к императору».

...Механики прогревали моторы, когда после краткого инструктажа пятеро пилотов выстроились для последнего напутствия и прощального тоста.

— Вы уже боги, отрешившиеся от земных страстей...

Пронзительный голос командира перекрывал гул моторов. Но замершая перед ним пятерка с белыми повязками камикадзе поверх летных шлемов была безразлично глуха к его патетике: они уже подписали свой смертный приговор. Словно по команде, взметнулось пять рук с зажатыми в них чашечками с саке.

— Да здравствует император! — глухо прокричали пятеро юношей, почти детей, которым не суждено было стать взрослыми.

Старший группы поручик Екио Сети передал командиру конверт. «Отправьте в Кито...» — голос его дрогнул. В конверте по древней самурайской традиции была прядь волос, которую после смерти Сети пошлют той, что всего лишь несколько месяцев назад стала его женой. Он повел свою четверку к машинам. Их провожали подбадривающие возгласы, прощальные взмахи рук. Но вся эта сцена выглядела какой-то неестественной, вымученной. Захлопнулись фонари кабин, короткий разбег, и самолеты оторвались от взлетной дорожки.

Далеко внизу остались зелень пальм и белая полоска песчаного побережья. Впереди, к востоку от Филиппин, лишь бескрайняя синева неба и моря. Хотя до района цели их сопровождало четыре истребителя, самолеты продолжали карабкаться все выше и выше, чтобы избежать случайной встречи с американскими перехватчиками. Но вот вдали на гигантском свинцовом блюде океана показались черные точки. Повинуясь жесту Сети, пилоты-камикадзе увеличили скорость. Шли последние минуты. Поручик сделал небольшой вираж и поднял руку. Сигнал атаки.

Поднявшиеся в воздух американские истребители стремительно шли наперерез. Над кораблями густо распустились пушистые облачка разрывов зенитных снарядов. На авианосце «Сейнт-Лоу» с тревогой вглядывались в небо, стараясь не пропустить момент, когда японцы начнут бомбометание. Но произошло неожиданное. Самолет Сети ревушим метеором врезался прямо во взлетную палубу авианосца. Не успело затихнуть эхо взрыва, как на «Сейнт-Лоу» обрушился смертоносный груз второго камикадзе. Разломившись надвое, корабль начал тонуть. Еще три американских судна, впервые испытывавшие, что такое камикадзе, были серьезно повреждены.

Один из японских истребителей сопровождения был сбит, но остальные благополучно вернулись на базу Мабалакат, принеся известие о первой удачной атаке специального ударного подразделения. Так 25 октября 1944 года вновь задул «божественный ветер».

Японское командование понимало, что этот, успех был обусловлен прежде всего неожиданностью действий камикадзе и что в дальнейшем их эф-

фективность будет гораздо ниже. Пока же оно с помощью пропаганды всюду раздувало одержанную победу, стремясь создать ореол «сверхгероев» вокруг летающих самоубийц. Не были забыты и другие, пусть более прозаические, но тем не менее достаточно действенные средства, чтобы привлечь добровольцев в ряды камикадзе: специальная форма, повышенное денежное содержание плюс особые продовольственные карточки, официальный почет и... символические урны с прахом для их семей.

Трудно сказать, что больше помогло поручику Наоиси Кано заслужить славу одного из лучших асов на Тихом океане — летное мастерство или то, что он заранее примирился с неизбежностью смерти: на его вещевом ранце чернели иероглифы, складывавшиеся в мрачное пророчество: «Личные вещи покойного капитана Наоиси Кано» — в армии «божественного» императора погибшим офицерам обычно посмертно присваивалось следующее звание. Поэтому, когда до Кано дошла весть о гибели первых камикадзе, он направился к командирской части.

— Прошу оказать мне честь, назначив старшим новой группы камикадзе... — коротко доложил он, протягивая рапорт.

Но поручику не пришлось стать самоубийцей. Решение командования было предельно кратким, однако достаточно выразительным, хотя Кано и не познакомили с его формулировкой.

«Отказаться. Слишком ценный материал как летчик-истребитель, чтобы расходовать на одноразовое задание». Секрет раскрывался просто. Если для самих камикадзе их действия представлялись актом благородной жертвенности, то для японского командования «божественный ветер» был лишь очередной тактической новинкой, призванной воздействовать прежде всего на психику противника. Операции «Самоубийцы», с его точки зрения, должны были проводиться так, чтобы не сказываться отрицательно на боеспособности обычных авиационных частей. Поэтому одновременно с формированием первых подразделений камикадзе появился секретный приказ японского генерального штаба, гласивший, что в них следует направлять исключительно пилотов-новичков.

Перед вылетом на задание каждый камикадзе проходил в течение нескольких дней специальный ускоренный курс. Истребитель «зеро», выбранный для смертников, с 250-килограммовой бомбой плохо слушался управления, и поэтому день-два летчики специально отрабатывали взлет на перегруженной машине. Затем шли приемы выхода на цель. Опыт показал, что его нужно делать или на большой высоте — свыше 20 тысяч футов, или на бреющем полете — не выше 50 футов, чтобы не быть преждевременно обнаруженным на подходе и уцелеть, пока не настанет момент погибнуть.

Впрочем, после того как было утрачено преимущество внезапности и операции камикадзе стали обычным делом, все меньшему и меньшему числу самолетов самоубийц удавалось прорваться через управляемый радаром заградительный зенитный огонь и американские истребители прикрытия. Поэтому японское командование сочло нецелесообразным рисковать новыми самолетами — а только за семь месяцев 1945 года их было выпущено свыше 11 тысяч, — дав указание использовать отслужившие свое машины. Так, например, во время битвы за Филиппины на одной

из японских баз было 28 летчиков-камикадзе и ни одного самолета для них. Пришлось срочно перерывать старый авиационный хлам, скопившийся на аэродромах, и из него с грехом пополам собирать некое подобие летательных аппаратов. О 250-килограммовых бомбах не могло идти и речи. Единственное, на что были способны эти «гибриды», — две 30-килограммовые бомбы, которые могли потопить разве что китайскую джонку. Однако японский офицер, которому доложили, что собранные машины каждую минуту могут рассыпаться в воздухе, оказался непреклонен. «В конце концов, это не так уж важно, — изрек он. — Главное, чтобы эти керосинки поднялись в воздух и наделали шума».

Далеко не все из последующих камикадзе были фанатиками-добровольцами. По мере того как росла в них потребность — только за три месяца боев за Филиппины погибло 378 летчиков-смертников, а Окинава стоила жизни 2400 камикадзе, — и к тому же становилось ясно, что гибель их, по сути дела, беспечна, находилось все меньше энтузиастов жертвовать жизнью за императора. Но предоставим слово английскому журналисту Патрику Принглу, написавшему целое исследование о «божественном ветре».

«Гибель среди камикадзе была стопроцентной, — пишет он, — и японское командование сочло, что обман и угрозы куда более действенны, чем любовь к императору при отыскании «добровольцев» — смертников...

— Тот, кто не хочет выполнить это почетное задание, должен открыто заявить об этом, — предупредил командир выстроившихся перед ним летчиков. — Все, кто считает себя недостойным высокой чести, шаг вперед!

В первую минуту строй замер. Полковник удивленно обвел взглядом сумрачные лица. И вдруг где-то на фланге строй чуть заколебался, и вперед нерешительно шагнул невысокий крепкий со шрамом через всю щеку. Его примеру последовал второй, третий... Когда перед строем стояло уже шесть человек, полковник поспешил прекратить урок лицемерия.

— Вы, шестеро! — завизжал он. — Шестеро трусов, лишенных чести! Нужно помочь вам вновь обрести храбрость! Вы шестеро первыми пойдете в камикадзе!

Никто из побледневшей шестерки не возразил ни слова. Это был приказ. К тому же у них был только один выбор: или погибнуть почетной смертью камикадзе, или быть расстрелянными с позором за отказ стать ими».

ФАУ ПО-ЯПОНСКИ

В заснеженных горах префектуры Нагано в центре острова Хонсю, что славится своим древним буддийским храмом Дзенкодзи, затерялся небольшой городок Мацумото. Для его жителей война была чем-то далеким, почти нереальным. Но вот с наступлением 1944 года по ночам где-то поблизости все чаще стали раздаваться глухие взрывы, от которых звенели стекла домов. Американские «летающие крепости»? Но ведь вокруг не было никаких военных объектов! Вскоре старики, выжигавшие уголь в окрестных горах, заметили, что ночному громоханию сопутствуют вспышки яркого пламени во дворе стоявшей на отшибе школы. Поползли слухи, что там испытывается какое-то секретное оружие, но в чем

дело, никто толком не знал. Ведь школа была уже давно реквизирована военными властями, а все дороги, ведущие к ней, перекрыты часовыми.

Между тем, если бы кому-нибудь из жителей Мацумото удалось попасть во двор таинственной школы, он увидел бы опаленные пламенем бетонные плиты, которыми была выстлана небольшая площадка, и бронеколпак подземного склада ракетного топлива в дальнем углу. Здесь в горной глуши в строжайшей тайне велись работы по созданию «оружия возмездия» — японского ФАУ. Правда, в отличие от германского собрата его должен был пилотировать летчик-камикадзе, чтобы повысить эффективность поражения цели.

Когда и на каких условиях Гитлер согласился передать своим союзникам чертежи секретного оружия, остается тайной. Известно лишь, что они были доставлены на борт японской подводной лодки, взявшей курс к берегам Страны Восходящего Солнца. Однако прибыть туда ей было не суждено: в июле 1944 года при неясных обстоятельствах она затонула поблизости от Сингапура. Позднее японским водолазам удалось спасти часть чертежей, которых, однако, оказалось недостаточно для постройки реактивных самолетов-снарядов типа ФАУ. Поэтому японские конструкторы решили заменить их упрощенным вариантом — летающей торпедой, получившей поэтическое название «ока» — «цветок вишни».

Это был миниатюрный самолет с шестью реактивными двигателями-ускорителями, развивавший скорость до 900 километров в час. Но главное заключалось даже не в этом. «Ока» нес целую тонну взрывчатки — в четыре раза больше, чем стандартный истребитель «зеро», использовавшийся камикадзе. В район цели «ока» доставлялся

двухмоторным бомбардировщиком-маткой. Из него летчик через бомбовый люк перебирался в крошечную кабину «оки» и отключал подвеску. Несколько минут он парил в воздухе, пока бомбардировщик уходил в сторону, а затем включал реактивные двигатели. Подобно метеору, которому не страшны были ни перехватчики, ни огонь зениток, «цветок вишни» обрушивался на палубу вражеского корабля.

В конце 1944 года на авиационных заводах Японии была начата сборка первой партии новых машин. Однако, как ни торопил адмирал Ониси с их боевым применением, дело неожиданно застопорилось: «ока» один за другим врезались в землю при первых же испытаниях, хороня под обломками несостоявшихся камикадзе. Летающая торпеда оказалась настолько сложной в управлении, что только настоящие асы, да и то после продолжительной тренировки, оказались способны справиться с ней.

Наконец 21 марта 1945 года в воздух поднялся первый отряд из 16 бомбардировщиков. Результаты были плачевными. На подходе к цели их встретили американские истребители. Объятые пламенем японские бомбардировщики один за другим падали в море. На базу вернулось лишь три истребителя сопровождения.

Все новые и новые эскадрильи камикадзе поднимались в воздух, но им уже не суждено было ни прорваться сквозь шквальный заградительный огонь авианосцев, ни вернуться на базу.

На рассвете 9 августа 1945 года советские войска нанесли мощный удар по Квантунской армии японцев. Императорская Япония оказалась на грани краха. 15 августа адмирал Ониси получил приказ «прекратить огонь». Война была проиграна.

В. ЦВЕТОВ

ОПЯТЬ «БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР»?

Его приход в корпункт АПН вызвал переполох. Японцы — переводчики и редакторы — то и дело заглядывали в приемную, где он сидел. Высокий, широкоплечий, с могучей шеей, он походил на боксера-средневеса, и коричнево-черное кимоно священника, деревянные гета на босых, покрасневших от январского холода ногах производили впечатление маскарада. Степенно склонив в знак приветствия выбритую голову, он отправил мою визитную карточку в широкий рукав кимоно, служащий для японцев одновременно и карманом. Скажу откровенно: священники-синтоисты пока еще не заглядывали к нам в корпункт, так что нетрудно понять любопытство, с которым я разглядывал гостя.

Вначале беседа не клеилась. Но вот подали зеленый чай — обязательный знак внимания к гостю: зимой японцы согреваются им, а летом утоляют жажду. Чай принесли в глиняных чашках с двойными стенками — в та-

кой чашке кипятки не обжигает пальцы, — и священник, заметив я, заинтересовался ими. Эти чашки делают в Японии только в одном месте — в префектуре Фукусима, на севере страны. С чашек, по существу, и начался наш разговор.

И тут гость удивил меня. Четверть века назад он был... камикадзе. Его вылет назначили на 15 августа 1945 года. Накануне ему и другим «богам, которым все земное чуждо», выдали подогретое саке и разрешили пойти в город. Саке пили, гость помнил это очень хорошо, из чашек, изготовленных в Фукусиме. А утром девятих смертников, выстроившихся у самолетов, провожал весь отряд.

В воздух взмыл первый. Шасси, отделившись от фюзеляжа, — последнее усовершенствование в технике самоубийств, — подпрыгивая и вихляясь, покатило к дальнему концу поля. Сестра самолет смертника уже не мог. Не мог он и вернуться: баки истре-

бителя заправлялись горючим только на полет в одну сторону. Взлетел второй, третий, четвертый... Вдруг на командной вышке замахали флагом. К самолетам бежали офицеры. «Капитуляция! Император выступил по радио! Капитуляция!» Седьмой с трудом выбрался из самолета, сделал несколько шагов и рухнул. В сознание он пришел не скоро.

«...Император — обычный смертный. И не простирается династическая линия императорской семьи на 2600 лет в прошлое, к богине солнца Аматэрасу. Японцы вовсе не исключительная нация, призванная повелевать миром...» Разум отказывался верить, что все, чему поклонялся, оказалось ложью. Как жить дальше? Да стоит ли вообще жить? Однако седьмой из шеренги камикадзе не покончил с собой, как это сделали многие другие.

И вот он передо мною, бывший камикадзе, а теперь священник-синтоист. Обрел ли он веру? Нашел ли цель в жизни?

Нелегко было понять все это в коротком разговоре, и прежде всего потому, что понять нужно не просто одного человека, а одно из характерных явлений недавнего прошлого «империи божественного микадо» — камикадзе.

Согласно конституции, принятой после второй мировой войны, Японии запрещено иметь армию, вести милитаристскую пропаганду, не говоря уже об участии в каких-либо военных действиях. Так что если кто до недавнего прошлого и вспоминал о камикадзе, то только в разговоре о токийских шоферах такси, которые носятся с отчаянной скоростью, а к правилам уличного движения относятся как к личному вызову. Но в последние несколько лет вновь заговорили о камикадзе. Причем произошло это исподволь: заметка, другая, воспоминания, репортажи — и вот уже зазвучал старый рефрен о «рыцарях смерти, богач-сверхгероях».

В 1962 году, когда японские «силы самообороны» превзошли по огневой мощи старую императорскую армию, правительство Японии решительно взялось за воспитание у народа, и прежде всего у молодежи, «сознания необходимости защищать свою страну». Тогдашний премьер-министр Икэда провозгласил политику «хито дзукури» — «создания нового человека». Марксистская идеология — вот главная опасность для японской молодежи, утверждал Икэда. Необходимо создать «новую» идеологию, которая возобладала бы над марксизмом. Надо привить молодому поколению чувство уважения к императорскому гимну «Кимигаё». А гимн начинается со слов: «Мы, японцы, превыше всего...» Рескрипт императора Мэйдзи о воспитании должен лечь в основу морали, предписал премьер-министр. Этот рескрипт, опубликованный в 1890 году, требовал от молодежи готовности отдать жизнь во имя величия императорского трона. А раз так, в школьных учебниках вновь замелькали имена «героев» захватнических войн в Корее и Китае, в них опять стала прославляться «доблесть» камикадзе, а ритуальные собрания в храме Ясукуни в память о них — собирать целые толпы участников.

...Место это торжественное, храм Ясукуни. В темной земле, окружающей здание храма, покоятся символические останки

тех, чьи бранные кости лежат на дне Тихого океана. Холодно, моросит дождь, и посетители аккуратно складывают свои зонты и оставляют их у входа в храм, над которым обвис намокший лозунг: «Придет день, и вновь мы будем царствовать в Азии!» Около одной из стен сумрачного здания выстроено возвышение, окруженное знаменами с эмблемой восходящего солнца. Рядом на стульях разместились несколько сот людей: родители, дети, родственники погибших камикадзе. В первом ряду сидят несостоявшиеся летчики-самоубийцы. На возвышение-трибуну поднимаются ораторы, низко кланяются, целуют знамена, кричат «банзай!».

11 февраля 1967 года, впервые после капитуляции, в Японии отмечался праздник Кигэнсэцу — День основания нации. В свое время он был запрещен как милитаристский, способствующий разжиганию фанатического национализма. «Восстановление праздника Кигэнсэцу сравнимо лишь с впечатлением, которое могло бы произвести возобновление чудовищных нацистских парадов в Нюрнберге», — наглядевшись на торжества в Токио, написал американский историк и журналист Дэвид Конде. В свое время для камикадзе считалось высшей честью погибнуть именно 11 февраля. Теперь бывшие смертники принимают самое деятельное участие в праздновании Кигэнсэцу. В этот день они снова видят себя богами.

Почтить же «погибших богов» в храм Ясукуни приходят сейчас и те, кто составляет планы создания новой армии, «соответствующей экономической мощи Японии, которая вышла на второе место в капиталистическом мире по национальному валовому продукту». Они приходят в храм Ясукуни не просто понаблюдать. Именно с их благословения сегодня вновь звучат далеко идущие призывы: «Мы существуем лишь благодаря духам героев Ясукуни, павших на поле брани. Не предадим же героев Ясукуни! Полностью пересмотрим конституцию — крупнейшую раковую опухоль! Защитим родину от революции!»

И все же двадцать пять лет, минувшие со дня разгрома империалистической Японии, не прошли бесследно. Как бы этого ни хотелось наследникам тех, кто в свое время мечтал о японском владычестве в Азии, нынешнее молодое поколение японцев по-прежнему смотрит на их несбывшие-

ся планы. Разве не об этом свидетельствует, например, интервью, которое взял итальянский журналист Гуидо Джероза у Кацургоси Такасэ, сына погибшего камикадзе, во время церемонии в храме Ясукуни?

«— Когда погиб твой отец?

— 25 октября 1944 года у берегов Филиппин. Его самолет взорвался, врезавшись в палубу авианосца.

— А когда ты родился?

— Месяц спустя.

— Когда ты узнал о смерти отца?

— Мне сказала об этом моя мать, когда я пошел в школу. Она объяснила мне, что мой отец погиб за то, чтобы наша страна была великой.

— Прежде чем умереть, твой отец написал вам письмо?

— Да, моей матери. Он написал: «Мне очень грустно, что скоро у нас родится сын, а меня уже не будет рядом, чтобы защитить его. Я хочу только, чтобы он любил своего отца, которого ему так никогда и не увидеть».

— Ты его любишь?

— Да. В детстве я даже мечтал стать летчиком, чтобы быть таким же, как он. Но потом передумал: сейчас я работаю телеграфистом на Центральном токийском почтамте.

— Верить ли ты, что его смерть была полезной для твоей родины?

— Полезной? Так говорят. Хотя для сына полезней, чтобы отец был дома, не правда ли? Я читал много книг о прошедшей войне, но ни одна из них не вернула мне моего отца.

— Значит, ты не думаешь, что война была такой героической, как об этом говорят все эти «дядюшки», которые собрались сегодня здесь, в храме Ясукуни?

— Нет, я категорически против войны. По-моему, это самое страшное, что может быть на свете. И я уверен, что мой отец в душе тоже ненавидел войну».

...Да, многое изменилось в нынешней Японии. Потому-то так трудно было мне понять душу собеседника — бывшего камикадзе, ставшего священником-синтоистом — во время нашего разговора в токийском корпункте АПН.

— Обрели ли вы веру? Нашли ли цель в жизни? — еще раз спросил я странного священника, что не успел погибнуть четверть века назад.

— Ищу, — коротко ответил он.

Б. РЫБНИКОВ

Королева Пиратов

Ранним утром 1593 года рослые гвардейцы в красных куртках цепью растянулись вдоль Стренда. Они с трудом сдерживали толпу любопытных лондонцев. Солдаты бранились и без церемоний раздавали направо и налево тычки ясеневыми древками алебард, но это, похоже, только подогревало азарт жадных до зрелищ горожан. Со стороны Лондонского моста донесся гул. Толпа заволновалась, головы разом повернулись в сторону, откуда неслись возгласы. Приветственный шум все приближался, и наконец из-за поворота показался кортеж.

Впереди, сверкая стальными латами и шлемами, двигался отряд королевской конной гвардии. Гвардейцы ехали, уперев в правое бедро мушкеты. За ними следовала группа придворных. Среди атласа и бархата расшитых золотом и серебром камзолов наметанный глаз завсегдатаев подобного рода зрелищ сразу же выделил несколько человек, определенно не принадлежавших к королевской свите. Суровые, обветренные лица, обрамленные густыми бородами, простые костюмы, дополненные кожаными, сохранившими следы панциря колетами, длинные мечи, так не похожие на золоченые шпаги дворян, и неуклюжая, лишенная всякого блеска манера сидеть в седле — все выдавало в них людей, не привыкших к пышным процессиям.

Но не они были предметом всеобщего внимания: взгляды лондонцев были прикованы к следовавшим за толпой верховых конным носилкам, которые, судя по роскоши отделки, с успехом могли бы принадлежать какому-нибудь восточному владыке. Не менее богато были убраны и впряженные в них испанские кони. Напрасны были восторженные крики толпы — занавеси лишь раз дрогнули, отведенные тонкой смуглой рукой, и тотчас опустились.

Кавалькада миновала Хэмптон-Корт и въехала в массивные позолоченные ворота королевского дворца. Меж двумя рядами застывших, словно статуи, копьеносцев, одетых в алые и голубые камзолы с изображением королевского льва на груди и спине, прибывшие проследовали к гранитным ступеням дворца и здесь спешили. Несколько человек устремились к носилкам и с низкими поклонами помогли выйти из них пожилой, но по-юношески стройной и еще очень красивой смуглой черноволосой женщине. Шаль, накинутая на плечи, изящная бархатная шапочка на черных кудрях и гортанный выговор указывали на то, что родина приехавшей леди — Ирландия. А почтение, которым было проникнуто поведение суровых воинов ее свиты и сопровождавших кортеж английских дворян, давало основание предполагать, что у себя на родине эта женщина привыкла повелевать людьми. По знаку

белой церемониймейстерской булавой привратник с черным жезлом в руке распахнул двери в зал приемов. Будто не чувствуя на себе любопытных взглядов, черноволосая дама легкой, уверенной поступью приблизилась к королеве и с достоинством поклонилась ей.

Елизавета Английская с высоты своего трона с интересом разглядывала стоявшую перед ней женщину. Неожиданно для себя монархиня поняла, что невольно сравнивает гостью с собой, и это сравнение оказывается явно не в ее пользу. Однако, подавив готовое вспыхнуть раздражение, королева милостиво кивнула ирландке и ласково осведомилась о том, как «наша любезная гостья» перенесла путешествие. Среди придворных пронесся шумок удивления: властная, привыкшая к раболепному преклонению Елизавета редко кого удостаивала столь сердечного приема. Но еще большее удивление свиты вызывало поведение той, к кому были обращены слова королевы. Ирландка отвечала почтительно, но с такой непринужденностью и достоинством, о которых давно забыли в этом зале.

На обеде, данном в ее честь, непривычная к придворной атмосфере ирландка шокировала королевскую свиту своими манерами и поведением, но Елизавета была в восторге от наивности и простоты своей новой приятельницы. В последующие дни королева не отпускала ее от себя ни на шаг. В честь прибывшей организовывались приемы и торжества. Когда королева сообщила о своем намерении пожаловать госте к концу ее пребывания в Лондоне графский титул, та отказалась от него со словами: «Мне не нужны пышные звания, не имеющие никакой ценности. Позволь мне остаться просто повелительницей островов».

Вскоре не только двору, но и всему городу стало известно имя горячки: Грейс О'Мэйл — предводительница одного из ирландских кланов.

Стала понятной придворным и столь удивительная милость королевы к этой женщине. При дворе было получено известие о готовящемся на севере Ирландии, в Ольстере, восстании против английской короны, и Елизавета, известная своим умением плести интриги, хотела с помощью О'Мэйл подорвать единство ирландских кланов.

Но обратимся к событиям, разыгравшимся на ирландском острове Клэр задолго до тех, о которых говорилось выше.

В мрачном сводчатом зале старого замка, что высился на неприступных скалах этого острова, у северо-западного побережья Ирландии собрались старейшины клана О'Мэйл.

Вождь клана, старый Оуэн О'Мэйл, храбрый моряк и воин, тихо угасал на ложе из медвежьих шкур. Дрожащее пламя смолистых лучин, воткнутых у изголовья, бросало неверные ответы на его заострившееся, бескровное лицо и на фигуры старейшин, столпившихся вокруг.

Слишком рано уходил из жизни Оуэн О'Мэйл. Кто поведет их теперь в нападение на пузатые испанские карраки, набитые заморскими товарами, или на корабли английских и голландских купцов, не уступающих в богатстве испанцам? Кто привезет из отчаянных походов богатую добычу, которой клан О'Мэйл в немалой мере обязан своей силой и могуществом?

Правда, Оуэн оставлял после себя четырнадцатилетнего сына Адульфа и девятнадцатилетнюю дочь

Грейс. Но один — еще ребенок, другая, хоть и из рода О'Мэйл, но всего лишь женщина.

Старейшины в молчании склонили головы перед телом вождя. Первым выпрямился самый старший среди них, опытный и мудрый Олев.

— По обычаю нашего клана провозглашаю над смертным ложем вождя его преемником Адульфа!

Старые воины в почтительном молчании преклонили колени в знак покорности новому вождю.

И вдруг торжественную тишину нарушил звонкий девичий голос.

— Я старше брата, и первенство по праву должно принадлежать мне, но раз старейшины все-таки провозгласили вождем его, я вызываю Адульфа на бой. Как гласят наши законы, место вождя занимает тот, кто победит в схватке. Пусть бог рассудит, кто из нас достоин занять место отца.

Взгляды изумленных воинов обратились в сторону говорившей. С пылающими глазами, с распущенными густыми кудрями Грейс была удивительно красива. Она не раз сопровождала отца в его морских походах и прославилась своей незаурядной отвагой. Однако никто не предполагал, что она решится претендовать на власть над кланом. Тем не менее вызов был брошен, и не принять его было бы трусостью, недостойной мужчины и воина, тем более будущего вождя. Согласно обычаям поединок должен был состояться на берегу моря.

Серый рассвет только занимался, когда несколько старейшин вывели брата и сестру к морю. Как повелось истари, обоих раздели до пояса и каждому вручили оружие — короткий охотничий нож. Затем судьи поднялись на высокую прибрежную скалу, где и остались ожидать финала схватки: тот из бойцов, кто, победив противника, первым взойдет на ее вершину, станет вождем.

Едва стихли шаги старейшин, противники повернулись лицом друг к другу. Первым атаковал Адульф. Занеся руку с ножом для удара, он молнией бросился на сестру. Но девушка была начеку: ловкий поворот — и юноша проскочил мимо, со всего размаха ткнувшись в огромный валун. Мгновенно Грейс оказалась рядом. Схватив руку брата, она ловко вывернула ее таким образом, что его нож оказался нацеленным ему же в грудь. Неожиданно Адульф сделал резкое движение и вырвал руку из железных пальцев сестры. Но прыгая в сторону, он поскользнулся на поросшем водорослями камне, не удержал равновесия и во весь рост растянулся на прибрежной гальке. В ту же минуту юноша почувствовал, как острие ножа коснулось его груди. Сгорая от стыда, Адульф сквозь зубы пробормотал: «Сдаюсь...»

А собравшиеся на вершине скалы старейшины ждали, уверенные, что победит он. Каково же было их удивление, когда из-за камней показалась стройная девичья фигура.

То было время, когда ирландские кланы отчаянно защищали свои земли от расхищения их английскими феодалами. Родись Грейс на юге или на востоке Ирландии, где мятежи отдельных кланов выливались в восстания, где ирландцы начинали осознавать, что могут победить жестокого противника лишь объединившись, она, может быть, стала бы ирландской Жанной д'Арк. Но она выросла на отдаленном острове и воспитана была в преданности лишь своему роду. Все остальные люди на земле считались здесь, на острове, врагами клана О'Мэйл. А с врагом любые средства хороши. Грейс стала действовать

без союзников/ не ища их даже среди родственных кланов и сделавшись смелой предводительницей ирландских пиратов. Ни одно торговое судно не могло рассчитывать на спасение, если наперерез ему устремлялась флотилия легких ирландских острогрудых ладей.

Захваченные «призы» пираты приводили к острову, там подсчитывали и делили добычу, а корабли потом топили.

Для своих походов Грейс предпочитала большим парусным кораблям легкие парусно-гребные суденышки, с которыми можно было быстро перегруппировывать силы для нападения и легко уклоняться от пушек вражеских судов.

Грейс отдавала себе отчет в том, что рано или поздно англичане или испанцы попробуют разгромить ее клан. И не жалея сил, она принялась укреплять свой замок. Вскоре ее стараниями он был превращен в неприступную твердыню, способную выдержать любую осаду. Валуны, уложенные у края скалы, ждали лишь легкого толчка, чтобы обрушиться на головы пришельцев. Огромные котлы с водой, под которыми лежали груды сухого хвороста, должны были встретить штурмующих потоками кипятка.

Вскоре, уступив настойчивым уговорам старейшин, Грейс вышла замуж за знатного военачальника из сильного и воинственного клана О'Флаэрти. Впрочем, брак совершенно не повлиял на ее образ жизни. По-прежнему большую часть времени Грейс проводила в опасных походах вместе со своими воинами-пиратами, лишь изредка навещая родовой замок.

Даже ожидая сына, она не преминула еще раз доказать своим соплеменникам, что они не ошиблись, признав ее вождем.

Как-то, когда муж Грейс был в походе, с замковой башни заметили в море большой галеон. Разнеслись звуки рога, и через считанные минуты пираты, сопровождаемые воинственными напутствиями вождя, толпой устремились к суденышкам и лодкам. Грейс попыталась было надеть доспехи и, как обычно, встать во главе своих людей, но Олев и другие старые воины удержали ее. Ирландка следила, как юркие пиратские посудины полукольцом охватывают величественную громаду испанского галеона. Вот пираты выровняли свой строй и, оглашая море криками, ринулись в атаку. И в тот же момент загрохотали пушки галеона. Корабль окутался клубами дыма.

Видимо, командир у испанцев опытный: они стреляют не всем бортом, а побатарейно, пока одни перезаряжают пушки и кулеврины, огонь ведут остальные. Несколько пиратских суденышек были сразу же потоплены. Правда, двум все-таки удается прорваться к борту галеона, но дружный залп испанских аркебузирова разит пиратов, бросившихся на abordаж, лишь немногим удается спастись вплавь. Остальные пиратские суда торопятся уйти из-под огня. Грейс, стоя на крепостной стене, в бессильной ярости сжимает кулаки и обрушивает самые страшные проклятия на головы своих неудачливых воинов. Пираты пытаются атаковать испанцев вторично. Снова безрезультатно. Потеряв еще несколько лодок, ир-

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

ландцы беспорядочно отступают. Спокойно наблюдать за таким позором Грейс не может. Не слушая уговоров Олева, даже не дав надеть на себя панцирь, она бежит к стоявшему в бухте суденышку. За ней, звеня оружием, бросаются несколько телохранителей. Ирландцы узнают ее высокую фигуру с развевающимися по ветру иссиня-черными волосами и с обнаженным мечом в руке. Появление Грейс возвращает им мужество, они вновь бросаются в атаку.

С высокой кормы галеона испанский капитан с любопытством следит за бесстрашно направляющимся к его кораблю суденышком. Канониры замерли у пушек в ожидании взмаха капитанской руки, но капитан еще медлит: он никак не может понять, на что рассчитывают эти сумасшедшие.

Все ближе высокий коричневый борт галеона, разрисованный поверху яркими узорами. Уже хорошо видна фигура льва на носу и резные галерейки на ступенчатой кормовой надстройке.

Испанский капитан поднимает руку, но забывает ее опустить — в его глазах безграничное удивление. «Сеньоры, — кричит он офицерам, — это же женщина!»

Замешательство на корабле длится мгновения, но этого оказывается достаточно, чтобы суденышко Грейс вошло в непростреливаемое пространство. Опомившись, капитан выкрикивает команду, но время упущено — залп не причиняет пиратам вреда. Спустя минуту они уже вонзают abordажные крючья в борт галеона.

Вероломство в тот век не было большим грехом, вероломство во славу своего клана считалось доблестью. Через несколько месяцев после смерти своего первого мужа Грейс выходит замуж за одного из самых прославленных воинов Ирландии Ричарда Берка, прозванного за свою отвагу и непреклонность «Железным Ричардом». Этот брак, заключенный, по обычаю, лишь на двенадцать месяцев, дал пред-

примчивой женщине возможность изрядно округлить свои владения. В замках Берка она разместила воинов, а по истечении условленного срока расторгла брачный договор, захватив земли мужа. Берк был вне себя от ярости: войск для того, чтобы отбить свои замки, у него было явно недостаточно.

...Но любовь все-таки настигла черноволосую ирландскую красавицу. Во время одной из пиратских экспедиций добычей Грейс стал испанский неф «Торанэ» из Кадикса. Среди моряков, попавших в плен к пиратам, оказался и некий «уроженец Кастилии, прекрасный белокурый юноша», как свидетельствует хроника того времени. Пленник произвел на предводительницу пиратов столь глубокое впечатление, что она потребовала от своих соплеменников принять его в клан. Белокурый кастилец стал приближенным вождя, сопровождая ее отныне во всех походах.

Жестокость и коварство странным образом ужились в характере атаманы пиратов с удивительной

заботливостью о своих земляках и глубоким уважением к народным обычаям и традициям. Эта женщина могла совершенно спокойно ограбить неосторожного купца, подплывшего слишком близко к острову Клэр, но поступился тот же купец в ворота ее замка в холодную, ненастную ночь — ему немедленно было бы предоставлено место у очага и теплая постель: вступали в действие законы ирландского гостеприимства.

Слава о смелых и удачливых набегах королевы пиратов все ширилась. Владения Грейс все чаще стали подвергаться нападениям врагов. Как-то в одной из таких битв она чуть не распрощалась с жизнью.

Получив через одного из своих пастухов весть о том, что в ее земли вторгся небольшой отряд англичан, Грейс собрала несколько десятков воинов и, не успев оповестить старейшин клана, устремилась навстречу неприятелю. Завидев ирландцев, отряд обратился в бегство. Горя желанием проучить наглецов, предводительница ирландцев бросилась в погоню. Увы, это было лишь средство заманить ее в ловушку. Командовавший англичанами Берк хорошо знал горячий нрав своей вероломной супруги. Едва ирландский отряд, охваченный пылом преследования, втянулся в долину, как на него обрушились находившиеся в засаде латники Берка. Воины О'Мэйл дрались отчаянно, но что могла сделать горстка храбрецов против нескольких сотен закованных в сталь всадников? Увидев, как без стога упал последний из ее воинов, Грейс попыталась заколоться, но кому-то из англичан удалось выбить у нее из рук меч. Берк торжествовал: наконец-то обидчица попала в плен. С издевательской усмешкой он сообщил ей, что сейчас она предстанет перед судом. Суд оказался скорым: Берк и несколько английских офицеров единодушно приговорили вождя клана О'Мэйл и нескольких попавших в плен воинов к повешению. Желая помучить пленников, их не казнили сразу же, а привязали к дереву, неподалеку от которого солдаты принялись сооружать виселицу. Спустившиеся сумерки помешали работе, и казнь отложили до утра. А ночью лагерь был разгромлен отрядом Олева, хватившегося своей беспокойной повелительницы...

Английская королева Елизавета, не успевшая подавлять восстания в Ирландии, решила, дабы расправиться с непокорными поодиночке, заключить союз с кланом О'Мэйл. Она направила Грейс послание, содержащее всемиростивейшее прощение за пиратские набеги и предложение военного союза. Королева Англии пригласила королеву пиратов приехать в Лондон.

Грейс была отважным вождем, но недалеким политиком и наивно обрадовалась «признанию» Елизаветы.

Правда, ирландка гордо отказалась от чужестранного титула, предложенного ей королевой, но все-таки заключила союз с англичанами. Где ей было знать, что подобные союзы и помогли будущей Великой Британии, несмотря на постоянные восстания, окончательно поглотить ирландский остров полвека спустя после описываемых событий.

Жители острова Клэр охотно показывают туристам место, где похоронена Грейс О'Мэйл. Правда, одна из ирландских легенд утверждает, что могила эта пуста, а останки храброй искательницы приключений покоятся в море. Говорят, будто светловолосый кастилец, сопровождавший свою возлюбленную в битвах, выкрал ее тело и на утлом суденышке ушел в океан, чтобы никогда больше не вернуться.

ПОСАДКА РАЗРЕШЕНА

Этот «аэродром» не помечен ни на одной аэронавигационной карте, хотя находится не в тропических джунглях и не в бескрайних арктических льдах, а всего лишь в 50 милях от столицы Канады Оттавы. Его наземный персонал состоит только из трех человек, хотя на «летном поле» в самые горячие дни собирается до шести тысяч... перелетных птиц. Дело в том, что ежегодно с конца сентября и до середины ноября из Аляски и канадской Арктики берут старт на юг нескончаемые караваны пернатых. Большинство же водоемов и рек в районе Оттавы настолько загрязнены промышленными отходами, что птицы были вынуждены от них отказаться. Вот поэтому-то энтузиасты-биологи во главе с Гарри Маклеодом и соорудили искусственный «аэродром». И надо сказать, что гуси-лебеди по достоинству оценили их заботу и прочно внесли искусственный пруд неподалеку от Оттавы в свои «полетные листы». Ежегодно «аэродром» обслуживает до 300 000 водоплавающих.

ПРИНЦЕССА ОТ ГОРОШИНЫ

Двадцатилетняя англичанка Линда Хау преодолела 180 метров за 38 минут 11 секунд. Казалось бы, скорость невелика. Однако ей был засчитан рекорд, ибо Линда пришла первой на этой дистанции, толкая носом горошину.

В ОЖИДАНИИ КОНЦА СВЕТА

Дату конца света с абсолютной точностью установил прорицатель из Куала-Лумпура Д. Махри: 1 января 1970 года. В этот день, по его мнению, померкнет белый свет, и все кончится. Что же можно сделать? А вот что, говорил прорицатель: надо поскорее, пока есть время, отделяться от домашних вещей, ибо их на тот свет не захватишь. Секрет настоящего совета раскрыла одна из газет, установившая, что Д. Махри — родной брат владельца скупочной лавки. Пророчество должно было обеспечить по сходной цене (учитывая обстоятельства) клиентуру для родственника.

СУВЕНИРНЫЕ ГВОЗДИ

Обычные толстые гвозди в количестве семи тонн пошли на сувениры. Странно? Послушайте дальше. Склад их был обнаружен в развалинах крепости, которую римляне построили 1900 лет назад в Шотландии, в местечке Инчати. Гвозди упаковали поштучно в полиэтиленовые мешочки с незатейливой биркой: «Гвоздь, аналогичный тем, которыми был распят Иисус Христос».

ЛУЧШИЙ БАРОМЕТР

Если посетитель гольф-клуба в графстве Клэр в Ирландии захочет узнать, какая будет погода, и подойдет к стене, где должен висеть барометр, то увидит на этом месте табличку: «Посмотрите на коз». Дело в том, что, если три козы, живущие при клубе, прячутся под крышей, значит будет дождь. Если козы гуляют на лужайке, погода будет хорошая.

СЕКРЕТ СЕМЕЙНОГО СОГЛАСИЯ

У племени таджу, живущего в одной из горных долин соседнего с Индией княжества Сикким, в домах царит удивительная тишина и спокойствие. Дело в том, что мужчины и женщины таджу говорят каждый на своем языке. Они так и называются: «мужской» и «женский» языки. Очень часто супруги (в особенности мужчины) плохо знают язык друг друга, поэтому предпочитают либо вообще не говорить, либо, в крайнем случае, прибегают к языку жестов.

СКВОЗЬ ОГОНЬ...

...оказывается, может прыгать и корова. Причем с элегантностью и изяществом, присущим цирковым акробатам. Самое замечательное в этой актрисе то, что цирковые выступления не мешают ей в основном занятии — снабжении молоком семьи дрессировщика мексиканца Санчеса.

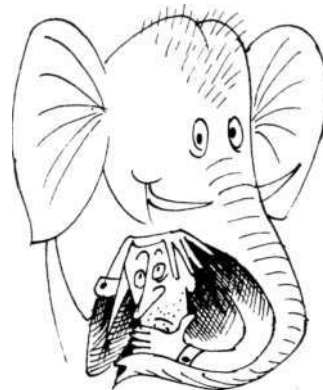

КУДА ДЕВАТЬ СЛОНА?

Такая проблема возникла перед Педро Ноэллем Корреа из города Меделлина в Колумбии. На его лотерейный билет пал самый крупный выигрыш — живой слон. Устроители лотереи купили его у циркового дрессировщика. К Педро явился представитель лотерейной фирмы и потребовал с него деньги за доставку выигрыша. Педро, заняв у соседей, заплатил. Слона доставили. Вместе с ним явилась полиция.

— Для слона надо построить ограду из камня, чтобы защитить соседей от возможных последствий, — заявил инспектор.

Появившаяся вслед за ним представительница Общества защиты животных предупредила, что не потерпит издевательств над слонем и будет проверять, чем хозяин кормит его. Педро, отчаявшись, решил подарить выигрыш зоопарку. Однако директор в ответном письме сообщил, что «в настоящее время не располагает кредитами на содержание столь крупного животного». Так возникла проблема: куда девать слона?

ГОРОД-НЕПОСЕДА

От полутора до двух тысяч километров в год проезжает этот город на Аляске. Впрочем, ничего удивительного здесь нет, если учесть, что Джидерслив-сити (таково название города) расположен на двух десятках плотов, каждый шириной в тридцать метров и длиной в сто шестьдесят. По дощатым тротуарам дети катаются на велосипедах. Маленькие гидросамолеты обеспечивают связь города с близлежащими центрами цивилизации.

ЦЕНИТЬ НАДО БЫЛО ГИППОПОТАМОВ...

В ЮАР несколько лет назад была проведена кампания по уничтожению гиппопотамов, которые, как утверждалось, совершенно бесполезны и, более того, вредны для человека. Они загромаживают реки и мешают судоходству, вытаптывают поля и т. п. В некоторых районах гиппопотамы были выбиты почти полностью. И вот именно в этих районах стала широко распространяться болезнь шистоматоз. Оказалось, что гиппопотамы, купаясь, хорошо перемешивают речной ил, а выходя на берег погреться, всегда идут гуськом, наподобие бульдозеров протапывая каналы, через которые сообщаются закрытые водоемы. Когда гиппопотамов истребили, дно водоемов быстро заилилось, и там во множестве развились водяные улитки, являющиеся главными переносчиками шистоматоза.

ЧТО-НИБУДЬ ОСТРЕНЬКОЕ

Рецепт «Дьявольского филе» остался неизвестным. Его автор — мексиканец Эдуардо Рамирес, победитель международного гастрономического конкурса на самое «пикантное» блюдо, пожелал оставить кулинарный секрет в тайне. А жаль. Врачи больницы в Буэнос-Айресе, куда доставили трех членов жюри после дегустации «Филе», очень хотели знать, что же такое проглотили их пациенты.

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

С предложением представить две фотографии своих коров анфас и в профиль обратилась полиция земли Шлезвиг-Гольштейн к западногерманским фермерам. «Иначе полиция не может гарантировать возврат пропавших и заблудившихся животных», — гласил ультиматум стражей собственности.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1902 год СПЕЦИАЛЬНАЯ ГАЗЕТА ДЛЯ НИЩИХ

Газета для нищих издается в Париже в ограниченном количестве экземпляров и раздается одним профессиональным нищим, хотя ею интересуются и не одни нищие. Газета вовсе не занимается политикой или возвышенными идеями, а помещает на своих столбцах некоторые торговые сведения и сообщения профессионального мира. Номер газеты стоит 20 сантимов. Издатель газеты для нищих делает хорошие дела с объявлениями, которые интересны и не для профессионалов. Там можно, например, встретить следующего рода объявления: «Ищут слепого, который немного играет на флейте», или: «Ищут безрукого на одно оживленное морское купание, предпочтение будет отдано лицам, лишенным правой руки. Необходимы хорошая рекомендация и маленький залог». Подобными объявлениями переполнена газета для нищих. В Париже существует до двадцати бюро, которые поставляют всевозможных нищих и убогих на курорты и морские купания по всей Франции. Для профессионалов особенный интерес представляет отдел, в котором сообщается о предстоящих свадьбах, крестинах, похоронах, рождениях и именинах знатных и богатых людей, которые могут доставить что-нибудь абонентам.

КОРОЛЕВСТВО НА ПРОДАЖУ

Германское колониальное управление обнародовало, что 18 апреля будущего, 1903 года в девять часов утра будет продаваться с публичного торга королевство Пуапе в Тихом океане. Это королевство, принадлежащее путешественнику Иогану Станиславу Кубари, не населено, но занимает площадь в 900 гектаров на острове Пуапе, 80 гектаров на острове Таатик и 6 гектаров на острове Янутук. Торг начнется с суммы в 15 тысяч германских марок. Желающие приобрести это королевство должны находиться в назначенный день в Пуапе.

ЖЕРТВЫ МОДЫ

Американские аллигаторы становятся жертвами моды. В дамском мире спрос на кошельки, записные книжки, сумки из аллигаторовой кожи так велик, что через десять лет почти все американские аллигаторы будут уничтожены. Истребление этих земноводных положительно беспримерно, особенно в такое короткое сравнительно время. Еще очень недавно аллигаторы водились массами. Одна только фирма в Новом Орлеане ежегодно продавала около полумиллиона кож аллигаторов. Теперь же нельзя было найти аллигатора больших размеров для зоологического сада в Северной Америке, и охота на аллигаторов уже не прельщает собой промышленников потому, что аллигаторов уже почти нет.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

«ОТЕЦ ГОРОДА» ИЗ ЗООПАРКА

На выборах в городскую управу жители одного из районов бразильского города Сан-Паулу написали на бюллетенях имя любимца зоопарка — бегемота Рико. «Мы считаем, что Рико окажется куда, деятельней многих членов муниципалитета», — заявили они. Избирательная комиссия отказалась утвердить кандидатуру на том основании, что Рико неграмотен.

ТУННЕЛИ ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ

Проспекты с этим заманчивым предложением выпустила японская железнодорожная компания. На линии, предназначенной к сносу, остаются пять туннелей. Фирма советует приспособить их, в частности, под отели для горожан, уставших от городского шума — в туннелях абсолютно тихо.

СКОЛЬКО ЗА НОС?

Десять тысяч долларов — во столько оценил свой нос американец Джордж Томпсон. Именно на такую сумму он застраховал свой орган обоняния, отправляясь в отпуск в Европу. «Боюсь, как бы европейские запахи не повредили ему», — озабоченно говорил мистер Томпсон. Дело в том, что он служит главным дегустатором фирмы по производству виски, и без носа он, строго говоря, как без рук.

ПАЛКА, ПАЛИЦА, БУМЕРАНГ

«Бумеранг — особая метательная палица, обладающая свойством описывать при полете своеобразные кривые. Отдельные виды Б. обладают свойством, описав широкий круг, возвращаться к ногам бросившего его человека».

(«Народы Австралии и Океании»)

В Австралии широко известен анекдот:

— Как дела у Смита?

— Вы знаете, плохо. Бедняга купил себе новый бумеранг, но никак не может выбросить старый...

Ясно представляешь себе беднягу Смита: исхудавший, с растрепанными волосами, он пытается выбросить подержанный бумеранг, а тот упрямо возвращается. Жена и дети несчастного полными слез глазами смотрят на главу семейства, а он слабеющей рукой отталкивает от себя назойливо возвращающийся бумеранг...

Анекдот, конечно, и ничего больше. Всем понятно, что бедняга Смит мог бы просто отнести бумеранг подальше от дома и даже закопать его. Если не хочешь, чтобы бумеранг возвращался, нечего его бросать. То, что бумеранг возвращается, кажется вполне естественным. Тем более что бумеранги, продающиеся в Сиднее, Нью-Йорке, Лондоне и Аделаиде, возвращаются.

Возвращаются английские бумеранги: легкий детский из бальсового дерева и изящный дамский. Возвращается японский бумеранг, выполненный из бесцветного пластика. Со свистом возвращается французская модель — хромированный алюминий.

Однако, как видно из приведенного эпиграфа, ученые признают «свойство возвращаться» только за «отдельными видами Б.». Причем эти «отдельные виды» известны были только отдельным племенам. У многих же племен не было вообще никакого бумеранга, зато все австралийские аборигены употребляли (а кое-где употребляют и по сей день) «метательные палицы».

Вначале была палка, обыкновенная палка. Такое простейшее оружие сохранилось у племени вонкангуру. Мужчины этого племени, отправляясь на охоту за птицами или другой мелкой дичью, берут с собой по охалке палок. Разной формы орудия для метания есть у всех племен Австралии. Среди них прямые и изогнутые, длинные и короткие, ровные и с утолщением на конце, заостренные и тупые, из простого и из особо твердого дерева, выделанные грубо и искусно, с орнаментом и без орнамента.

Одна из наиболее интересных палиц была у племени диери: гладкая, слегка изогнутая, круглого сечения. К обоим концам палица заостряется. Эта палица — последний шаг к настоящему бумерангу.

Настоящий бумеранг изогнут в середине под тупым углом. Борта его заострены, а поверхность слегка искривлена. Он делается из корневища таких твердых пород дерева, как эвкалипт, акация или казуарин. Когда умелый охотник бросает бумеранг, тот проделывает в воздухе довольно странный маневр: он движется обычно справа налево, словно повторяя очертания раскрытого веера, на последней прямой он уже еле крутится, мягко опускаясь к ногам хозяина. Иногда же бумеранг бросают таким образом, что, пролетев метров тридцать, он ударяется о землю и, отскочив от нее, взвивается вверх и поражает жертву.

Летающий бумеранг напоминает живое существо, столь странные и неожиданные курбеты проделывает он в воздухе. Бумеранг исследовали многие ученые. Советский этнограф А. Е. Раевский, собственноручно метая бумеранг, изучил его свойства и пришел к выводу, что особенности его полета «не зависят ни от формы, ни от величины, а только от едва заметных глазом винтообразных искривлений поверхности». Абори-

№ 7 ИЮЛЬ 1970

СОДЕРЖАНИЕ

В. ГРИЩЕНКО — Над нами — Ледовитый океан . . . 2-я стр. обл. Долгий путь иноземных идолов 6	
Е. ФРОЛОВА — Всадники спешат в Балмазуйварош 14	
КИР. БУЛЫЧЕВ — Я вас первым обнаружил! 16	
М. БЕЛЕНЬКИЙ — О том, кого гоняют и бьют 21	
ХУАН БАТИСТА РИВАРОЛА — «Трын-трава» 26 Загадки, проекты, открытия 27	
В. ТАЛАНОВ — Под парусами через пустыню 28	
ФАУСТО АНДРАДЕ — Еще раз попытаем счастья 32	
Ю. СТЕПАНОВ — Зыбкое царство туманов 39	
ОРИАНА ФАЛЛАЧИ — Почему они фидайны? 42	
С. АРУТЮНОВ — Театр «Но» 47	
М. МАРИКОВ — Не в своем флаге не ходи! 48	
В. АРСЕНЬЕВ — Июнь на островах 50	
В. ВЛАДИМИРОВ — Галактические «времена года» 56	
Г. ПОЛЬСКОЙ — Любовь к трем скорпионам 58	
А. ЛЕСКОВ — Сокровища скифских пирамид 59	
ДОНАЛЬД ГРОПМАН — Под силу ли сердцу 63	
С. МИЛИН — Камикадзе — «божественный ветер» 66	
В. ЦВЕТОВ — Опять «божественный ветер»? 71	
Б. РЫБНИКОВ — Королева пиратов 73 Пестрый мир 77 Листая старые страницы 78	
Л. ОЛЬГИН — Палка, палица, бумеранг 79	

На первой странице обложки: **ЯПОНИЯ**. Артист театра «Но» (см. заметку на стр. 47).

Редакционная коллегия:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН,
М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель
главного редактора), **Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь),
А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. МЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление **А. Гусева** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефон для справок 251-1.5-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 7/V 1970 г. Подп. к печ. 10/VI 1970 г. А02640.
Формат 84x108 1/16. Печ. л. 5 (усл. 8,4), Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 900 000 экз. Заказ 839. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва. А-30, Сушевская, 21.

гены, создавая собственными руками вышеуказанные «винтообразные» искривления поверхности», были все же убеждены в магических свойствах бумеранга. Не случайно возвращающийся бумеранг играет у них роль скорее символическую, чем практическую. Гораздо более необходим им боевой бумеранг. Он не умеет возвращаться, зато летит далеко — до двухсот метров и острым своим краем наносит тяжелые раны.

Самый сложный бумеранг у племен Северной территории и Квинсленда. Это бумеранг с крюком, внешне он напоминает мотыгу с изогнутой рукояткой. Брошенный опытным воином, бумеранг цепляется крюком за щит и, обернувшись вокруг него, поражает врага.

Ни одному европейцу до сих пор не удавалось бросить бумеранг на уровне рядового аборигена. А среди аборигенов признанный авторитет — Джо Тимбери. На третьей странице обложки вы видите Джо во время демонстрации «бумерангометания».

Перед тем как пустить бумеранг в дело, Джо тщательно осматривает его (пусть это даже бумеранг, который он бросал сотни раз). Затем, зажав его в руке, как жнец серп, он начинает медленно двигать бумерангом, изучая направление и силу ветра.

Потом несколько раз замахивается и, улучив подходящий порыв ветра, бросает, вкладывая в бросок всю силу.

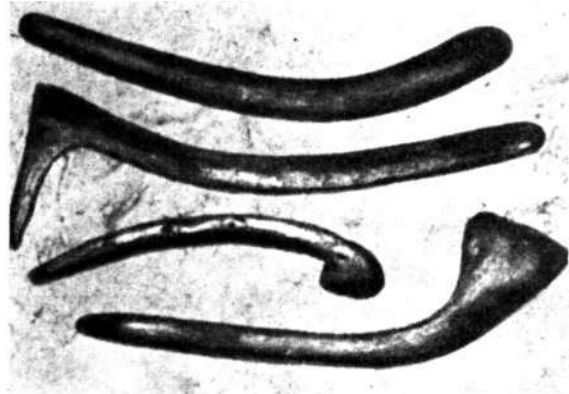
Бумеранг летит, сначала вращаясь в вертикальной плоскости, затем поворачивается параллельно земле, загибает влево и, описав широкую дугу, прилетает обратно.

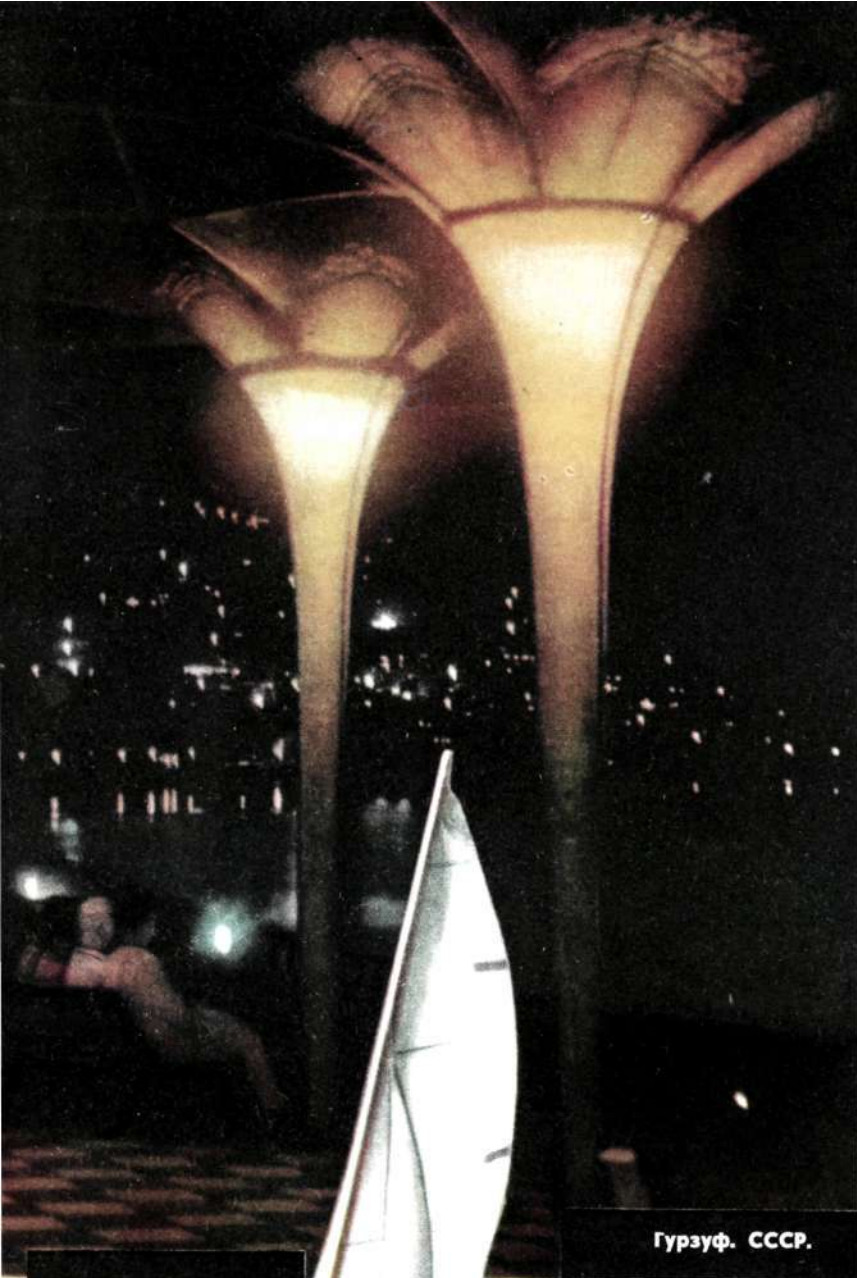
Говорят, что опасно стоять рядом с металлическим, но, если в вас бросают бумеранг, не пытайтесь избежать удара, перебегайте на другое место, ибо невозможно предугадать, с какой стороны бумеранг настигнет жертву.

Люди, не сведущие в бумерангометании уверены, что бумеранг бросают параллельно земле. И когда новичок берет в руки бумеранг, он обязательно бросает его таким образом. Бумеранг стремительно, как вертолет, взлетает вверх и тут же, как подбитая птица, падает на землю.

...В общем, из популярного анекдота о горемыке Смите можно сделать вполне практический вывод: Смит был неплохим специалистом в трудном искусстве владения бумерангом.

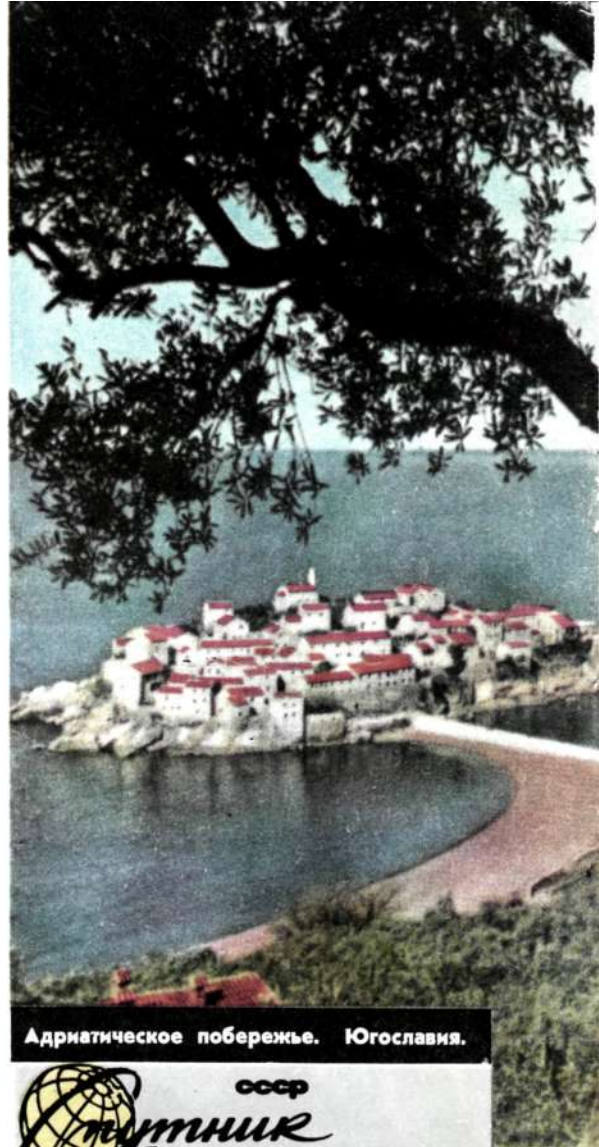
Л. ОЛЬГИН

Балатон. Венгрия.

Гурзуф. СССР.

Адриатическое побережье. Югославия.

ссср

путник

**бюро международного
молодежного туризма**

«Спутник» организует отдых
советских туристов в международных
молодежных лагерях.

Солнечный берег.
Болгария.

Цена 60 коп.

Индекс 70142